

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

18+

РИЧАРД
МОРГАН

ПРОБУЖДЕННЫЕ
ФУРИИ

ВСЕЛЕННАЯ «ВИДОИЗМЕНЕННОГО УГЛЕРОДА»

Ричард Морган
Пробужденные фурии
Серия «Звезды научной фантастики»
Серия «Такеси Ковач», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38611809

*Пробужденные фурии:
ISBN 978-5-17-099086-3*

Аннотация

Такеси Ковач вернулся домой, на планету Харлан, где океаны полны чудовищами, в небе любой объект крупнее вертолета сбивают орбитальники исчезнувшей нечеловеческой цивилизации, а по земле бродит вышедшая из-под контроля боевая техника. Такеси прилетел сюда, чтобы отомстить, но в его планы быстро вмешались призраки прошлого. Попав в водоворот политических интриг и таинственных событий, Ковач сталкивается с сознанием воскресшей из мертвых Куэллкрест Фальконер, легенды, когда-то чуть не свергнувшей власть Первых Семей Харлана. Невольно став ее защитником, он попадает под прицел местных властей, корпораций и якудза. Но самое страшное, что охоту на него возглавляет молодая версия Ковача, безжалостная и страшная, чья оцифрованная копия много веков пролежала на хранении. И теперь Такеси придется столкнуться лицом к лицу с самим собой, чтобы победить.

Содержание

Благодарности	5
Пролог	6
Часть первая	14
Глава первая	15
Глава вторая	32
Глава третья	51
Глава четвертая	70
Глава пятая	86
Глава шестая	97
Глава седьмая	116
Глава восьмая	134
Часть вторая	143
Глава девятая	143
Глава десятая	160
Глава одиннадцатая	180
Глава двенадцатая	194
Глава тринадцатая	206
Конец ознакомительного фрагмента.	209

Ричард Морган

Пробужденные фурии

*Эта книга посвящается моей жене, Вирджинии
Коттинелли, которая не понаслышке знает о
трудностях*

Copyright © 2005 by Richard Morgan

First published by Gollancz London.

© Сергей Карпов, перевод, 2018

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Fury (сущ.)

1. Сильная, неуправляемая и часто разрушительная ярость...
2. Дикая, неуправляемая сила или деятельность.
- 3а. Одна из трех богинь греческой мифологии, которые наказывают за преступления.
- 3б. Злая или мстительная женщина.

*Новый словарь английского языка.
Penguin, 2001*

Благодарности

Большую часть книги я просто выдумал. В паре мест, где это было невозможно, я благодарен за помощь следующим людям.

Дэйв Клэр предоставил бесценный совет и знания по скалолазанию, как на странице, так и в горах. Прекрасный роман Кема Нанна «*Оседлай волну*» и и-мейлы Джея Кейсельберга позволили заглянуть в мир серфинга. А Бернард из «Дайвинг Форнеллс» научил меня безопасно существовать под водой. Если где-то есть ошибки – виноват я, а не они.

Мои отдельные благодарности Саймону Спэнтону и Кэролин Уитакер, которые с бесконечным терпением ждали этот роман и никогда не намекали на сроки.

Пролог

Там, где меня разбудили, все было тщательно подготовлено.

Как и в зале для приемов, где мне предложили сделку. Семейство Харланов ничего не делает наполовину и, как вам подтвердит любой Принятый, любит производить хорошее впечатление. Черный декор с золотыми отливами в тон родовым гербам на стенах; низкочастотное звуковое окружение вселяет в тебя душевный трепет перед грядущей аудиенцией с настоящими сливками общества. Какой-нибудь марсианский артефакт в углу безмолвно намекает: власть над миром перешла от наших давно исчезнувших негуманоидных благодетелей в твердые руки современной олигархии Первых Семей. Неизбежная голоскультура самого старика Конрада Харлана, тот стоит в торжественной позе «первооткрывателя планеты». Одна рука высоко поднята, вторая прикрывает лицо от яростного света чужого солнца. Все в таком духе.

И вот появляется Такеси Ковач, всплывает из низкого резервуара, заполненного гелем, в бог знает каком новом теле, захлебываясь в мягком постельном свете, и поднимается с помощью безмятежных слуг в гидрокостюмах с вырезами. Полотенца невероятной пушистости – чтобы стереть гель, халат из того же материала – для короткой прогул-

ки в следующую комнату. Душ, зеркало – пора привыкать к очередному лицу, солдат, – новая одежда к новой оболочке, и дальше – в зал для аудиенций на беседу с членом семьи. Конечно же, женщиной. Они ни за что не пришлют мужчину, зная обо мне все. Брошен отцом-алкоголиком в десять, рос с двумя младшими сестрами, спорадическая психотическая реакция при встрече с патриархальными фигурами. Нет, только женщина. Какая-нибудь учтивая и опытная руководительница, агент секретной службы семейства Харланов в не самых публичных делах. Писаная красавица в выращенной на заказ оболочке-клоне, наверняка не старше сорока по стандартному летоисчислению.

– Добро пожаловать на планету Харлан, Ковач-сан. Вы хорошо себя чувствуете?

– Ага. А ты?

Самодовольное высокомерие. Благодаря тренировке чрезвычайных посланников он замечает и обрабатывает детали окружения со скоростью, о которой нормальные люди могут только мечтать. Оглянувшись, Такеси Ковач за долю секунды понимает – понимал с самого пробуждения в резервуаре, – что он кое-кому очень нужен.

– Я? Можете звать меня Аюра, – язык амеранглийский, не японский, но в умело выстроенном непонимании вопроса, элегантном уклонении от оскорбления – без тени возмущения – прекрасно видны культурные корни Первых Семей. Женщина поднимает руку, так же элегантно. – Впрочем, кто

я, в данном случае не важно. Думаю, вам понятно, кого я представляю.

– Да, понятно, – то ли низкие частоты, то ли отрезвляющий ответ на легкомысленность, но что-то приручает наглость в моем голосе. Чрезвычайные посланники впитывают все вокруг, и в некоторой степени это походит на заражение. Часто инстинктивно перенимаешь чужое поведение, особенно если интуиция посланника улавливает, что в текущем окружении это поведение дает преимущество. – Значит, у меня новая командировка.

Аюра деликатно кашляет.

– Можно выразиться и так.

– Одинокое задание? – само по себе дело обычное, но и не самое веселое. Когда ты в команде чрезвычайных посланников, чувствуешь такую уверенность, какой не бывает при работе с заурядными людьми.

– Да. Другими словами, вы будете единственным чрезвычайным посланником. Но традиционные ресурсы будут вам предоставлены в любом количестве.

– Звучит неплохо.

– Будем надеяться.

– И что вам от меня нужно?

Женищина опять деликатно откашливается:

– Все в свое время. Позвольте снова осведомиться, хорошо ли вы себя чувствуете в оболочке?

– Очень даже, – внезапное осознание, насколько все от-

лажено. Реакция оболочки впечатляет даже по сравнению с боевыми моделями Корпуса. Прекрасное тело, по крайней мере, изнутри. – Что-то новенькое от «Накамурь»?

– Нет. – Взгляд женщины только что скользнул вверх и влево? Она – офицер безопасности, наверняка оснащена ретинальным инфодисплеем. – «Харкани Нейросистемс», выращена по внепланетной лицензии для «Хумало-Кейп».

Посланникам не полагается поддаваться удивлению. Если я и нахмурился, то мысленно.

– «Хумало»? Впервые слышу.

– Неудивительно.

– Прошу прощения?

– Достаточно будет сказать, что мы оснастили вас по последнему слову биотехники. Сомневаюсь, что мне нужно перечислять возможности оболочки человеку вашего опыта. Если же потребуются подробности, краткое руководство найдется в инфодисплее в левом поле вашего зрения, – слабая улыбка, может, даже с намеком на усталость. – «Харкани» не выращивали специально для применения чрезвычайными посланниками, и у нас не было времени обеспечить что-то более подходящее.

– Значит, у вас кризис?

– Очень пронизательно, Ковач-сан. Да, ситуацию вполне можно назвать критической. Мы бы хотели, чтобы вы приступили к работе немедленно.

– Ну, за это мне и платят.

– Да, – будет ли она сейчас углубляться в вопрос, кто именно мне платит? Вряд ли. – Как вы, вне всяких сомнений, уже догадались, это тайное задание. Совершенно не похоже на Шарню. Хотя, насколько я понимаю, в конце той кампании у вас был опыт встречи с террористами.

– Ага, – когда мы разнесли их МП-флот, взломали системы передачи данных, растоптали экономику и в целом лишили способности обороняться, еще оставались крепкие орешки, до которых не дошел намек Протектората. И мы их выслеживали. Внедрялись, сближались, саботировали, предавали. Убивали в темных подворотнях. – Было дело.

– Хорошо. У этой работы схожий характер.

– У вас проблемы с террористами? Снова куэллисты бунтуют?

Она отмахивается. Большие никто не принимает куэллизм всерьез. Уже несколько столетий. Горстка подлинных куэллистов, еще оставшихся на планете, променяла революционные принципы на высокодоходную преступность. Риски те же, платят лучшие. Они не угроза ни для этой эсеницы, ни для олигархии, от имени которой она говорит. Это первый намек, что дело не такое, каким кажется.

– Это, скорее, вопрос розыска, Ковач-сан. Человека, а не политической группировки.

– И вы обратились к чрезвычайным посланникам. – Даже с маской самоконтроля бровь не могла не дрогнуть. И голос наверняка приподнялся. – Должно быть, человек вы-

дающийся.

– Да. Так и есть. На самом деле он бывший посланник. Ковач-сан, прежде чем продолжить, думаю, необходимо кое-что прояснить, – вопрос, который...

– Лучшие проясните моему старшему по званию. По мне это подозрительно похоже на пустую трату времени Корпуса. Такой работой мы не занимаемся.

– ...может, вас в чем-то шокировать. Вы, эм-м, несомненно, уверены, что вас поместили в новую оболочку вскоре после кампании на Шариш. Возможно, даже спустя пару дней после вашего пробоя.

Пожатие плечами. Спокойствие посланников.

– Дни, месяцы – для меня это не имеет значе...

– Два века.

– Что?

– Вы не ослышались. Вы пролежали на хранении чуть меньше двух сотен лет. В реальном времени...

Спокойствие посланников тут же идет к черту.

– Какого хрена случилось с...

– Прошу, Ковач-сан. Выслушайте, – резкая нотка приказного тона. А затем, когда ее интонация снова меня затывает, настраивает слушать и запоминать, уже тише, – позже я предоставлю столько подробностей, сколько пожелаете. Пока что будет достаточным знать, что вы больше не состоите в Корпусе чрезвычайных посланников. Можете считать себя частным наемником семьи Харланов.

С последних секунд сознательного существования прошли столетия. Брошен во времени. Выгружен в будущем. Как какой-то преступник. До всего, что знал, до всех, кого знал, — целая вечность. Конечно, техника ассимиляции посланников уже должна бы успокоить нервы, но все же...

— Как вы...

— Семья приобрела файл вашей оцифрованной личности некоторое время назад. Как я уже сказала, могу сообщить вам подробности позже. Сейчас не стоит забивать этим голову, Ковач-сан. Контракт, который я предлагаю, прибыльный и, как нам кажется, весьма выгодный. Для вас сейчас важнее всего оценить испытание, которому подвергнутся ваши навыки. Это уже не та планета Харлан, что вы знали.

— С этим я справлюсь, — нетерпеливо. — Это моя работа.

— Хорошо. Теперь вам, конечно, интересно узнать...

— Ага, — отключить шок — как поставить шину на раненую конечность. Снова собрать весь профессионализм и вальяжное безразличие в кулак. Хвататься за очевидное — самое разумное в этих обстоятельствах. — Что ж это за хренов экс-посланник, который вам кровь из носа нужен?

Может, все было как-то так.

А может, и нет. Я делаю выводы из подозрений и отрывочной информации. Основываюсь на догадках, пользуюсь интуицией посланников, чтобы заполнить пробелы. Но я могу и ошибаться.

Откуда мне знать.

Меня же там не было.

И я не видел его лица, когда ему сказали, где я был. Когда сказали, что я в принципе существую, а потом сообщили, что именно ему надо делать.

Часть первая

Это и есть ты

Пусть это будет личным...

*Куэллкрисст Фальконер. То, что я уже должна была понять,
том II*

Глава первая

Первая кровь.

Рана жгла адски, но бывало и хуже. Разряд бластера полоснул вслепую по ребрам, уже ослабленный обшивкой двери, которую ему пришлось прогрызть, чтобы добраться до меня. Священники – там, за захлопнутой дверью, – надеялись на простой выстрел в живот. Блин, любители на выезде. Наверняка им самим было не лучше от рикошета после такого-то выстрела в упор. Я же за дверью уже увернулся. Остатки заряда проделали длинную неглубокую борозду на грудной клетке и затухли, тлея в складках куртки. Внезапный мороз в задетом боку и резкая вонь поджаренных кожных сенсоров. То любопытное шипение костей, почти отдающееся вкусом во рту, на месте, где разряд сорвал биосмазку нижних ребер.

Восемнадцать минут спустя, судя по мягкому свету в верхнем левом углу ретинального дисплея, я слышал все то же шипение, пока торопился по освещенной фонарями улице, пытаюсь забыть о ране. Незаметный ручеек жидкости под курткой. Крови немного. У синтетических оболочек есть свои преимущества.

– Не хочешь развлечься, сам?

– Уже развлекся, – ответил я, сворачивая от дверей. Он пренебрежительно затрепетал веками с татуировками вол-

ны, как бы сказав «тебе же хуже», и его статное мускулистое тело томно скрылось во мраке. Я перешел улицу и свернул за угол, лавируя между парочкой других проституток – одна женщина, вторая неопределенного пола. Женщина была аугментом – по чрезмерно подвижным губам пробегал раздвоенный язычок дракона, возможно, почуяв мою рану в ночном воздухе. Ее взгляд тоже протанцевал по мне, потом скользнул дальше. Кроссгендер с другой стороны слегка сменил позу, озадаченно посмотрел на меня, но промолчал. Обоим я оказался неинтересен. Улицы были мокрые от дождя и опустевшие, так что у них было больше времени меня разглядеть, чем у секс-работника в дверях. Покинув цитадель, я привел себя в порядок, но, видимо, что-то во мне выдавало безнадежность в плане бизнес-перспектив.

За спиной я услышал, как они говорят обо мне на стрип-япе. Услышал слово «нищесброд».

Привередливые. Впрочем, могли себе позволить. Благодаря Инициативе Мексека бизнес процветал. Текитомура этой зимой была переполнена, кишела торговцами ломом и деКомовцами, к которым торгаши лезли стаями, как рипвинги к траулеру. «Новый век – безопасный Новый Хок», – гласила реклама. От недавно возведенного дока для хOVERов в районе Комптё было меньше тысячи километров по прямой до берегов Нового Хоккайдо, и хOVERлодеры гоняли туда-сюда день и ночь. Не считая выброски с воздуха, быстрее способа перебраться через море Андраши не было. А на Харла-

не лишний раз в воздух не поднимаются. Обычная команда с тяжелым оборудованием – то есть любая – поплывет в Новый Хок на грузовом ховере из Текитомуры. Те, кто выживет, вернутся тем же маршрутом.

Город на подъеме. Свет новой надежды и отважный энтузиазм под дождем денег Мексека. Я хромал по магистралям города, усеянным последствиями кутежа. В кармане постукивали, как игральные кости, свежеизвлеченные стеки памяти.

На пересечении улицы Пенчева и проспекта Муко шла драка. Притоны на Муко только что закрылись, вытурили на улицу завсегдатаев с поджаренными синапсами, и те столкнулись с докерами, которые возвращались с ночной смены в гнилой тишине складского района. Другой причины для насилия не нужно. Теперь десяток человек с паршивой координацией шарахаются по улице, неумело хватая друг друга под подбадривающие крики собравшейся толпы. Одно тело уже неподвижно лежит на тротуаре из расплавленного стекла, а кто-то, истекая кровью, ползком выволакивает себя из свары, упорно подтягиваясь рукой. С силовых костяшек избыточным зарядом брызнули синие искры; где-то блеснуло лезвие. Но все, кто еще стоял на ногах, вроде бы неплохо отрывались, а полиции так и не было.

«Ага, – хмыкнул я про себя. – Наверное, слишком заняты на холме».

Я обошел движуху, как мог, прикрывая раненый бок. Ру-

ки под курткой сомкнулись на гладком изгибе последней галлюциногенной гранаты и чуть липкой рукоятке ножа «Теб-бит».

Никогда не влезай в драку, если можешь быстро убить и исчезнуть.

Вирджиния Видаура – тренер Корпуса чрезвычайных посланников, позже успешная преступница и иногда политическая активистка. Кто-то вроде моего образца для подражания, хотя со времен нашей последней встречи прошло уже несколько десятилетий. Она незваной влезала ко мне в мозг на множестве разных планет, и этот призрак десятки раз спасал мне жизнь. В этот раз ни она, ни нож мне не понадобились. Я миновал драку, даже не встретившись ни с кем глазами, добрался до угла Пенчева и растаял в тенях переулков на приморской стороне улицы. Чип времени в глазу говорил, что я опаздывал.

Поднажми, Ковач. Если верить контакту в Миллспорте, Плекс и в лучшие времена был не очень надежен, а сейчас я слишком мало ему заплатил для долгого ожидания.

Пятьсот метров вниз и затем налево, в тесные фрактальные завихрения секции «Белахлопок Кохей», названного века назад в честь основного товара и первой семьи операторов-владельцев, склады которой и составляли извивающийся лабиринт проулков. После Отчуждения и последующей потери рынка Нового Хоккайдо местная торговля белаводорослями заглохла, а семьи вроде Кохеев резко обанкроти-

лись. Теперь фасады домов печально взирали друг на друга заросшими пылью окнами на верхних этажах, а внизу рулонные ворота, как разъявленные рты, нерешительно застряли где-то наполовину между открытием и закрытием.

Конечно, шли разговоры о возрождении, о том, чтобы заново открыть эти помещения и переоснастить под лаборатории деКома, тренировочные центры и склады оборудования. В основном разговоры так и оставались разговорами – энтузиазм прижился на складах, выходящих на западные пирсы для хOVERов, но пока не распространился дальше – по тем же причинам, почему не станешь доверять телефон электро-нарку. Так далеко от верфи и так далеко на восток звон финансов Мексека практически не доносился.

Радости экономики просачивания¹.

«Белахлопок Кохей» 9.26 тлел слабым огоньком в верхнем окне, а длинные беспокойные языки теней от света, сочившегося из-под приподнятых ворот, окончательно придавали зданию вид одноглазого слюнявого маньяка. Я прижался к стене и выкрутил аудиосхемы синтоболочки на максимум, то есть ненамного. На улицу потекли голоса, нервные, как тени у моих ног.

– ...говорю, *этого* я ждать не собираюсь.

Миллспортский акцент, манерный выговор метрополии –

¹ Экономика, при которой богатство обеспеченных слоев общества просачивается сверху вниз. Примером служит рейганомика. (Здесь и далее примечания переводчика.)

харлановский амеранглийский, растянутый так, что коробит слух. Бормотание Плекса, чуть тише уровня членораздельности, звучало на контрасте мягко и провинциально. Кажется, он задал вопрос.

— А я откуда-то знаю, твою мать? Хочешь верь, а хочешь нет, — собеседник Плекса ходил, что-то переставлял. Его голос заглушило эхо в глубине склада. Я уловил слова «кайкё», «верить» и обрывок смешка. Затем опять ближе к воротам. — ...то, во что верит семья, а семья верит тому, что говорит технология. Технология оставляет следы, друг мой, — резкий кашель и вдох, словно при употреблении рекреационных наркотиков. — Этот урод опаздывает.

Я нахмурился. У слова «кайкё» множество значений, но все зависят от твоего возраста. Географически — это пролив или канал. В такой форме термин бытовал на начальном этапе Освоения, ну или у выпендрежников из Первых Семей с их гиперграмотностью и кандзи. Этот парень явно не из Первой Семьи, но он вполне мог просто *жить* в те времена, когда Конрад Харлан и его дружки со связями превращали Глиммер VI в свой личный садик. С тех давних времен на хранении до сих пор лежит много оцифрованных личностей, которые так и ждут загрузки в рабочую оболочку. Впрочем, чтобы прожить всю человеческую историю Харлана, оболочку не пришлось бы менять больше шести раз. Прошли всего около четырехсот лет по земным меркам с тех пор, как на планету сели баржи колонистов.

В голове дернулась интуиция посланников. Что-то не так. Я встречал мужчин и женщин со столетиями сознательной жизни за спиной, и никто из них так не разговаривал. В ночи Текитомуры над дымом из трубки манерно звучала вовсе не мудрость веков.

На улицах, на арго стрип-япа, исковеркавшись за пару сотен лет, «кайкьё» значит «тот, который сбывает украденное». Оператор тайных товарных потоков. В некоторых частях Миллспортского архипелага так до сих пор говорят. В других местах значение меняется и обозначает легальных финконсультантов.

Ага, а на юге это значит «одержимый духами святой» или «выход канализации». Хватит корчить из себя детектива. Слышал же человека – ты опаздываешь.

Я взялся за ворота и поднял вверх, блокируя прилив боли от раны настолько, насколько позволяла нервная система синтоболочки. Ворота с грохотом поднялись к крыше. Улицу и меня залил свет.

– Добрый вечер.

– Господи! – миллспортский акцент отшатнулся на целый шаг. Он стоял всего в паре метров от ворот, когда я их поднял.

– Здравствуй, Так.

– Привет, Плекс, – я не сводил взгляда с гостя. – Что это за тан?

Но я уже понял и сам. Бледная, холеная внешность прямичи-

ком из второсортного фильма-эксперии, где-то между Микки Нозавой и Рю Бартоком. Пропорционально сложенная бойцовская оболочка, широкая в груди и плечах, с длинными конечностями. Копна волос, как нынче модно на подиумах биотеха, – высокая прическа, словно от удара током, которая должна выглядеть так, будто оболочку только что вынули из резервуара клонов. Одежда просторная, ниспадает изящными складками, явно скрывает оружие, поза говорит о том, что он готов его использовать. Боевая стойка, правда, – больше лай, чем готовность кусать. В сложенной ладони у него до сих пор была разряженная микротрубка, а зрачки расширились до пределов. Уступка старинной традиции – татуированные иллюминием завитушки в уголке лба.

Ученик якудза из Миллспорта. Уличный головорез.

– Не смей звать меня тан, – прошипел он. – Ты не местный. *Ты* здесь чужак, Ковач.

Я отвернулся от него, следя лишь краем глаза, и посмотрел прямо на Плекса – тот стоял у станков, возился с узлом ремней и примеривал улыбку, которой было неуютно на его потасканном лице ариста.

– Слушай, Так...

– У нас была строго закрытая вечеринка, Плекс. Я развлечений не заказывал.

Якудза дернулся вперед, еле сдерживаясь. Из его горла донесся скрежет. Плекс явно запаниковал.

– Подожди, я... – он с очевидным усилием отложил рем-

ни. – Он здесь по другому поводу, Так.

– Но в мое оплаченное время, – спокойно заметил я.

– *Слушай*, Ковач. Ты, гребаный...

– *Нет*, – при этом я посмотрел на него, надеясь, что он почувствует ярость в моем голосе. – Ты знаешь, кто я, и не будешь мне мешать. Я пришел поговорить с Плексом, а не с тобой. Теперь проваливай.

Не знаю, что его остановило, – репутация посланников, последние новости из цитадели, – *ведь об этом уже все знают, такого ты там наворотил*, – или просто не такая горячая голова, как можно было подумать по бандитскому виду и дешевому прикиду. На миг он замер, еле усмирил гнев, затем отступил и перенаправил его – ухмыльнулся и с пренебрежительным видом уставился на ногти правой руки.

– Ладно. Вперед, води переговоры с Плексом. Я подожду снаружи. Это все равно ненадолго.

Даже сделал первый шаг к улице. Я посмотрел на Плекса.

– Что это он несет?

Тот поморщился.

– Нам, э-э, придется изменить планы, Так. Мы не можем...

– О нет, – но, оглядевшись, я уже видел спиральные рисунки на пыли там, где пользовались гравподъемником. – Нет-нет, ты мне говорил...

– Я з-знаю, Так, но...

– Я тебе *заплатил*.

– Я верну деньги...

– Мне *не нужны* сраные деньги, Плекс, – я вперил в него взгляд, борясь с желанием порвать ему глотку. Без Плекса не будет загрузки. Без загрузки... – *Мне нужно мое тело, сука.*

– Все нормально, все нормально. Ты его получишь. Просто прямо сейчас...

– Просто прямо сейчас, Ковач, оборудование взяли мы, – якудза показался снова, все еще ухмыляясь. – Потому что, если начистоту, оно вообще-то наше. Но Плекс, видимо, об этом не упомянул, да?

Я перевел взгляд. Плекс казался пристыженным.

«*Как его не пожалеть*, – Иса, мой миллспортский торговец контактами, – целых пятнадцать лет, рваная фиолетовая прическа и до брутальности очевидные допотопные разъемы инфокрысы, – во время обсуждения сделки и цены предавалась размышлениям с видом мудреца, уставшего от мирской суеты. – *Вспомни историю. Она его поимела*».

История действительно не пожалела Плекса. Родись он с фамилией Кохей на три века раньше, был бы избалованным младшеньким сынком, жил бы без всякой нужды, а очевидный интеллект проявлял бы лишь в таких джентльменских занятиях, как астрофизика или археология. Ну а так семья Кохей поколениям после Отчуждения оставила одни только ключи к десяти улицам пустых складов и упадочный шарм аристов, который, судя по собственным самоуничижительным исповедям Плекса, помогает разве что перепихнуться,

когда ты на мели. Не так уж и плохо, если подумать. Упоровшись трубкой, он пересказал мне всю свою жалкую историю меньше чем через три дня знакомства. Казалось, ему надо выговориться хоть кому-то, а посланники – отличные слушатели. Слушаешь, изучаешь местный колорит, впитываешь. Потом всего одна вспомнившаяся мелочь может спасти тебе жизнь.

От ужаса перед одной-единственной жизнью без новых оболочек обнищавшие предки Плекса учились зарабатывать на пропитание, но преуспели мало. Долги накапливались; стервятники приближались. Когда родился Плекс, семья уже была в кармане у якудза и третьеразрядная преступность стала просто частью их жизни. Он наверняка рос среди таких набыченных типов, как этот. Наверняка научился этой пристыженной, уступающей улыбке уже на коленях у отца.

Последнее, чего он хотел, – огорчать покровителей. Последнее, чего хотел я, – возвращаться хOVERлодером в Миллспорт в этой оболочке.

– Плекс, я забронировал место на «Шафрановой королеве». До отъезда четыре часа. Что, возместишь мне билет?

– Мы тебя перенесем, Так, – он говорил умоляющим голосом. – Завтра вечером будет еще один хOVER в ЭмПи. У меня – то есть у ребят Юкио...

– ...охренел называть мое *имя*?! – вскрикнул якудза.

– Тебя перенесут на вечерний рейс, никто ничего не узнает, – умоляющий взгляд обратился к Юкио. – Да? Вы же мо-

жете, правда?

Я тоже пристально посмотрел на якудза:

– Правда? Учитывая, как вы уже заporоли мои планы по отходу?

– Ты сам себе все заporол, Ковач, – якудза хмурился и качал головой. Разыгрывал семпая с манерностью и деланной важностью, которые наверняка скопировал прямиком с собственного семпая из не очень давних лет ученичества. – Ты знаешь, сколько копов тебя сейчас разыскивает? Отряды ищеек прочесывают весь север города, и что-то мне подсказывает, что они нагрянут в доки уже через час. Весь ТПД вышел поиграть. Не говоря уже про наших бородатых друзей-штурмовиков из цитадели. Блин, а *еще* больше крови ты там мог пролить?

– Я задал вопрос. Я не просил критики. Перенесете меня на следующий отлет или нет?

– Да, да, – он отмахнулся. – Как два пальца. Но никакого у тебя уважения, Ковач, к чужим переговорам по серьезно-му бизнесу. Приходишь, будоражишь местных законников бессмысленным насилием – а они поддадутся искушению закрыть тех, кто нам *нужен*.

– Для чего нужен?

– Не твое собачье дело, – пародия на семпая слетела, он снова стал чистым миллспортским уличным пацаном. – Просто не отвечивай следующие пять-шесть часов и постарайся никого не убивать.

– А что потом?

– А потом мы позвоним.

Я покачал головой:

– Придумай что-нибудь получше.

– Получше? – его голос стал громче. – Ты *охренел*? Ты с кем так разговариваешь, Ковач?

Я прикинул расстояние, время, которое потребуется, чтобы добраться до него. Боль, которой это будет стоить. Подобрал слова, которые его взбесят.

– С кем я разговариваю? Я разговариваю с обкуренным чимпирой, гребаной уличной шпаной, которую спустил с поводка семпай из Миллспорта, и мне это уже надоело, Юкио. Быстро дал сюда телефон – хочу поговорить с тем, кто действительно принимает решения.

Гнев взорвался. Глаза распахнулись, рука дернулась к тому, что было под курткой. Слишком поздно.

Я ударил.

Прыжок через все расстояние между нами, атака со здоровой стороны. Боковые удары по горлу и колену. Он рухнул, захлебываясь. Я схватил руку, вывернул и прикоснулся к ладони «Теббитом» так, чтобы он видел.

– Это нож с бионачинкой, – сказал я ему сухо. – Адорасонской геморрагической лихорадкой. Порежу – и все кровеносные сосуды в твоём теле лопнут через три минуты. *Хочешь?*

Он поерзал, хватая ртом воздух. Я прижал лезвие, увидел

панику в глазах.

– Так себе способ умереть, Юкио. *Телефон.*

Он порылся в куртке, телефон выскочил и заскользил по вечному бетону. Я наклонился, убедившись, что это не оружие, затем пнул назад к его свободной руке. Юкио подхватил аппарат – дыхание до сих пор хрипло рвалось из горла с наливающимся синяком.

– Отлично. Теперь набирай того, кто может помочь, потом передай мне.

Он пару раз ткнул в экран и протянул телефон, с таким же умоляющим лицом, какое пару минут назад было у Плекса. Я долго буравил его взглядом, пользуясь пресловутой неподвижностью дешевого синтетического лица, затем выпустил вывернутую руку, взял трубку и отступил подальше. Он перекатился от меня, все еще хватаясь за горло. Я прижал трубку к уху.

– Кто это? – спросил учтивый мужской голос на японском.

– Меня зовут Ковач, – я автоматически сменил язык. – У нас с вашим чимпирой Юкио конфликт интересов, который вы наверняка сможете уладить.

Ледяная тишина.

– Причем уладить как-нибудь прямо сегодня, – мягко добавил я.

На другом конце трубки кто-то с шипением втянул воздух между зубов.

– Ковач-сан, вы совершаете ошибку.

– Неужели?

– Вовлекать нас в ваши дела неблагоприятно.

– Но это не я вас вовлекаю. Прямо сейчас я стою на складе и смотрю на пустое место, где было мое оборудование. Благодаря надежному источнику я понял, что это вы его забрали.

Опять тишина. Разговоры с якудза неизменно перемежаются длинными паузы, во время которых полагается размышлять и внимательно прислушиваться к несказанному.

Но я был не в настроении. Рана ныла.

– Мне сказали, что вы закончите через шесть часов. Это терпимо. Но мне нужно ваше слово, что по истечении срока оборудование снова будет здесь и в рабочем состоянии, готовое к использованию. Мне нужно ваше слово.

– Разговаривайте с Хираясу Юкио по поводу...

– Юкио – *чимп*. Давайте будем честными в наших отношениях. Единственная работа Юкио – присмотреть, чтобы я не прикончил нашего общего поставщика услуг. И, кстати говоря, с этим он справляется не лучшим образом. Когда я прибыл, у меня уже кончалось терпение, и сомневаюсь, что пополню его запасы в ближайшее время. Юкио мне не интересен. Мне нужно *ваше* слово.

– И если я его не дам?

– Тогда пара ваших бизнесов-ширм будет выглядеть так же, как цитадель сегодня. Даю вам *свое* слово.

Молчание. Затем:

– Мы не ведем переговоров с террористами.

– Да ну *хватит*. Это что еще за речи? Я думал, что общаюсь с руководством. Мне что, придется сперва причинить ущерб прямо здесь?

Тишина с другим ощущением. Голос на другом конце трубки, похоже, задумался о чем-то еще.

– Хираясу Юкио ранен?

– Пока что не очень, – я холодно взглянул на якудзу. Тот снова обрел дыхание и начал садиться. На границе татуировки поблескивали капли пота. – Но все может измениться. Это в ваших руках.

– Очень хорошо, – всего пара секунд перед ответом. По стандартам якудза поспешно до неприличия. – Меня зовут Танаседа. Я даю вам слово, Ковач-сан, что требуемое оборудование будет на месте и доступно для вас в указанное время. Кроме того, вам заплатят за доставленное беспокойство.

– Спасибо. Это...

– Я не закончил. Также я даю слово, что, если вы совершите акт насилия в отношении моего персонала, я выпущу глобальный приказ на вашу поимку и дальнейшую казнь. Я говорю о весьма неприятной настоящей смерти. Это понятно?

– Справедливо. Но тогда, пожалуй, велите своему чимпу вести себя прилично. Кажется, он вбил себе в голову, что он профессионал.

– Передайте ему трубку.

Юкио Хираясу уже сидел, склонившись над вечным бетоном, и шумно дышал. Я шикнул ему и бросил телефон. Он неловко поймал его одной рукой, все еще поглаживая горло второй.

– Семпай хочет поговорить.

Он воззрился на меня – в глазах ненависть и слезы, – но приложил трубку к уху. Из нее зашипели сжатые японские слоги, будто кто-то пародировал пробитый газовый баллон. Он напрягся, опустил голову. Его ответы были отрывистыми и односложными. Часто слышалось слово «да». Одного у якудза не отнять – с их дисциплиной мало что сравнится.

Односторонний разговор закончился, и Юкио протянул телефон мне, не глядя в глаза. Я взял.

– Вопрос решен, – сказал Танаседа мне в ухо. – Прошу, остаток ночи проведите в другом месте. Через шесть часов вы можете вернуться, вас будет ждать оборудование и возмещение. Больше мы друг друга не услышим. Это. Недоразумение. Было весьма прискорбным.

Как-то он не сильно расстроился.

– Посоветуете хорошее место для завтрака? – спросил я.

Молчание. Вежливый шум помех. Я взвесил телефон в руке, затем бросил обратно Юкио.

– Ну, – я перевел взгляд с якудза на Плекса и обратно, – а *вы* мне посоветуете хорошее место для завтрака?

Глава вторая

Прежде чем Леонид Мексек обрушил водопады щедрости на нищую экономику Шафранового архипелага, Текитомура в сезоны нереста крупных боттлбэков перебивалась благодаря богатым рыбакам из Миллспорта или Охридовых островов, а еще занималась выловом паутинных медуз ради их масла. Благодаря биолюминесценции последних проще ловить ночью, но траулеры редко выходили больше чем на пару часов. Чуть дольше – и невесомые усики-стрекала паутинных медуз покроют одежду и поверхности на корабле таким плотным слоем, что рискуешь потерять производительность из-за отравления парами или ожогов кожи. Всю ночь траулеры то и дело возвращаются, чтобы прополоскать команду и палубу дешевым биорастворителем. За промывочной станцией, обозначенной сияющими лампами Ангьера, – короткий ряд баров и едален, открытых до рассвета.

Плекс, сыпя извинениями, словно из дырявого мешка, провел меня по складскому району до верфи и местечка без окон под названием «Токийский ворон». Оно не сильно отличалось от дешевых шкиперских баров Миллспорта: фрески Эбису и Эльма на заляпанных стенах вперемешку со стандартными молевыми табличками с надписями на кандзи или амеранглийской латинице: «Пожалуйста, спокойное море и полные сети». Мониторы за барной стойкой из зеркаль-

ного дерева выдают местный прогноз погоды, поведенческие паттерны орбитальников и глобальные экстренные новости. Неизбежное голопорно на широкоформатной проекционной подложке в конце комнаты. Матросы траулеров выстроились вдоль бара и сгруппировались у столиков с затуманенными усталостью лицами. Компания тощая, в основном мужская, в основном несчастная.

– Я плачú,– торопливо сказал Плекс, когда мы вошли.

– Будто у тебя есть выбор.

Он ответил робким взглядом.

– Эм-м. Да. Чего желаешь?

– То, что здесь считается за виски. Бочковой крепости.

То, что я почувствую даже вкусовыми схемами этой поганой оболочки.

Он улизнул к стойке, а я по привычке нашел столик в углу. Вид на дверь и посетителей. Опустился на стул, поморщившись из-за обожженных бластером ребер.

Ну и трындец.

Да не совсем. Я коснулся стеков через ткань кармана куртки. Я же получил то, за чем пришел.

И почему же ты не мог просто перерезать им горло во сне?

Они должны были знать. Должны были видеть.

От стойки вернулся Плекс со стаканами и унылыми суши на подносе. Он казался необъяснимо довольным собой.

– Слушай, Так. Не переживай насчет ищеек. В синтобо-

лочке...

Я посмотрел на него.

– Да. Я знаю.

– И, ну, тоже знаешь. Всего шесть часов.

– И целое завтра до отхода ховера, – я подхватил стакан. –

Серьезно, лучше заткнись, Плекс.

Он заткнулся. Через пару минут тяжких дум я обнаружил, что и это мне не нравится. В синтетической коже я стал нервным и дерганным, как после отходняка с мета; мне неприятно сейчас собственное тело. Нужно отвлечься.

– Давно знаешь Юкио?

Он поднял глаза с недовольным видом.

– Ты же сказал...

– Да. Прости. Меня сегодня подстрелили, так что я не в лучшем настроении. Вот и...

– Тебя *подстрелили*?

– Плекс. – Я с пристальным взглядом наклонился над столом. – Что ж ты так *орешь*.

– Ой. Прости.

– Я хочу сказать, – я беспомощно повел рукой, – да как ты вообще остаешься в деле, мужик? Ты же вроде как преступник, господи.

– Это был не мой выбор, – сказал он сухо.

– Нет? А как это работает? У них есть какой-то ежегодный призыв, что ли?

– Очень смешно. Полагаю, ты-то сознательно *выбрал* пой-

ти в армию? В семнадцать гребаных стандартных лет?

Я пожал плечами.

– Я сделал выбор, да. Либо армия, либо банды. Я надел форму. Она окупалась лучше, чем криминал, которым я и так занимался.

– Что ж, а я никогда не был в банде, – он закинулся виски. – Якудза об этом позаботились. Слишком большой риск потерять инвестицию. Я ходил к правильным репетиторам, вращался в правильных социальных кругах, учился ходить как надо, говорить как надо, а потом меня сорвали, как хренову вишенку.

Его взгляд выкинуло на расцарапанное дерево стола, как мусор на пляж.

– Я помню отца, – горько произнес он. – День, когда я получил доступ к семейным стекам данных. Сразу после вечеринки в честь совершеннолетия, на следующее утро. Все еще с похмелья, все еще под кайфом, и тут как тут в его кабинете Танаседа, Кадар и Хираясу, как сраные вампиры. Он в тот день плакал.

– Вот *этот* Хираясу?

Он покачал головой.

– Это сын. Юкио. Хочешь знать, сколько я знаком с Юкио? Мы росли вместе. Спали вместе на одних и тех же уроках кандзи, гасились одним и тем же такэ, встречались с одними и теми же девчонками. Он уехал в Миллспорт, когда у меня началась практика по оцифровке и биотеху, вернулся

спустя год уже в этом дебильном костюмчике, — он поднял взгляд. — Думаешь, мне нравится всю жизнь искупать долги отца?

Кажется, ответа ему не требовалось. А мне не хотелось слушать дальше. Я отпил еще виски, пытаюсь представить, как бы оно обожгло, если бы в оболочке были настоящие вкусовые рецепторы. Приподнял стакан.

— А как так вышло, что им сегодня от тебя понадобились загрузка и выгрузка? В городе явно больше одного станка для оцифрованного сознания.

Он пожал плечами.

— Какой-то косяк. У них был свой станок, но в нем загрязнение. Морская вода в подаче геля.

— Вот тебе и организованная преступность, а.

В том, как он посмотрел на меня, читалась злая зависть.

— У тебя нет семьи, да?

— Не особо, — грубовато, но ему не стоило знать всю правду. Лучше скормить ему что-то еще. — Меня долго не было.

— На хранении?

Я покачал головой.

— Вне планеты.

— Вне планеты? И где был? — возбуждение в голосе было невозможно ни с чем перепутать, его едва-едва сдерживали призрачные остатки породы. В системе Глимммер не было обитаемых планет, не считая Харлана. Пробное терраформирование на Глимммере V ниже плоскости эклиптики не

принесет полезных результатов еще век. Внепланетные путешествия для харланца – это межзвездный пробой, возможность стряхнуть физическую суть и переоблачиться где-то за много световых лет отсюда, под чужим солнцем. Очень романтично, и в общественном сознании у пробойщиков статус прямо как у космонавтов на Земле в годы внутрисистемных перелетов.

Но дело в том, что в отличие от космонавтов, этим нынешним знаменитостям, чтобы путешествовать с помощью гиперпространственного передатчика, ничего не приходится *делать*. Впрочем, то, что во многих случаях у них нет никаких навыков или значимости, кроме самой славы пробойщика, как будто не оттеняет их триумфального шествия по человеческому воображению. Конечно, старая Земля – настоящий джекпот в плане направлений, но, кажется, в итоге даже не важно, куда ты улетаешь, главное, что возвращаешься. Излюбленная пиар-техника для старых кинозвезд эксперии и вышедших из моды миллспортских куртизанок. Если как-нибудь наскребешь на пробой, тебе более-менее гарантированы годы прибыльного внимания в журналах-симуляциях опыта.

Это, конечно, не относится к чрезвычайным посланникам. Мы приходили тихо, давили какое-нибудь планетарное восстание, свергали какой-нибудь режим, а потом ставили марионетку ООН. Убийства и репрессии от звезды к звезде, ради высшего блага – *естественно* – объединенного Протек-

тората.

Больше я этим не занимаюсь.

– Был на Земле?

– Среди прочего, – я улыбнулся воспоминанию, которому уже насчитывалась сотня лет. – Земля – это дыра, Плекс. Гребаное застывшее общество, гипербогатый надкласс бес-
смертных, угнетенные массы.

Он пожал плечами и угрюмо потыкал в суши палочками.

– Вроде все как у нас.

– Ага, – я отпил еще виски. Между Харланом и тем, что я видел на Земле, хватало различий в нюансах, но сейчас мне было не до них. – В чем-то ты прав.

– Ну и что ты... Вот говно!

Какой-то миг мне казалось, он просто уронил суши из боттлбэка. Глючная реакция продырявленной синтоболочки – а может, глюки от ночной усталости. Прошли целые секунды, прежде чем я поднял взгляд, проследил за его глазами до стойки и двери и понял, что там происходит.

Женщина на первый взгляд казалась непримечательной – худая и с уверенным видом, в сером комбинезоне и неза-
поминающейся утепленной куртке, с неожиданно длинными волосами и белым, словно поблекшим, лицом. Может, разве что слишком резкая для матроса с траулера. А потом замечаешь, как она стоит: ноги в ботинках на ширине плеч, руки прижаты к стойке из зеркального дерева, лицо наклонено вперед, тело неестественно оцепенелое. А потом глаза воз-

вращаются к волосам, и...

В дверях меньше чем в пяти метрах сбоку от нее замерла группа священников из высшей касты Нового откровения, холодно обозревая клиентуру. Должно быть, они заметили женщину в ту же секунду, как я заметил их.

– Вот *говно* поганое!

– Плекс, заткнись, – пробормотал я, стиснув зубы и почти не шевеля губами. – Они не знают меня в лицо.

– Но она же...

– Просто. Жди.

Духовно процветающая банда вошла в помещение. Девять человек. Карикатурные солидные бороды и выбритые черепа, лица мрачные и целеустремленные. Из них три старца – на тускло-охровые рясы накинута черная, цвета евангелических избранников, на глазу, как повязки древних пиратов, биоприцелы. Они зафиксировались на женщине у стойки, пригнувшейся, как чайка, поймавшая ветер. Ее неприкрытые волосы, наверное, были маяком для провокации.

Искали они меня или нет, не имело значения. В цитадели я был в маске, в синтетике. Без сигнатуры.

Но, словно чума по всему Шафрановому архипелагу, капая на северные берега, как яд из разорванной паутиной медузы, – а теперь, как мне рассказывали, даже пуская корни в таких южных и далеких краях, как сам Миллспорт, – Рыцари Нового откровения разносили свое свежееврожденное женоненавистничество с таким энтузиазмом, что ими бы

гордились исламо-христианские предки с Земли. Женщина в одиночестве в баре – уже ничего хорошего, женщина простоволосая – совсем беда, но уж *это...*

– Плекс, – сказал я тихо. – Я тут подумал – все-таки убийся отсюда подобру-поздорову.

– Слушай, Так...

Я выкрутил галлюциногенную гранату на максимальную задержку, активировал и мягко закатил под стол. Плекс услышал и издал тихий писк.

– Пошел, – сказал я.

Главный старец двинулся к стойке. Он стоял в полуметре от женщины, наверное, ожидая, что та падет ниц.

Она не обратила на него внимания. Если уж на то пошло, она не обращала внимания ни на что, кроме поверхности бара под руками и, как до меня дошло, лица, которое видела в отражении.

Я неторопливо поднялся.

– Это того *не стоит*. Так, ты чего. Ты не зна...

– Я сказал – пошел, Плекс, – теперь меня несло прямо туда – в собирающуюся на горизонте ярость, – как брошенный ялик на краю вихря. – На этом экране тебе играть не захочется, поверь.

Старцу надоело оставаться без внимания.

– Женщина, – рявкнул он. – Прикройся.

– А может, – проговорила она в ответ с хлесткой четкостью, – ты пойдешь в задницу и там будешь командовать?

Наступила почти комичная пауза. Ближайшие пьянчуги вокруг собрания вздрогнули, на их лицах было написано: *«Она что, правда?..»*

Где-то кто-то заржал.

Руку уже занесли. Заскорузлая, с широко расставленными пальцами ладонь, тыльная сторона которой должна была отбросить женщину от бара на пол съезжившимся комочком. Но вместо этого...

Заклинившая неподвижность испарилась. Быстрее всего, что я видел со времен боев на Санкции IV. В глубине души я этого ожидал – и все же пропустил, что именно произошло. Она как будто мигнула, как в плохо смонтированной виртуальной реальности, увернулась и исчезла. Я надвинулся на отряд, боевая ярость уже сужала синтетическое зрение на целях. Краем глаза я видел, как она хватается за запястье старца. Слышал треск, когда рванула локоть. Он вскрикнул, вскинулся, но от тяжелого удара рухнул навзничь.

Вспышка оружия. Гром и жирная молния в полумраке у перил стойки. По комнате разнесло кровь и мозги. Супернагретые ошметки брызнули мне в лицо и обожгли.

Ошибка.

Она убила человека на полу, но забыла про остальных на решающие секунды. Ближайший священник накинулся, ударил силовым кастетом, и она упала в корчах на разорванный труп старца. Остальные окружили, пиная ее ботинками со стальными мысками под рясами цвета засохшей крови. Кто-

то за столом заплодировал.

Я протянул руку, задрал голову за бороду и перерезал горло под ней до самого позвоночника. Оттолкнул тело. Полоснул низко через рясу и почувствовал, как нож зарывается в плоть. Повернуть и выдернуть. На руку плеснула теплая кровь. «Теббит», очищаясь, сбрызнул капли. Я потянулся снова, как во сне. Хватать и тащить, держать и резать, пнуть в сторону. Остальные оборачивались, но они были не бойцы. Я рассек щеку до кости, распорол выброшенную ладонь от среднего пальца до запястья, отогнал их от женщины на полу, улыбаясь, – все время улыбаясь, как рифовый демон.

Сара.

Под руку подставилось брюхо с натянутой рясой. Я шагнул, и нож метнулся снизу вверх, словно расстегнув молнию. Я стоял, глядя распотрошенному человеку прямо в глаза. На меня уставилось морщинистое бородатое лицо. Я чувствовал его дыхание. Наши лица разделяло лишь несколько сантиметров как будто бы целые минуты, прежде чем в его глазах проявилось осознание того, что я сделал. Я рывком кивнул, почувствовал тик улыбки в сжатом уголке рта. Он отпрянул от меня с криком и вываливающимися кишками.

Сара...

– Это он!

Другой голос. Зрение очистилось, и я увидел человека, который держал раненую руку перед собой, словно какое-то неприличное доказательство веры. Ладонь алела сгустками,

ближайшие к порезу кровеносные сосуды уже лопались.

– *Это он! Чрезвычайный посланник! Грешник!*

За моей спиной с мягким стуком рванула галлюциногенная граната.

* * *

В большинстве культур плохо относятся к убийству святых. Я не знал, на чью сторону склонится бар, полный просоленных моряков, – Харлан никогда не славился религиозным фанатизмом, но с тех пор, как меня не было, многое изменилось, и в основном к худшему. Цитадель, высившаяся над улицами Текитомуры, была только одной из многих, против которых я выходил за последние два года, и где бы к северу от Миллспорта я ни был, именно бедные и задавленные работой пополняли ряды верующих.

Лучше не рисковать.

Взрыв гранаты отбросил столик, словно капризный полтергейст, но он остался практически незамеченным в крови и ярости за стойкой. Прошло еще полдесятка секунд, прежде чем высвободившаяся молекулярная шрапнель попала в легкие, распалась и произвела эффект.

Крики заглушили агонию умирающих вокруг священников. Испуганные вопли, перемежаемые раскатистым смехом. Это сугубо индивидуальный опыт – стать жертвой Г-гранаты. Я видел, как мужчины отшатываются и отмахиваются от

чего-то невидимого, похоже, кружившего вокруг их голов. Другие мечтательно уставились на собственные руки или куда-то в угол, сотрясаясь от смеха. Где-то слышался хриплый плач. Мое дыхание при взрыве автоматически перекрыло – навык остался от десятилетий разных боевых условий. Я обернулся к женщине и обнаружил, что она привалилась к стойке. Лицо заплывало синяком.

Я рискнул вздохнуть и перекричать стоявший гвалт. – Идти можешь?

Сжатый кивок. Я показал на дверь.

– На улицу. Не дыши.

Накренившись, мы прошли мимо остатков коммандос Нового откровения. Те, кто еще не начал истекать кровью изо рта и глаз, были слишком заняты галлюцинациями, чтобы являть собой угрозу. Они ковыляли и поскальзывались в собственной крови, блеяли и махали руками у себя перед носом. Я был уверен, что так или иначе зацепил всех, но на тот случай, если сбился со счета, помедлил у одного без видимых ран. Старец. Я наклонился над ним.

– Свет, – пролепетал он тонким и удивленным голоском. Его рука поднялась ко мне. – Свет в небесах, ангел грядет. Он несет *перерождение*, тогда как сами люди не смеют, сами они ждут.

Он даже не знал ее имени. Какой же, блин, в этом всем смысл.

– Ангел.

Я взвесил «Теббит». Мой голос был надсадным без дыхания.

– Обознались, старче.

– Анг... – и тут, видимо, что-то просочилось сквозь галлюциногены. Голос вдруг стал истошным, он пополз от меня задом, уставившись на нож. – Нет! Я *вижу* древнего, перерожденного. Я *вижу разрушителя*.

– Вот теперь уже лучше.

Биокомпонент «Теббита» закодирован в желобе на клинке, в полусантиметре от лезвия. Порежешься случайно – вряд ли его заденешь.

Я порезал ему лицо и ушел.

Рана была глубокой.

* * *

Снаружи к моей голове спустился и закружился, щерясь, хоровод маленьких радужных мотыльков с головами-черепами. Я сморгнул их и сделал пару глубоких резких вдохов. Проветрить легкие от дряни. Перегруппироваться.

Набережная верфи за промывочной станцией была безлюдной в обоих направлениях. Ни следа Плекса. Вообще никого. Пустота казалась чреватой, дрожащей от кошмарных предвестий. Я так и ждал, что под ближайшее здание проскользнут гигантские рептильи когти и могучим броском уберут его с пути.

Твою мать, все, Так. Будешь фантазировать в таком состоянии – оно и случится.

Мостовая...

Двигайся. Дыши. Убирайся отсюда.

С небес сеяло легкой моросью, как будто наполняя свечение ламп Ангера мягкими помехами. Над плоской крышей промывочной станции на меня надвинулись верхние палубы траулера, инкрустированные навигационными огнями. Далекие крики между кораблем и верфью, шипение и лязг автошвартовщиков, стреляющих в береговые пазы. Картина мира вдруг наполнилась перекошенным покоем, из памяти о ньюпестском детстве всплыли необычно мирные воспоминания. Прежний страх улетучился, и я почувствовал, как на губы напоздает мечтательная улыбка.

Соберись, Так. Это только химия.

На другой стороне верфи под спящим краном-роботом блеснул шальной свет бликами на ее волосах – она обернулась. Я еще раз бросил взгляд через плечо в поисках погони, но дверь в бар была плотно закрыта. В нижние пределы моего дешевого синт-слуха просачивались слабые звуки. То ли смех, то ли плач, то ли черт знает что. В долгосрочной перспективе Г-гранаты довольно безвредны, но пока они не развеялись, ты обычно теряешь всякий интерес к рациональному мышлению или действию. Я сомневался, что в течение получаса кто-то догадается, даже где находится дверь, не говоря уже о том, как она открывается.

В пирс стукнулся траулер, притянутый тугими тросами автошвартовщиков. Обмениваясь шутками, на берег спрыгнули люди. Я незамеченным добрался до тени крана. Ее лицо призрачно плыло во мраке. Бледная, волчья красота. Обрамлявшие его волосы как будто трещали от полужримой энергии.

– Умеешь ножом махать.

Я пожал плечами.

– Практика.

Она окинула меня взглядом.

– Синт-оболочка, сталь с биокодом. ДеКом?

– Нет. Ничего подобного.

– Ну, ты точно не... – ее задумчивый взгляд остановился, прикованный к месту, где куртка прикрывала рану. – Черт, тебя достали.

Я покачал головой.

– Не они. Уже давненько.

– Да? А по-моему, тебе не помешает медик. У меня есть друзья, они могут...

– Ничего страшного. Я сброшу шкуру через пару часов.

Брови взлетели.

– Новая оболочка? Ну ладно, твои друзья покруче моих. Тогда мне будет непросто отплатить свой гири.

– Забей. За счет заведения.

– За счет *заведения*? – она изобразила глазами что-то такое, что мне понравилось. – Ты что, пересмотрел эксперий?

В главной роли Микки Нозава? Робот-самурай с человеческим сердцем?

– Не припомню, чтобы такое видел.

– Нет? Было большое возвращение на экраны, лет десять назад.

– Пропустил. Меня давно не было.

Шумиха на другой стороне верфи. Я развернулся и увидел распахнутую дверь бара, силуэты в тяжелой одежде на фоне света из проема. Новые посетители, матросы с траулера, незваные гости на взрывной вечеринке. Мимо силуэтов прокатились крики и пронзительные рыдания. Женщина рядом со мной тихо напряглась, наклонив голову под углом одновременно чувственным и хищным, в какой-то невыразимой, ускоряющей пульс манере.

– Они вызовут помощь, – сказала она, и ее поза снова раскрылась, так же быстро и без суеты, как и натянулась. Теперь она как будто уплывала спиной в тень. – Я сваливаю. Слушай, э-э... Спасибо. Спасибо большое. Прости, если испортила вечер.

– Было бы что портить.

Она сделала еще пару шагов, потом остановилась. Сквозь кошачий концерт у бара и шум промывочной станции мне слышалось, как назревает что-то огромное – тонкий настойчивый вой за тканью ночи, ощущение сдвига возможностей, словно за кулисами встают по местам карнавальные чудовища. Свет и тени от опор над головой наложили на ее лицо

раздробленную белую маску. Один глаз блеснул серебром.

– Есть где переночевать, Микки-сан? Ты сказал – пара часов. Что планируешь до этого времени?

Я развел руками. Заметил нож, убрал.

– Никаких планов.

– Никаких планов, а? – с моря не было ветра, но мне показалось, ее волосы шевельнулись. Она кивнула. – Значит, и никакого ночлега, правильно?

Я снова пожал плечами, борясь с накатывающей нереальностью отходняка с Г-гранаты, а может, и с чем-то еще.

– Примерно так.

– Итак. Твои планы – всю ночь играть в салочки с ТПД и Бородатыми и надеяться еще раз в жизни увидеть солнце. Да?

– Эй, это тебе надо писать эксперию. Так рассказала, что мне уже почти не терпится приступить.

– Ага. Мы все тут гребаные романтики. Слушай, если нужно место переночевать, пока для тебя все подготовят твои навороченные друзья, могу помочь. Хочешь играть в Микки Нозаву на улицах Текитомуры – ну... – она снова склонила голову. – Посмотрю эту киношку, когда выпустят.

Я ухмыльнулся.

– До тебя далеко?

Ее глаза показали влево.

– Туда.

Из бара – плач безумных, один голос, вопящий о крови и

СВЯТОМ ВОЗМЕЗДИИ.

Мы скрылись среди кранов и теней.

Глава третья

Комптё светился – склонившиеся к воде пирсы из вечного бетона, мешанина ламп Ангьера вокруг осевших хOVERлодеров на привязи. Суда улеглись в опавших юбках на тросах автошвартовщиков, как вытащенные на берег слоновые ска-ты. На их ярких боках поблескивали открытые погрузочные люки, по пирсам туда-сюда сновали раскрашенные иллюминацией машины, вознося к небу вильчатые руки, полные железа. Постоянный фон из шума двигателей и криков, заглушавших отдельные голоса. Как будто кто-то взял яркое скопление вокруг промывочной станции в четырех километрах к востоку и вырастил до огромной вирусной опухоли. Комптё светом и грохотом жрал ночь по всем направлениям.

Мы пробирались через путаницу машин и людей по набережной за разгрузочными пирсами. На первых этажах домов у верфи – розничные дискаунтеры с проходами, забитыми железом от пола до потолка, светили бледным неонам, смешиваясь с аляповатым блеском баров, борделей и клиник имплантации. Все двери открыты, за ступенькой помещения, в большинстве случаев шириной с сам дом. Вливались и выливались группки покупателей. Машина передо мной резко развернулась, сдавая назад груз умных бомб Пилсудского «земля-земля» и громко вереща «до-рогу, до-рогу, до-рогу». Кто-то меня обошел, с улыбкой на полуметаллическом лице.

Она провела меня в один из салонов по имплантации, мимо восьми рабочих кресел, где сидели, скрежеща зубами, поджарые мужчины и женщины, наблюдая в длинном зеркале напротив и гроздьях мониторов с крупными планами, как их аугментируют. Наверняка это не так уж больно, но вряд ли весело смотреть, как режут, свежую и отбрасывают твою плоть, чтобы освободить место для какой-нибудь вставной игрушки, которую, по словам спонсоров, в этом сезоне носят все команды деКома.

Она остановилась у одного из кресел и посмотрела в зеркало, куда еле влезал лысый великан. Ему делали что-то с костями правого плеча – на окровавленное полотенце на груди откинулся шмат шеи. В обнаженном месиве беспокойно напрягались углеродно-черные шейные мышцы.

– Привет, Опп.

– О! Сильви! – зубы великана не скрежетали, взгляд был слегка рассеянным от эндорфинов. Он лениво поднял руку с нетронутой стороны и стукнулся кулаками с женщиной. – Как дела?

– Погуляла. Уверен, что заживет к утру?

Опп ткнул большим пальцем в сторону.

– Иначе я сделаю то же самое с этим костоправом. Только без анестезии.

Оператор имплантатора натянуто улыбнулся и продолжил заниматься своим делом. Он все это уже слышал. Глаза великана переместились в зеркале на меня. Если он и заметил

на мне кровь, она его не беспокоила. Впрочем, он и сам был не особенно чистеньким.

– Что за синт?

– Друг, – сказала Сильви. – Поговорим наверху.

– Десять минут, – он бросил взгляд на оператора. – Правда же?

– Полчаса, – сказал оператор, весь в трудах. – Тканевому клею нужно время, чтобы схватиться.

– Блин, – великан метнул взгляд в потолок. – Куда же дела «Урусифлэш». Схватывался за секунду.

Оператор все еще погружен в работу. Полая игла издавала тонкие звуки всасывания.

– Сам, ты просил по стандартному тарифу. При таких расценках – никакого военного биохима.

– Ладно, твою налево, сколько надо докинуть за делюкс?

– Минимум на пятьдесят процентов больше.

Сильви рассмеялась.

– Забей, Опп. У тебя уже почти все. Даже дорфы посмаковать не успеешь.

– Да ну на хер, Сильви. Я тут помираю со скуки, – великан лизнул большой палец и протянул. – Слышь, снимай.

Оператор имплантатора поднял взгляд, чуть пожал плечами и отложил инструменты на поднос.

– Ана, – позвал он. – Неси «Урусифлэш».

Когда медсестра закопалась в бокс с новыми биохимикатами, оператор выбрал из бардака на полке под зеркалом

ДНК-ридер и провел впитывающим концом по пальцу Орра. Закрытый сверху дисплей приборчика засветился и замерцал. Оператор взглянул на Орра.

– После этой транзакции уйдешь в минус, – тихо сказал он.

Орр сверкнул глазами.

– А ты не переживай. Если вылечу завтра, все будет на мази, и ты сам это знаешь.

Оператор помялся.

– Именно *потому*, что ты вылетаешь завтра, – начал он, – я и...

– Да чтоб тебя. Глянь экран спонсора, а. «Фудзивара Гавел». «Новый век – безопасный Новый Хок». Мы не какая-то левая команда, которую ноги кормят. Если не вернусь, тебе все покроет энка. И ты сам это знаешь.

– Я не...

Обнаженные мышцы в шее Орра вздыбились.

– Ты мне кто, *бухгалтер*? – он привстал на кресле и впился глазами в лицо оператора. – Просто *проводи*, понял? И раз уж отвлекся, отсыпь мне военных эндорфинов. Оставлю на потом.

Мы еще были рядом, когда оператор имплантатора сдался, затем Сильви подтолкнула меня локтем.

– Мы наверху, – сказала она.

– Ага, – великан разулыбался. – Десять минут.

Наверху были спартанские комнаты, свернувшиеся коль-

цом вокруг зала, который был одновременно и кухней, и гостиной с окнами на верфь. Хорошая звукоизоляция. Сильви стряхнула куртку и набросила на спинку кресла-лежака. Оглянулась на меня, двинувшись в кухонную часть.

– Чувствуй себя как дома. Туалет там, сзади, если надо привести себя в порядок.

Я понял намек, смысл кровянища с рук и лица в крошечной раковине с зеркальцем и вернулся в главную комнату. Она была у кухонной стойки, копалась в шкафчиках.

– Вы правда с «Фудзиварой Гавелом»?

– Нет, – она нашла бутылку и вскрыла, другой рукой взяла в щепоть два стакана. – Мы какая-то левая команда, которую ноги кормят. И это мягко сказано. Просто у Орра знакомая инфокрыса подкопалась к кодам доступа ФГ. Выпьешь?

– А что это?

Она посмотрела на бутылку.

– Фиг знает. Виски.

Я протянул руку за стаканом.

– Такой подкоп и сам по себе немало стоит.

Она покачала головой:

– Дополнительные льготы деКома. Мы прошиты для преступности круче долбанных чрезвычайных посланников. У нас техники для электронного взлома до жопы, – она протянула мне стакан и налила нам обоим. Легкий звон горлышка бутылки о стенку бокала каждый раз разносился в тишине комнаты. – Последние тридцать шесть часов Орт гулял

в городе, трахался и химичился на одни только кредиты и обещания энка. И так каждый раз перед вылетом. Видимо, считает это видом искусства. Будем.

– Будем, – виски оказался очень крепким. – Ух-х. Долго с ним в команде?

Она странно на меня посмотрела.

– Достаточно. А что?

– Прости, привычка. Раньше мне платили за сбор местной информации, – я снова поднял стакан. – Значит, за удачное возвращение.

– Такой тост – к беде, – она не подняла стакан. – Тебя правда давно не было, да.

– Прилично.

– Не против рассказать?

– Только если сперва присядем.

Мебель оказалась дешевой, даже без автоподстроя. Я аккуратно опустился на кресло. Рана на боку, кажется, затягивалась, насколько позволяла синт-плоть.

– Итак, – она села напротив и смахнула волосы с лица. Пара толстых прядок напряглась и слегка затрещала. – Сколько ты отсутствовал?

– Лет тридцать, плюс-минус.

– Еще до Бородатых, а?

Внезапная горечь.

– До самого жесткого, да. Но насмотрелся на подобное в других местах. Шария. Латимер. Местами Адорасьон.

– О. *Сколько* названий.

Я пожал плечами.

– Жизнь помотала.

За спиной Сильви со скрипом сложилась дверь и в комнату вошла, зевая, субтильная женщина, с дерзким видом, одетая в наполовину расстегнутый легкий облегающий костюм из полисплава черного цвета. Заметив меня, она склонила голову набок и облокотилась на спинку кресла Сильви, изучая меня с беспардонным любопытством. На ее ежике были выбриты иероглифы кандзи.

– Гости?

– Рада слышать, что ты наконец поставила обновления ви-доискателя.

– *Пошла* ты, – она лениво щелкнула Сильви по волосам жирно покрашенными ногтями, улыбнувшись, когда пряди с потрескиванием избежали прикосновения. – Кто это? Для отпускных романов поздновато, нет?

– Это Микки. Микки, познакомься с Ядвигой, – субтильная женщина поморщилась при полном имени, изобразила губами только первый слог «Яд». – И Яд. Мы не трахаемся. Он просто переживает у нас.

Ядвига кивнула и отвернулась, тут же потеряв всякий интерес. На затылке иероглифы кандзи сложились в «Только, блин, не промахнись».

– «Дрожь» еще осталась?

– Кажется, вы с Лазом закинули все вчера ночью.

– *Все?*

– Господи, Яд. Меня-то не приглашали. Поищи в коробке на окне.

Ядвига пружинистой походкой танцовщицы подошла к окну и опрокинула упомянутую коробку. В ладонь выпала крошечная ампула. Она подняла ее на свет и поболтала, бледно-красная жидкость на дне заколыхалась.

– Ну, – сказала она задумчиво, – на пару раз хватит. Обычно я предлагаю угоститься, но...

– ...но собираешься все зажить себе, – предсказала Сильви. – Старое доброе гостеприимство Ньюпеста. Каждый раз смешно.

– Кто бы говорил, сучка, – ответила Ядвига без обиды в голосе. – Сколько раз, не считая миссий, ты соглашалась подключить нас к своему причесону?

– Это разные ве...

– Нет, это *лучше*. Знаешь, для Отреченки ты слишком жмотишься со своими мощностями. Киёка говорит...

– Киёка ни фига не...

– Девочки, *девочки*, – я поднял руки, разорвав трос перепалки, притягивавший Ядвигу с другого конца комнаты обратно к Сильви по паре легких шагов за реплику. – Все в порядке. Я сам не в настроении для рекреационных веществ.

Лицо Яд осветилось.

– Вот видишь, – сказала она Сильви.

– Хотя если Оппр смилостивится и поделится эндорфина-

ми, когда поднимется, буду благодарен.

Сильви кивнула, не отворачиваясь от напарницы. Очевидно, она все еще была раздражена – то ли из-за нарушения хозяйского этикета, то ли из-за упоминания ее религиозной истории. Я не понял, почему именно.

– Опп при *эндорфинах*? – громко переспросила Ядвига.

– Да, – сказала Сильви. – Он внизу. Его кромсают.

Яд хмыкнула.

– Жертва моды, блин. Ничему не научился, – она скользнула рукой в расстегнутый костюм и извлекла глазной шприц. Пальцы, наученные до автоматизма привычкой, прикрутили механизм на горлышко ампулы; затем она закинула голову и с той же рефлекторной ловкостью раздвинула веки глаза и направила пипетку. Натянутая стойка тут же размякла, по телу с головы до пят пробежал характерный трепет наркотика.

«Дрожь» – довольно безобидная игрушка, примерно на шесть десятых аналог бетатанатина, разбавленный парой долей экстракта такэ, после чего каждодневные домашние вещи кажутся завораживающими, как во сне, а совершенно невинные разговорные гамбиты – уморительными до коликов. Прикольно, если это принимают все в комнате, раздражающе – для всех исключенных. В основном он просто замедляет, чего, полагаю, и хотела Яд, как и большинство де-Комовцев.

– Ты из Ньюпеста? – поинтересовался я.

– Мм-мм.

– Как там теперь?

– О. Чудесно, – плохо сдерживаемая ухмылка. – Самое красивое болото в южном полушарии. Обязательно для посещения.

Сильви придвинулась.

– А ты оттуда, Микки?

– Да. Очень давно там не был.

Дверь квартиры чирикнула и раздвинулась, чтобы впустить Орра, голого по пояс, правое плечо и шея щедро замазаны оранжевой спайкой для тканей. Он усмехнулся, увидев Ядвигу.

– Уже бодрствуешь, да? – Он вошел и бросил кучу шмоток на кресло рядом с Сильви, которая поморщила нос.

Яд покачала головой и поболтала перед великаном пустой ампулой.

– Сплю. Определенно сплю. В коматозном состоянии.

– Тебе никто не говорил, что у тебя проблемы с зависимостью, Яд?

Субтильная девушка захихикала, так же плохо скрывая это, как и предыдущую ухмылку. Усмешка Орра расширилась. Он изобразил трясучку и дергающееся тупое лицо наркомана. Ядвига покатила со смеху. Он оказался заразным. Я заметил улыбку на лице Сильви и поймал себя на том, что тоже усмехнулся.

– Ну и где Киёка? – спросил Орр.

Яд кивнула на комнату, из которой вышла.

– Спит.

– Лазло все еще гоняется за той снайпершей с декольте, да?

Сильви подняла голову.

– Чего-чего?

Орр моргнул.

– Ну эта. Тамсин, Тамита, как там ее. Которая из бара на Муко, – он вытянул губы и поджал друг к другу грудные мышцы обеими руками, затем сморщился и остановился – движение отозвалось в прооперированном плече. – Сразу перед тем, как ты свалила в одиночку. Господи, да ты же там *была*. Я и не думал, что такое тело можно забыть.

– Сильви не оснащена для отслеживания вооружения такого типа, – ухмыльнулась Ядвига. – Нет потребительского интереса. А вот я...

– Ребят, а вы не слышали про цитадель? – небрежно поинтересовался я. Орр хмыкнул.

– Да, застал внизу новости. Похоже, какой-то псих завалял половину старших Бородатых в Текитомуре. Говорят, стеки пропали. Похоже, он их просто вырезал из позвоночников, будто всю жизнь этим занимается.

Я заметил, как глаза Сильви проскользили по комнате к карману моей куртки, потом встретились с моим взглядом.

– Дикость какая, – сказала Ядвига.

– Да, но на фига, – Орр завладел бутылкой на кухонной

стойке. – Они все равно не могут переоблачаться. Для них это вопрос веры.

– Гребаные фрики, – Ядвига пожала плечами и потеряла интерес. – Сильви говорит, ты надыбал внизу дорфов.

– Да, это правда, – великан с преувеличенной осторожностью налил себе стакан виски. – Спасибо.

– Ай-й-й, *Орр*. Ну *брось*.

* * *

Позже, когда свет выключили и все в квартире расслабились до почти летаргического уровня, Сильви оттолкнула уснувшую Ядвигу с кресла-лежака и наклонилась туда, где сидел я и наслаждался отсутствием боли в боку. Орр давно улизнул в другую комнату.

– Это все ты? – спросила она тихо. – Цитадель?

Я кивнул.

– По какой-то причине?

– Да.

Короткая пауза.

– Итак, – сказала она наконец, – значит, это не такое уж благородное спасение в духе Микки Нозавы, как мне показалось? Ты и без того был на взводе.

Я улыбнулся, слегка заторможенный от эндорфинов.

– Зови это судьбой.

– Ну ладно. Микки Судьба, звучит неплохо, – она по-сови-

ному нахмурилась в глубину стакана, который, как и бутылка, уже какое-то время был пуст. – Надо сказать, нравишься ты мне, Микки. Сама не пойму почему, пальцем бы показать не смогла. Но все-таки. Нравишься.

– И ты мне.

Она покачала пальцем – наверное, тем самым, которым не могла показать на мои достоинства.

– У нас не. Про. Секс. Понимаешь?

– Понимаю. Ты что, не видела, какого размера у меня дырка в ребрах? – я сонно покачал головой. – Конечно, видела. Спектрохимический чип зрения, да?

Она благодушно кивнула.

– Ты правда из семьи Отрекшихся?

Кислая мина.

– Да. «Из» тут ключевое слово.

– Они тобой не очень гордятся? – я показал на ее волосы. – Я думал, это считается большим шагом на пути к Загрузке. Если размышлять логически...

– Ага, логически. Мы говорим о религии. В Отрекшихся не больше смысла, чем в Бородатых, если начистоту.

– Значит, они не дружат с техникой?

– Мнения разделились, – сказала она с наигранной деликатностью. – Радикальные стремящиеся не в восторге: им не нравится все, что крепко привязывает искусственные системы к физическому бытию. Крыло ждущих просто хочет жить в мире со всеми. Говорят, как ты подметил, что любой вир-

туальный интерфейс – шаг на пути. Они не надеются, что Загрузка случится при их жизни; мы все лишь прислужники процесса.

– И из которых твои родители?

Сильви снова поерзала на кресле-лежаке, нахмурилась и еще раз подвинула Ядвигу.

– Были умеренными ждунами, в этой вере я и росла. Но в последние пару десятков лет, из-за Бородатых и всего анти-перерожденческого движения, многие умеренные перекинулись в радикальнейших стремов. Мать, наверное, тоже склонилась к этому. Она всегда была набожной, – Сильви пожала плечами. – На самом деле не представляю. Много лет не бывала дома.

– Вот как, а?

– Да, вот так. А смысл. Все, что им от меня надо, – женить на каком-нибудь приличном местном, – она фыркнула от смеха. – Как будто есть какие-то шансы, пока я с этой штукой.

Я слегка приподнялся, квелый от наркотиков.

– С какой штукой?

– *Этой*, – она дернула себя за прядь волос. – *Этой* херней.

Волосы в руке тихо затрещали, пытаюсь вырваться, словно тысячи змеек. Под спутанной черно-серебряной массой незаметно двигались толстые кабели, как мышцы под кожей.

Командный инфотех деКома.

Я уже видел парочку таких – прототип на Латимере, где

новая марсианская индустрия машинных интерфейсов привела к рывку в научных разработках. Еще парочкой пользовались саперы на Доме Хань. Военные время не теряют, когда речь идет о том, чтобы извратить передовые технологии себе на благо. Логично. Нередко они сами и оплачивают науку.

– Не сказать, что это непривлекательно, – осторожно выразился я.

– Ну *конечно*, – она расчесала волосы и выловила центральный кабель, пока он не повис с остальными – темная змея в зажатом кулаке. – Просто загляденье, да? Ведь *любой* мужик в здравом уме только и мечтает, как бы заняться любовью, пока возле его головы по подушке шлепает хрен вдвое длиннее его собственного, ага? Одновременно страх перед членомеркой и гомофобия, два в одном.

Я махнул рукой.

– Ну, женщины...

– Ага. К сожалению, я натуралка.

– А.

– Ага. – Она отпустила кабель и тряхнула головой, чтобы серебристая шевелюра легла как прежде. – «А».

Век назад их было трудней заметить. Военные офицеры-системщики проходили длительную виртуальную тренировку, чтобы применять грудку железа, встроенного им в голову, но железо было внутренним. А внешне профи по взаимодействиям с машинами никогда не отличались от любой

человеческой оболочки – может, конечно, они были чахлые после долгого времени в поле, но так бывает с любой инфокрысой от переработки. Говорят, с этим учишься жить.

Археологические находки у системы Латимер изменили все. Впервые почти за шестьсот лет раскопок по всем межзвездным задворкам марсиан Гильдия наконец сорвала джекпот. Они нашли корабли. Сотни, а возможно, и тысячи кораблей на безмолвной паутине древних парковочных орбит вокруг маленькой второстепенной звезды под названием Санкция. Судя по данным, это были остатки гигантского морского боя, и у некоторых судов имелись звездные двигатели по меньшей мере быстрее скорости света. Судя по другим данным – особенно уничтожению всего исследовательского поселения Археологической гильдии и его семисот с чем-то жителей, – интеллектуальные системы кораблей были автономны и вполне в рабочем состоянии.

До этого единственными по-настоящему автономными машинами, доставшимися нам от марсиан, были орбитальные стражи Харлана, и к ним никак не подобраться. Все остальное можно было назвать автоматизированным, но умным – с натяжкой. А теперь археологам – специалистам по системам – вдруг пришлось вступить во взаимодействие со сложными командными интеллектами флота, возраст которого оценивался приблизительно в миллион лет.

Требовался какой-то научный прогресс. Явно.

И этот прогресс теперь сидел напротив меня, делил со

мной кайф от военного эндорфина и таращился в пустой стакан из-под виски.

– А зачем ты подписалась? – спросил я, чтобы заполнить тишину.

Она пожала плечами.

– А зачем остальные подписываются на эту хрень? Ради денег. Думаешь, что отобьешь ипотеку оболочки в первые же операции, а потом просто будешь грести кредиты лопатой.

– А на самом деле нет?

Кривая улыбка.

– На самом деле да. Но, понимаешь, в комплекте идет новый образ жизни. Ну и, конечно, стоимость обслуживания, апгрейдов, ремонта. Странно, но деньги будто сквозь пальцы утекают. Заработал – тут же прожег. Трудно накопить, чтобы выбраться.

– Инициатива не продлится вечно.

– Нет? Знаешь ли, там еще полконтинента нужно очистить. Кое-где мы едва отошли от Дравы на сотню километров. И даже при этом приходится постоянно убирать там, где ты уже прошел, чтобы миминты не лезли назад. Сейчас говорят минимум о еще десятке лет, прежде чем можно начать перезаселение. И я тебе так скажу, Микки, лично мне кажется, что это оптимистичное крабье говно, чисто для общественного употребления.

– Да брось. Новый Хок не такой уж большой.

– Ну, сразу видно внепланетника, – она высунула язык в

жесте, в котором было больше вызова в духе маори, чем ребячества. – Может, по твоим стандартам не очень большой – уверена, там, где ты бывал, все континенты в пятьдесят тысяч километров. А здесь немного по-другому.

Я улыбнулся.

– Я родом *отсюда*, Сильви.

– Ах, да. Ньюпест. Ты же говорил. Ну и не рассказывай, что Новый Хок – маленький континент. Не считая Кошута, он самый большой.

На самом деле в Миллспортском архипелаге суши было больше и чем в Кошуте, и чем в Новом Хоккайдо, но, как на большинстве островных групп, которые составляют доступную площадь Харлана, почти все занимает неосваиваемая горная территория.

Логично предположить, что на единственной в этой солнечной системе планете с обитаемой биосферой, на девять десятых покрытой водой, люди будут *осторожны* с недвижимостью. Логично предположить, что они выработают разумный подход к распределению и использованию земли. Логично предположить, что они не развяжут дурацкие войнушки на огромных площадях полезной территории, не применят оружие, которое сделает землю недоступной для заселения в будущие века.

Ну ведь *логично*, да?

– Я иду спать, – проямлила Сильви. – Завтра тяжелый день.

Я взглянул в окна. Снаружи проклевывался рассвет над лампами Ангера, которые размазывали его до бледно-серого.

– Сильви, уже «завтра».

– Ага, – она встала и потянулась до хруста. Ядвига на кресле-лежаке что-то невнятно пробормотала и разложила конечности на месте, освободившемся после Сильви. – Ховер не поднимется до обеда, а у нас еще гора тяжелого оборудования для погрузки. Слушай, если надо выспаться – пользуйся комнатой Лаза. Вряд ли он вернется. Слева от туалета.

– Спасибо.

Она блекло улыбнулась.

– Эй, Микки. Это меньшее, что я могу. Спокойной.

– Спокойной.

Я смотрел, как она убрела в свою комнату, проверил чип времени и решил не спать. Еще час – и можно возвращаться к Плексу, не помешав тому танцу Но, который устроили его приятели-якудза. Я задумчиво окинул взглядом кухню и подумал насчет кофе.

И это была моя последняя сознательная мысль.

Гребаные синт-оболочки.

Глава четвертая

Разбудил меня грохот. Кто-то слишком увлеченный вещами забыл, как пользоваться складной дверью, и прибежал к неандертальским тактикам. *Бум, бум, бум.* Я продрал слипшиеся глаза и с трудом сел на кресле. Ядвига по-прежнему валялась напротив, судя по виду, все еще в коме. Из уголка ее рта сбегала тонкая нитка слюны и смачивала протертую белхлопковую обивку лежака. Из окна в комнату струился яркий солнечный свет, от которого воздух в кухонном пространстве словно подернулся дымкой. Как минимум позднее утро.

Блин.

Бам, бам.

Я встал, и в боку ржаво вспыхнула боль. Похоже, пока я спал, эффект эндорфинов Орра сошел на нет.

Бам, бам, бам.

– *Какого* у вас там?.. – крикнул кто-то из комнаты. От звука голоса на кресле зашевелилась Ядвига. Открыла один глаз, увидела, как над ней стою я, и суетливо вскочила в какую-то боевую защитную стойку, потом слегка расслабилась, вспомнив, кто я.

– Дверь, – сказал я с глупым видом.

– Да-да, – проворчала она. – Слышу. Если это опять мозготрах Лазло забыл код, он напрашивается на пендель в пах.

Долбежка прекратилась – возможно, из-за наших голосов. Теперь она возобновилась. Я почувствовал острый приступ боли в виске.

– Да вы там все *оглохли*, что ли?! – женский голос, но его я раньше не слышал. Предположительно, Киёка, которая наконец проснулась.

– *Сейчас!* – проорала Ядвига в ответ, ковыляя по комнате. Ее голос опустился до бормотания. – А кто-нибудь пошел проверить погрузку? Нет, куда там. Да, да. *Иду*.

Она с силой нажала на панель, и дверь сложилась наверх. – У тебя что, проблемы с координацией, дятел? – едко осведомилась она у того, кто был снаружи. – Мы тебя и в первые девяносто семь раз отлично слы... *Эй!*

Короткая схватка, затем Ядвига влетела назад в комнату, еле сохраняя равновесие. За ней вошел человек, который бил, и одним профессиональным взглядом окинул комнату, поприветствовал меня едва заметным кивком и укоризненно покачал пальцем Яд. Уродливая ухмылка модных заостренных зубов, матово-желтые линзы улучшенного зрения в сантиметр высотой и расправившая крылья татуировка на скулах.

Несложно было догадаться, кто войдет следующим. Через порог переступил Юкио Хираясу. За ним последовал второй головорез, похожий на оттолкнувшего Яд, как клон, только без улыбки.

– Ковач, – Юкио вдруг заметил меня. Его лицо было пе-

рекошенной маской еле сдерживаемой злости. – Какого конкретно *хера* ты тут делаешь?

– Я думал, это моя реплика.

Периферийным зрением я заметил, как легко дрогнуло лицо Ядвиги, словно от внутренней трансляции.

– Тебе же *сказали*, – сорвался Юкио, – не путаться под ногами, пока мы не будем готовы. Не лезть в неприятности. Это что, так охренительно сложно?

– Это и есть твои могущественные друзья, Микки? – растянутый голос Сильви из двери слева от меня. Она стояла в халате и с любопытством осматривала новоприбывших. Чувство расстояния подсказало, что где-то позади появились Опп и кто-то еще. Я увидел отражение движения в линзах клонов-бойцов Юкио и то, как слегка напряглись под матовым стеклом их лица.

Я кивнул.

– Можно сказать и так.

Глаза Юкио метнулись на женский голос, и он нахмурился. Может, его сбило с толку имя Микки; может, невыгодное соотношение «три к пяти», которого он не ожидал.

– Ты знаешь, кто я, – начал он. – Так что давай не усложня...

– Я не знаю, что ты за хрен с горы, – ровно ответила Сильви. – Но знаю, что ты у нас без приглашения. Так что лучше просто уходи.

На лице якудза вспыхнул шок.

– Вот именно, *вали* отсюда, – Ядвига резко подняла руки в движении где-то между боевой стойкой и неприличным жестом презрения.

– Яд... – начал я, но атмосфера уже раскалилась.

Яд замахнулась, выставив подбородок, явно собираясь в отместку вытолкать голову в дверь. Боец с прежней улыбкой поднял руки. Яд одурачила его, *очень* быстро увильнула и повалила приемом дзюдо. Кто-то позади меня вскрикнул. Затем Юкио неторопливо извлек маленький черный бластер на заряженных частицах и застрелил Яд.

Она упала, на миг освещенная бледной вспышкой выстрела. По комнате прокатился запах жареного мяса. Все остановилось.

Наверное, я двинулся вперед, потому что второй як встал передо мной, на лице шок, в обеих руках гладкоствольные пистолеты «Сегед». Я замер, предостерегающе поднял перед собой пустые руки. На полу другой бандит пытался встать и споткнулся об останки Яд.

– Вот, – Юкио оглядел комнату, помахивая бластером в основном в сторону Сильви. – И хватит на этом. Не знаю, что у вас тут творится, но...

Сильви выплюнула всего одно слово.

– Опр.

В замкнутом пространстве снова раздался гром. На этот раз ослепительный. Мне показалось, мимо меня пронеслись распадающиеся сгустки белого огня, врезались в Юкио и

бойца передо мной, в человека, который все еще поднимался с пола. Боец раскинул руки, словно пытаясь поймать разряд, угодивший ему в грудь. Широко распахнул рот. Непроницаемые линзы переливчато полыхнули из-за отраженной вспышки.

Пламя затухло, разваливаясь на пятна фиолетового цвета, впитывающиеся в мои глаза. Я проморгался, ухватывая детали.

От бойца осталось две половины на полу, по-прежнему с «Сегедами» в каждом кулаке, от которых к моему лицу поднимался дымок. Излишки разряда приварили руки к оружию.

Тот, что поднимался, так и не преуспел. Он снова лежал рядом с Яд – вернее, его нижняя часть.

В Юкио была дыра, которая лишила его практически всех внутренних органов. Обугленные ребра торчали в верхней половине идеально овальной раны, через которую был виден плиточный пол, на котором он лежал, словно при дешевом спецэффекте в эксперии.

Комнату заполнила резкая вонь опустошенного кишечника.

– Ну. Кажись, сработало.

Мимо меня прошел Опп, разглядывая, очевидно, своих рук дело. Он все еще был раздет по пояс, и я увидел вертикальную линию прорвавшихся отверстий-раструбов для отдачи с одной стороны спины. Они были похожи на гигант-

ские жабры, все еще трепещущие по краям от остывающего жара. Он подошел к Ядвиге и присел.

– Луч узкий, – поставил он диагноз. – Выжег сердце и пол правого легкого. Тут ничего не поделаешь.

– Кто-нибудь, закройте дверь, – попросила Сильви.

* * *

Военный совет оказался довольно стремительным. У команды деКома за спиной уже была пара лет операций в тесной связи, и они переговаривались рубленным языком, основанным как на сокращениях, так и на внутренних трансляциях и резких жестах. Даже благодаря усиленной до упора интуиции чрезвычайных посланников я едва за ними успевал.

– Сообщим? – хотела знать Киёка – худощавая женщина, похоже, в выращенной на заказ оболочке маори. Она поглядывала на Ядвигу на полу и кусала губы.

– Кому? – возразил Опп быстрым жестом большим пальцем и мизинцем. Второй рукой провел по тату на лице.

– О. А он?

Сильви что-то изобразила на лице, низко махнула рукой. Я не понял, но догадался и встрял.

– Они пришли за мной.

– Быть того не может, – Опп смотрел на меня с чувством, задевающим открытую враждебность. Отверстия в его спине

и груди заросли, но, взглянув на массивное мускулистое тело, легко было представить, как они разрываются от выстрела снова. – Хорошие у тебя друзья.

– Не думаю, что они перешли бы к агрессии, если бы Яд не бросилась. Это недоразумение.

– Недора... *охерел*, – глаза Орра расширились. – Яд *мертва*, гондон.

– Не настоящей смертью, – упорно возражал я. – Можно ее вскрыть, извлечь стек и...

– Вскрыть? – слово прозвучало смертельно мягко. Он сделал шаг, надвинулся. – Предлагаешь мне *резать* подругу?

Проигрывая в памяти местоположение оружейных труб, я предположил, что большая часть правого бока была протезом с пятью стволами, которые запитывал агрегат где-то в нижней части грудной клетки. Учитывая недавние достижения в нанотехе, на ограниченном расстоянии большие сгустки энергии можно послать почти куда угодно. А нанорулевые осколки просто катились на разряде, как серферы, всасывая его силу и волоча за собой сдерживающее поле туда, куда их направили данные запуска.

Я отметил про себя уйти влево в случае драки.

– Прости. Другого решения я не вижу.

– Ты...

– Орр. – Сильви рубанула в воздухе вбок. – Срач – место, *время*, – она покачала головой. Очередной знак – пальцы раздвигают большой и указательные пальцы другой руки.

По ее лицу мне показалось, что одновременно она прогоняет информацию по командной сети. – Схрон, тот же. Три дня. Кукла. *Сейчас* – сжечь.

Киёка кивнула.

– Норм, Опп. Лаз? Ой.

– Ладно, можно, – Опп не подключился до конца. Он все еще был зол, говорил медленно. – Да, в смысле – хорошо.

– Экип? – снова Киёка с каким-то сложным загибом пальцев на одной руке и наклоном головы. – На фиг?

– Нет, успеваем, – Сильви подняла перед собой ладонь. – Опп и Микки. Спок. Ты налегке. Это, это, мож, это. Все.

– Есть, – Киёка говорила и проверяла ретинальный дисплей, подняв глаза вверх и влево, проглядеть сброшенную Сильви информацию. – Лаз?

– Рано. Я скажу. *Вперед*.

Женщина в оболочке маори исчезла у себя в комнате и показалась через секунду, натягивая объемную серую куртку. Она вышла в главную дверь. Позволила себе последний взгляд через плечо на труп Ядвиги, затем скрылась.

– Опп. Режем. – Большой палец на меня. – «Гевара». Великан одарил меня последним обжигающим взглядом и ушел к ящику в углу комнаты, откуда достал тяжелый вибронож. Вернулся и встал передо мной с оружием – специально на долю секунды дольше необходимого, чтобы я напрягся. Только очевидное обстоятельство – что Оппу не нужен нож, чтобы меня раздавить, – удержало меня от броска. Моя фи-

зическая реакция наверняка оказалась заметной, потому что великан презрительно хмыкнул. Затем крутанул нож в руке и протянул мне рукояткой.

Я взял.

– Хочешь, чтобы я?

Сильви подошла к трупу Ядвиги и оценивала ущерб.

– Вырежи стеки у двух своих друзей, да. Думаю, ты умеешь. Яд можешь оставить.

Я моргнул.

– Вы ее бросите?

Орр снова фыркнул. Женщина взглянула на него и описала рукой спираль. Он подавил вздох и ушел в свою комнату.

– О Яд позабочусь я сама, – ее лицо затуманила отрешенность, она работала на уровнях, которые я не чувствовал. – Просто режь. А пока ты занят, не хочешь рассказать, кого мы поубивали?

– Конечно, – я подошел к телу Юкио и перевернул на остатки груди. – Это Юкио Хираясу – местный як, но, видимо, сын кого-то важного.

Нож в руке с жужжанием ожил, вибрация неприятно отдалась даже в ране на боку. Я стряхнул зудящую дрожь, прижал затылок Юкио рукой, чтобы не дергался, и врезался в хребет. Смешавшиеся запахи обугленного мяса и говна не помогали.

– А второй? – спросила она.

– Расходная шестерка. Впервые его вижу.

– Стоит брать с нами?

Я пожал плечами.

– Это лучше, чем просто оставить. Можно выкинуть по дороге на Новый Хок. А этого я бы на твоём месте приберег для выкупа.

Она кивнула.

– Так и думала.

Нож прогрыз последние миллиметры позвоночного столба и легко вошел в горло. Я выключил, сменил хват и начал резать заново, парой позвонков ниже.

– Это якудза-тяжеловесы, Сильви, – я похолодел, вспоминая телефонный разговор с Танаседой. Семпай заключил сделку исключительно при условии благополучия Юкио. И он доходчиво объяснил, что произойдет в обратном случае. – Со связями в Миллспорте, может, и с Первой Семьей. Они придут за вами во всеоружии.

Ее глаза оставались нечитаемыми.

– За тобой тоже придут.

– Об этом позабочусь я сам.

– Очень щедро. Но... – она осеклась, когда Опп вернулся из комнаты одетый и направился с коротким кивком на выход, – ... думаю, у нас все под контролем. Ки стирает наши электронные следы. Опп спалит все комнаты за полчаса. Им ничего не останется, кроме...

– Сильви, мы говорим о якудза.

– ...кроме свидетелей, периферийной видеоинфы, и плюс

уже через два часа мы будем на пути в Драву. А туда за нами никто не пойдет, – в ее голосе послышалась внезапная гордость. – Ни якудза, ни Первые Семьи, ни даже сраные чрезвычайные посланники. Перед миминтами ссутся все.

Как всегда бывает с похвальбой, она оказалась неуместна. Например, полгода назад я слышал от друга, что командование Корпуса *участвовало* в тендере на контракт на Новом Хоккайдо – просто у них оказались слишком нескромные запросы для возрожденной веры правительства Мексека в силу освобожденного рынка. Ухмылка на худом лице Тодора Мураками, когда мы делили трубку на пароме из Акана в Новую Канагаву. Благоухающий дым на зимнем воздухе Предела, мягкое урчание водоворота на заднем фоне. Мураками отпустил остриженные в Корпусе волосы, и ветер с воды играл ими. Он не должен был там находиться и беседовать со мной, но посланникам трудно запрещать. Они знают, чего стоят.

– *Эй, на хрен Лео Мексека. Мы назвали ему цену. Он не потянул, так чья это проблема? Нам что, делать скидки и подвергать угрозе жизни солдат, чтобы он вернул Первым Семьям какие-нибудь налоги? Да ну хрен. Мы же не местные.*

– *Ты местный, Тод, – не удержался я. – Родился и вырос в Миллспорте.*

– *Ты отлично меня понял.*

Я отлично его понял. Местное правительство не смеет да-

вить на Корпус чрезвычайных посланников. Корпус идет туда, куда посылает Протекторат, и большинство местных правительств молятся всем тем богам, которых к себе допускают, чтобы не было необходимости отправлять подобный народ к ним. Последствия вмешательства посланников могут быть весьма неприятными для всех вовлеченных.

— *С этими тендерами вообще какая-то задница.* — Тодор выпустил дым над перилами. — *Никто нас не может себе позволить, никто нам не доверяет. Я не врубаюсь, на хрена вообще участвовать, а ты?*

— *Я думал, чтобы компенсировать неоперационные расходы, пока вы, ребята, сидите на жопе ровно.*

— *Ну да. Когда это мы сидим?*

— *В смысле? Я слышал, сейчас везде все спокойно. Со времен Дома Хань, в смысле. Что, расскажешь какие-нибудь байки про тайные мятежи?*

— *Эй, сам.* — Он передал мне трубку. — *Ты больше не с нами. Забыл?*

Я не забыл.

Инненин!

Он взорвался на краю памяти, как бомба «Мародер» вдали, но не так далеко, чтобы быть в безопасности. Красный лазерный огонь и крики умирающих, разум которых поедает заживо вирус Роулинга.

Я поежился и затянулся трубкой. С чувствительностью посланника Тодор это заметил и сменил тему.

– Ну а у тебя что за дела вдруг? Я думал, ты теперь зависаешь с Радулом Шегешваром. Ностальгия по родине и дешевая организованная преступность.

– Ага. – Я мрачно на него взглянул. – И где это ты такого наслушался?

Пожал плечами.

– Просто. Сам знаешь, как слухи ходят. Так зачем тебе опять на север?

Вибронож снова прошил кожу и мускулы. Я выключил и поддел им отделенный участок позвоночника из шеи Юкио Хираясу.

Элита якудза, мертвый и без памяти. Автор – Такеси Ковач, ведь что бы я теперь ни сделал, этикетку прочтут именно так. Танаседа захочет крови. Хираясу-старший, видимо, тоже. Может, он и спишет сына как никчемного ушлепка, но я отчего-то сомневаюсь. А даже если и так, все правила и обязанности, которыми себя облекали якудза Харлана, вынудят его отомстить. С организованной преступностью всегда так. Мафия гайдуков Радула Шегешвара из Ньюпеста и яки, на севере и на юге – те же яйца, только в профиль. Повернутые на вендетте психи.

Война с якудза.

Так зачем тебе опять на север? Я взглянул на вырезанную кость и кровь на руках. Не этого я хотел, когда сел в хOVERлодер до Текитомуры три дня назад.

– Микки? – какой-то миг имя мне ничего не говорило. –

Эй, Мик, ты в порядке?

Я поднял взгляд. Она смотрела на меня с подозрением и беспокойством. Я с трудом кивнул.

– Да. Нормально.

– Ну тогда можешь поторопиться? Скоро вернется Опп и захочет начать.

– Ладно, – я перешел ко второму труп. Нож с жужжанием вернулся к жизни. – Мне все еще интересно, что ты думаешь делать с Ядвигой.

– Увидишь.

– Фокусы, что ли?

Она промолчала, подошла к окну и уставилась на свет и гвалт нового дня. Когда я приступил к надрезу второго позвоночника, она оглянулась на комнату.

– Может, поедешь с нами, Микки?

Рука соскользнула, и нож погрузился по рукоятку.

– Чего?

– Поехали с нами.

– В *Драву*?

– Ой, только не рассказывай, что в стычке с якудза твои шансы выше здесь, в Текитомуре.

Я высвободил лезвие и закончил надрез.

– Мне нужно новое тело, Сильви. Мое не переживет встречу с миминтами.

– А если я все улажу?

– Сильви, – я с усилием выковырял фрагмент кости. – Где

ты мне, блин, откопаешь новую тушку на Новом Хоккайдо? Там и так человеческая жизнь еле теплится. Где ты найдешь оборудование?

Она замялась. Я бросил свое дело – интуиция чрезвычайного посланника очнулась и подсказала, что это неспроста.

– В последний выход, – медленно сказала она, – мы наскочили на правительственный командный бункер на холмах к востоку от Шопрона. Времени на умные замки нам не хватило, мы и так зашли на север слишком далеко, а с мимантами там плохо, но я залезла достаточно глубоко, чтобы поглядеть оснащение базы. Там полноценная медицинская лаборатория, целая капсула для переоблачения и криобанки клонов. Штук двадцать оболочек, судя по сигнатуре – боевой биотех.

– Ну, это логично. Туда и повезете Ядвигу?

Она кивнула.

Я вдумчиво взглянул на осколок кости в руке, рваные края раны, из которой его достал. Задумался, что со мной сделают якудза, если поймут в этой оболочке.

– И на сколько вы едете?

Она пожала плечами.

– Насколько придется. Провизии на три месяца, но в последний раз мы выполнили квоту за полсрока. Ты можешь вернуться раньше, если хочешь. Из Дравы постоянно ходят ховеры.

– А ты уверена, что машинерия в бункере еще работает?

Она улыбнулась и покачала головой.

– Что?

– Это Новый Хок, Микки. Там работает *все*. В этом-то и проблема с этой дырой.

Глава пятая

Ховерлодер «Пушки для Гевары» оказался именно тем, что кажется по названию, – акула, а не судно, низкое, тяжело армированное, с торчащим вдоль хребта оружием, словно шипастыми плавниками. Заметное отличие от коммерческих хOVERCOPTERS, курсирующих по маршрутам между Миллспортом и Шафрановым архипелагом, – у него не было ни внешних палуб, ни башен. Мостик – тупорылый пузырь на переднем фасаде тускло-серой надстройки, а бока изгибались плавно и без лишних линий. Два погрузочных люка с каждой стороны носа, оба открытые, казались созданными для того, чтобы разряжать пачки ракет.

– Уверена, что сработает? – спросил я Сильви, когда мы подошли к подножию пирса.

– Расслабься, – прорычал позади меня Опп. – Это тебе не «Шафрановые линии».

Он был прав. Для предприятия, которое, по уверениям правительства, подчиняется строгим инструкциям по безопасности, отправление деКома поразило меня исключительной разболтанностью. Сбоку от каждого люка стюард в грязной синей униформе принимал *печатные* документы и проверял коды ридером, который показался бы уместным и в киноэксперии про годы Освоения. По пирсу туда-сюда змеились очереди из потрепанного состава отбывающих по ко-

лено в багаже. На холодном прозрачном воздухе туда-сюда ходили бутылки и трубки. Всюду царили натянутое веселье и притворные перепалки, одинаковые шутки про допотопные ридеры. Стюарды всем улыбались в ответ с усталым видом.

– Ну и где носит Лаза? – хотела знать Киёка.

Сильви пожала плечами.

– Будет. Он всегда приходит.

Мы встали в конец ближайшей очереди. Группка деКомовцев перед нами быстро оглянулась, задержав взгляды на волосах Сильви, затем вернулась к болтовне. Среди этого народа она не выделялась. У высокой черной оболочки в паре групп дальше была грива из дредов похожих масштабов, встречались тут и там и другие, менее внушительные.

Рядом со мной молча стояла Ядвига.

– У Лаза это патологическое, – сказала мне Киёка, стараясь смотреть куда угодно, только не на Яд. – Всегда где-то тормозит.

– В нем это прошито, – рассеянно сказала Сильви. – Нельзя стать профессиональным водомеркой без привычки балансировать на грани.

– Эй, я сама водомерка, и всегда прихожу вовремя.

– Ты не ведущая водомерка, – сказал Опп.

– Ах *вот* как. Слушайте, мы все просто... – она бросила взгляд на Ядвигу и прикусила губу. – Ведущий – просто игровая позиция. У Лаза такая же прошивка, как у меня или...

Глядя на Яд, ни за что не скажешь, что она мертва. В квар-

тире мы ее почистили – лучевое оружие прижигает, так что крови обычно остается немного, – приодели в узкий боевой жилет морпехов и куртку, которые спрятали раны, закрыли шокированные раскрытые глаза черными УЗ-линзами. Затем Сильви через командную сеть завела ее опорно-двигательный аппарат. Наверное, потребовалась немалая концентрация, но это ничто в сравнении с тем, что она выдерживает онлайн, когда возглавляет команду против миминтов в Новом Хоке. Яд шла за ее левым плечом, а мы прикрывали их с тыла и флангов. Простые команды лицевым мускулам захлопнули рот мертвой деКомовки, а серая бледность – что ж, в линзах улучшенного зрения и с серой наплечной сумкой на запечатке Яд выглядела не хуже, чем выглядела бы при отходняке с «дрожи» и передозе эндорфинов. Я сомневался, что мы все выглядели аппетитно.

– Документы, пожалуйста.

Сильви протянула пачку бумаг, и стюард принялся сканировать ее ридером по странице за раз. Одновременно Сильви, должно быть, послала по сети разряд в мускулы шеи Яд-виги, потому что покойница наклонила голову – слегка неповоротливо, – словно чтобы окинуть взглядом бронированный бок хове́ра. Неплохой штришок, очень естественно.

– Сильви Осима. Команда из пятерых, – сказал стюард, поднимая голову и пересчитывая. – Железо уже погружено.

– Так точно.

– Каюты, – он прищурился на экран ридера, – назначены.

С П-19 по 22, нижняя палуба.

Рядом с вершиной пирса поднялся шум. Все, кроме Ядвиги, оглянулись. Я заметил охровые рясы и бороды, злую жестикуляцию, приподнятые голоса.

– Что происходит? – спросила обыденным тоном Сильви.

– А, Бородатые, – стюард снова сложил просканированную пачку. – Шатаются по берегу все утро. Похоже, прошлым вечером сцепились с парой деКомовцев к востоку отсюда. Сами знаете, они это плохо переваривают.

– Ага. Гребаные динозавры, – Сильви взяла документы и сунула за пазуху. – У них есть описания или им подойдут любые два деКомовца?

Стюард усмехнулся.

– Говорят, видовсов нет. В заведении вся энергия шла на голопорнуху. Но есть показания свидетелей. Женщина. И мужчина. А, у женщины еще были волосы.

– Господи, да это же вылитая я, – рассмеялась Сильви.

Орр странно на нее взглянул. Гомон сзади нас стал громче. Стюард пожал плечами.

– Да, кто угодно из пары десятков командных голов, которых я пропустил за утро. Эй, мне больше интересно, что куча священников делала там, где крутят голопорнуху?

– Дрочили? – предположил Орр.

– Религия, – произнесла Сильви с внезапным щелчком в горле, будто ее сейчас стошнит. Сбоку от меня Ядвига пошатнулась и обернулась резче, чем обычно оборачиваются

люди. — Никому не приходило в голову, что...

Она охнула — звук шел из самого живота. Я бросил взгляд на Орра и Киёку, увидел, как напряглись их лица. Стюард поднял взгляд, с любопытством, но без волнения.

— ...что всякая человеческая жертва — дешевая уловка, что...

Снова полузадушенный звук. Как будто слова выворачивали из слежавшегося ила. Ядвига зашаталась сильнее. Теперь выражение лица стюарда стало меняться, он почувствовал неладное. Даже деКомовцы в очереди позади нас переводили взгляды со свары на пирсе на бледную женщину и ее отрывистую речь.

— ...что *вся человеческая история — просто сраное оправдание* неспособности доставить *женщине нормальный оргазм*.

Я с силой наступил ей на ногу.

— Ну ладно уж.

Стюард нервно хохотнул. Куэллистские сантименты, даже ранние поэтические, в культурном каноне Харлана до сих пор шли с маркировкой «Обращаться осторожно». Велика опасность, что любое их поощрение выльется в ее поздние политические теории и, конечно, практику. Можно сколько угодно называть ховерлодеры в честь революционных героев, но их идеи лучше скрыть во мраке истории, чтобы никто не помнил, за что люди сражались.

— Я... — сказала Сильви озадаченно. Оппр пододвинулся и

поддержал ее.

– Давай потом поспорим, Сильви. Сейчас лучше загрузимся. Слушай, – он ткнул ее локтем, – *Яд на ногах не стоит*, да и мне не лучше. Можно уже...

До нее дошло. Она выпрямилась и кивнула.

– Да, потом, – сказала она. Труп Ядвиги перестал качаться, даже реалистично поднял тыльную сторону ладони ко лбу.

– Похмелье, – сказал я и подмигнул стюарду. Его нервозность изгладилась и он ухмыльнулся.

– Плавали, знаем.

Издевательский смех с пирса. Я слышал слово «мерзость», потом треск электрического разряда. Видимо, силовой кастет.

– Похоже, они поймали больше, чем могут подсечь, – сказал стюард, вглядываясь за наши спины. – Стоило приходить во всеоружии, если хотели качать права в доке, полном де-Комовцев. Ладно, с вами все. Следующий.

Мы вошли в люк без дальнейших помех и зашагали по гулким металлическим коридорам в поиске своих кают. Яд сзади меня сохраняла механическую походку. Остальная команда вела себя как ни в чем не бывало.

* * *

– Ну и что это была за херня?

Наконец где-то полчаса спустя я смог задать вопрос. Команда Сильви стояла в ее каюте с неловким видом. Орр пришлось сутулиться под двутаврами на потолке. Киёка уставилась в единственный крошечный односторонний иллюминатор, найдя что-то чрезвычайно интересное на воде. Ядвига лежала ничком на койке. Все еще ни следа Лазло.

– Глюк, – сказала Сильви.

– Глюк, – кивнул я. – И часто тебя глючит?

– Нет. Нечасто.

– Но уже бывало.

Орр нырнул под балкой, чтобы нависнуть надо мной.

– Может, отвянешь, Микки? Тебя никто не заставляет идти с нами. Что-то не нравится – ты волен валить в любой момент, правда же?

– Мне просто интересно, что делать, если Сильви вдруг улетит в облака и начнет цитировать куэллизмы посреди схватки с миминтами, вот и все.

– О миминтах мы позаботимся, – без интонации проговорила Киёка.

– Ага, Микки, – Орр ощерился. – Мы этим на жизнь зарабатываем. А ты откинься и наслаждайся экскурсией.

– Я только хотел...

– Заткни хлебало, если...

– В общем, смотрите, – сказала она очень тихо, но и Орр, и Киёка оглянулись на звук ее голоса. – Вам надо оставить нас с Микки наедине, чтобы мы могли все обсудить.

– Ай, Сильви, да он же просто...

– У него есть право знать, Опп. Не освободите комнату?

Она проводила их взглядом, подождала, пока дверь сложится, затем прошла мимо меня обратно на свой стул.

– Спасибо, – сказал я.

– Смотри, – я не сразу понял, что в этот раз она говорила буквально. Она запустила руку в волосы и подняла центральный кабель. – Ты знаешь, как это работает. В этой штуке вычислительная мощность больше, чем в большинстве баз данных города. В теории.

Она отпустила кабель и прикрыла волосами. На губах промелькнула маленькая улыбка.

– Там можно словить вирусный удар, способный выскрести человеческий мозг, как яйцо из скорлупы. Или просто интерактивные коды миминтов с функцией самовоспроизведения, автоматические хакерские системы вторжения, личности-конструкты, мусор от трансляций – что угодно. Я должна все это сдерживать, просеивать, использовать и не давать утечь в нашу сеть. Этим я занимаюсь. Снова и снова. И какую прочистку потом не купишь, что-то все равно остается. Неубиваемые остатки кода, осадок, – она передернулась. – Призраки. Там, за моими экранами, есть такое, о чем даже думать не хочется.

– Похоже, самое время для нового железа.

– Ага, – она кисло улыбнулась. – Вот только лишних денег нет. Понимаешь?

Я понимал.

– Последнее поколение техники. Сплошная подстава, а?

– Вот да. Последнее поколение – и цены под потолок. У самих субсидии Гильдии, оборонное финансирование Протектората, а они дерут полную цену научных разработок Санкции с таких людей, как мы.

Я пожал плечами.

– Цена прогресса.

– Да, видела рекламу. Уроды. Слушай, то, что там случилось, – просто песчинка в шестеренках, ничего страшного. Может, связано с перепрошивкой Яд. Обычно я этим не занимаюсь, это незадействованные мощности. И обычно именно туда системы управления данными и сбрасывают всякий мусор. Запуск ЦНС Яд, видимо, его сдвинул.

– А ты помнишь, что говорила?

– Не очень, – она потерла лицо, прижала пальцы к закрытому глазу. – Что-то про религию? Про Бородатых?

– Ну да. С этого ты начала, а потом принялась перефразировать раннюю Куэллкрист Фальконер. Ты не куэллистка, случаем?

– С хера ли.

– Я так и думал.

Она задумалась на минуту. Под ногами нежно задрожали двигатели «Пушек для Гевары». Отправление в Драву с минуты на минуту.

– Может, я что-то подцепила с пропагандного дрона. Их

на востоке до сих пор много – за их декомиссию слишком мало платят, вот и не трогают, пока они не забудут местную связь.

– И среди них есть куэллисты?

– О да. По меньшей мере четыре или пять фракций из тех, что расхерачили Новый Хок, основывались на куэллизме. Блин, я слышала, она и сама там воевала, когда началось Отчуждение.

– Говорят, да.

Дверь прозвенела. Сильви кивнула мне, и я пошел открывать. В слегка вибрирующем коридоре стоял коренастый жилистый человек с длинными черными волосами в хвосте. Он обильно потел.

– Лазло, – угадал я.

– Да. А ты что за хер?

– Долгая история. Хочешь поговорить с Сильви?

– Да, было бы неплохо, – с ноткой иронии. Я отступил и пропустил его. Сильви устало смерила его взглядом.

– Залез в пусковой отсек спасательного плота, – объявил Лазло. – Парочка разрядов для байпаса и семь метров ползком по полированному стальному дымоходу. Как нехрен делать.

Сильви вздохнула.

– Это не достижение, Лазло, и не гениальный ход, и однажды ты так и опоздаешь на отбытие. И кто тогда будет ведущим?

– Ну, как посмотрю, вы уже ищите мне замену, – косо́й взгляд в мою сторону. – Это кто такой?

– Микки, Лазло, – ленивый жест от меня к нему. – Лазло, знакомься с Микки Судьбой. Временный попутчик.

– Провели его на борт по моим кодам?

Сильви пожала плечами.

– Ты ими все равно не пользуешься.

Лазло заметил на кровати Ядвигу, и на его костлявом лице загорелась ухмылка. Он прошел по каюте и шлепнул ее по ягодице. Когда она не отреагировала, он нахмурился. Я закрыл дверь.

– Господи, чем она вчера накидалась?

– Она мертва, Лаз.

– *Мертва?*

– Пока что да, – Сильви взглянула на меня. – Ты вчера очень много пропустил.

Глаза Лазло проследовали по линии взгляда Сильви через каюту.

– И это как-то связано с нашим высоким таинственным синтетическим незнакомцем, да?

– Да, – ответил я. – Как я уже сказал, долгая история. Лазло подошел к нише с раковиной и налил воды в пригоршню. Опустил лицо в воду и фыркнул. Оставшейся водой пригладил волосы, выпрямился и впери́лся в меня в зеркале. Резко повернулся к Сильви.

– Ладно, шкипер. Я слушаю.

Глава шестая

Путь до Дравы занял день и ночь.

Где-то на полпути над морем Андраши «Пушки для Гевары» сбросили скорость, раскинули сенсорную сеть так широко, как только могли, и приготовили оружейные системы. По официальным заявлениям правительства Мексека, все миниты были созданы для наземной войны и потому не могли выбраться с Нового Хока. В своем информационном поле команды деКома сообщали о таких машинах, записей о которых не было в архиве Мирового машинного интеллекта, из чего следовало, что как минимум какое-то вооружение, рыскающее по континенту, нашло способ эволюционировать за пределы изначальных параметров. Ходили слухи, что это разбушевался экспериментальный нанотех. По официальным заявлениям, системы нанотеха во время Отчуждения были слишком грубыми и недостаточно изученными, чтобы применяться в качестве оружия. Слухи отметались как антиправительственная пропаганда, официальные заявления высмеивались в любом разумном обществе. Без спутникового покрытия или поддержки с воздуха невозможно было доказать ни то, ни другое. Процветали мифы и дезинформация.

Добро пожаловать на Харлан.

– Трудно поверить, – пробормотал Лазло, когда мы шли

последние километры по устью и через брошенные доки Дравы. – Четыре века на гребаной планете – а до сих пор не можем подняться в воздух.

Каким-то образом он уболтал пропустить его на одну из открытых наблюдательных галерей, которые хOVERлодер под-нял на бронированной спине, как только мы вошли в ска-нируемую зону базы в Драве. Каким-то еще невообразимым образом он уломал нас подняться с ним, и теперь мы стояли, дрожа в зябкой сырости раннего утра, пока по бокам сколь-зили безмолвные набережные Дравы. Небо над головой во всех направлениях было малообещающего серого цвета.

Орр поднял воротник на куртке.

– Как только придумаешь, как декомиссовать орбиталь-ник, Лаз, скажи нам.

– Ага, поддерживаю, – сказала Киёка. – Сбей спутник – и Мици Харлан будет отсасывать тебе по утрам до конца жизни.

Обычные разговоры среди деКомовцев – аналог баек про пятидесятиметровых боттлбэков, которые рыбаки травили в миллспортских барах. Что бы ты ни приволок из Ново-го Хока – все это было *человеческих* масштабов. Какими бы злобными ни были миминты, в конечном счете мы постро-или их сами, и им не больше трехсот лет. Их не сравнить с древним железом, которое марсиане оставили на орбите Харлана приблизительно пятьсот тысяч лет назад. Железо, которое лишь по ему известным причинам срезало с неба все

летательные аппараты молнией ангельского огня.

Лазло подул на руки.

– Если бы они захотели, могли бы уже сами их сбить.

– О, опять понесло, – Киёка закатила глаза.

– Про орбитальники много говна крабьего несут, – гнул свое Лазло. – Например, что они сбивают что угодно больше и быстрее вертолета, но четыреста лет назад колонисты все-таки умудрились посадить баржи. Или, например...

Орр фыркнул. Я увидел, как Сильви закрыла глаза. – ... что у правительства есть огромные гиперджеты под полюсом, и *их* в полете ничто не трогает. Или те случаи, когда орбитальники атаковали что-нибудь на земле, только про это говорить не любят. А это *все время* происходит. Вы-то наверняка не слышали про драгу, которую вчера нашли развороченной у мыса Саньсинь...

– Я слышала, – раздраженно перебила Сильви. – В очереди, пока мы вчера утром ждали, когда ты появишься. Сообщают, что она села у мыса на мель. Ты видишь заговор в обыкновенном непрофессионализме.

– Шкипер, *естественно*, они так сказали. Что бы они *еще* тебе сказали?

– Да, твою мать.

– Лаз, старина, – Орр уронил тяжелую руку на плечи ведущего водомерки. – Будь это ангельской огонь, там бы ничего не нашли. Ты и сам это знаешь. И отлично знаешь, что вокруг экватора в покрытии орбитальников огромная ды-

ра, через которую при правильных расчетах можно посадить целый флот барж колонистов. А теперь забей на свою теорию заговоров и насладись пейзажем, на который ты нас приволок смотреть.

А вид был впечатляющий. Драва в свои лучшие дни была морским портом и окном для торговли во внутреннюю территорию Нового Хоккайдо. К пирсам шли суда со всех основных городов планеты, а город за доками расползся на десятки километров до самого подножия, предоставив жилище почти пяти миллионам человек. На пике коммерческого могущества Драва состязалась в богатстве и культуре с Миллспортом, а морской гарнизон был одним из сильнейших в северном полушарии.

Теперь же мы плыли мимо рядов разбомбленных складов времен Освоения, кранов, разбросанных по докам, словно детские игрушки, и торговых судов, затопленных на приколе. По воде плыли яркие химические разводы, а единственными живыми существами в округе были жалкие стайки рипвингов, хлопающих крыльями над покосившейся гофрированной крышей склада. Когда мы проходили мимо, один выгнул шею и издал скрипучий боевой клич, но все видели, что он не вкладывал в это душу.

– Приглядывай за ними, – сказала Киёка неприязненно. – Только кажется, что херня, но они умные. Уже расчистили почти весь пляж от чаек и бакланов, и известно, что они нападали и на людей.

Я пожал плечами.

– Ну, это их планета.

Показались укрепления плацдарма деКомовцев. Сотни метров ползучей и живой колючей проволоки по периметру патрулирования, ошестинившиеся ряды припавших к земле блоков-пауков и роботы-стражи, угрюмо взирающие на местных с крыш. В воде над поверхностью торчали башни автоматических мини-субмарин, обходящих устье по изгибу берега. Время от времени встречались наблюдательные воздушные змеи, привязанные к башням кранов и коммуникационной мачте в сердце плацдарма.

«Пушки для Гевары» вырубили подачу энергии и дрейфовали боком между двумя подлодками. В доке несколько человек бросили свои дела, через сокращающееся расстояние до новоприбывших доплыли голоса. Большую часть работы беззвучно выполняли машины. Охрана плацдарма допросила навигационный ИскИн хOVERлодера и дала разрешение. Система автошвартов-ки пообщалась с пазами дока, определила траекторию и отстрелялась. Тросы натянулись и подтащили судно. Разумный трап пробудился, растянулся и присосался к погрузочным воротам на берегу. Антиграв с дрожью опустился на уровень швартовки. Двери отомкнулись.

– Нам пора, – сказал Лазло и исчез в люке, словно крыса. Опп изобразил вслед неприличный жест.

– На черта ты нас вообще сюда притащил, если самому не терпится сдристнуть?

Назад всплыл неразборчивый ответ. По коридору застучали ноги.

– А, пусть идет, – сказала Киёка. – Все равно никто не уедет, пока мы не поговорим с Курумаей. Еще торчать в очереди у баббл.

Орр посмотрел на Сильви.

– Что будем делать с Яд?

– Оставим здесь, – командная голова смотрела на уродливое серое поселение из баббл-ткани с любопытным воодушевлением на лице. Трудно было поверить, что причиной был открывшийся вид – может, слушала переговоры систем, открыв все чувства и потерявшись в волнах трафика. Она резко отключилась и повернулась к команде. – Каюты наши до полудня. Нет смысла выводить ее, пока мы не знаем, что нас ждет.

– А железо?

Сильви пожала плечами.

– То же самое. Не хочу целый день таскать за собой тележки по Драве, пока ждем очереди от Курумаи.

– Как думаешь, он разгонит нас в расписании снова?

– После прошлого раза? Почему-то сомневаюсь.

На нижних палубах узкие коридоры были забиты мельтешащими деКомовцами с заброшенной на плечи или поднятой на головы экипировкой. Каюты стояли распахнутыми, их обитатели разбирали багаж, перед тем как нырнуть в сутолоку. Над головами и сумками туда-сюда рикошетили гро-

могласные окрики. Поток вязко двигался вперед и к правому борту, к люку высадки. Мы влезли в толпу и поплелись с ней, вел нас Орт. Я держался сзади, защищал раненые ребра как мог. Время от времени в бок стрельало. Переносил со сжатыми зубами.

Спустя, кажется, очень долгое время мы вывалились из коридора высадки и встали посреди бабблов. Рой деКомовцев плыл вперед, через поселение к центральной мачте. На полпути к ней нас ждал Лазло, сидя на распотрошенном пластмассовом упаковочном ящике. Он улыбался.

– Чего так долго?

Орт с рыком сделал вид, что сейчас ему врежет. Сильви вздохнула:

– Хотя бы порадууй, что уже добыл чип очереди.

Лазло раскрыл ладонь с торжественностью фокусника и продемонстрировал нам маленький осколок черного кристалла. Туманный огонек внутри сложился в номер пятьдесят семь. При виде этого Сильви и ее напарники выругались под нос.

– Да, придется подождать, – пожал плечами Лазло. – Все еще распределяют вчерашних. Я слышал, в Чистой Зоне произошло что-то серьезное. Зато пока можно перекусить.

Он повел нас по лагерю к длинному серебристому трейлеру у одной из оград. Вокруг люка подачи раскинулись дешевые пластиковые столы и стулья. За ними сидела горстка посетителей с сонными лицами, поникшими над подносами

из фольги, заставленными кофе и завтраками. В люке, как на рельсах, туда-сюда носились три работника. Нас обдало паром и запахом еды, таким ярким, что он активировал даже жалкие ощущения вкуса и запаха синтетической оболочки.

– Всем мисо и рис? – спросил Лазло.

ДеКомовцы, заняв пару столов, согласно буркнули. Я покачал головой. Для синтетических рецепторов даже хороший мисо-суп на вкус как помой. Я подошел с Лазло к окошку, чтобы посмотреть, что предлагается еще. Остановился на кофе и парочке пирожков, забитых углеводами. Стоило мне потянуться за кредитным чипом, как Лазло выставил ладонь.

– Эй. Угощаю.

– Спасибо.

– Ничего особенного. Добро пожаловать в Сачки Сильви. Кажется, забыл сказать это вчера. Прости.

– Ну, там много чего творилось.

– Да. Будешь что-нибудь еще?

На стойке был диспенсер с дермальными болеутоляющими. Я вытянул пару лент и помахал ими работнику. Лазло кивнул, вытащил собственный кредитный чип и бросил на стойку.

– Значит, цепануло.

– Ага. По ребрам.

– Так и думал, судя по тому, как ты двигаешься. Наши вчерашние друзья?

– Нет. Еще раньше.

Он поднял бровь.

– Везде поспел.

– Ты не поверишь, – я оторвал дозу с одной из лент, закатал рукав и прилепил пластырь. По руке прокатилась теплая волна химического здоровья. Мы собрали еду на подносы и отнесли к столикам.

ДеКомовцы ели в сосредоточенном молчании, противоречившем их предыдущим перепалкам. Вокруг начали заполняться остальные столики. Пара человек кивнула на ходу команде Сильви, но в основном деКомовцы держались особняком. Люди оставались в своих группках и кучках. Мимо проносились обрывки разговоров, полные жаргона и того же рубленого спокойствия, что я слышал у своих напарников позавчера. Работники выкрикивали номера заказов, кто-то настроил приемник на канал с джазом эпохи Освоения.

Расслабившись и придя в себя после дермальной волны, я заметил мелодию и почувствовал, как она отбросила меня напрямик в молодость в Ньюпесте. Пятничные ночи у Ватанабе – старик Ватанабе всегда был фанатом джазовых исполинов эпохи Освоения и крутил их неустанно, под стоны самых молодых посетителей, которые скоро стали традицией. Заходи к Ватанабе почаще – и любые твои музыкальные вкусы сотрутся. В мозг врежется любовь к беспорядочным ритмам.

– Какое старье, – сказал я, кивая на динамики на трейлере.

Лазло хмыкнул.

– Добро пожаловать в Новый Хок.

Ухмылки и обмен знаками на пальцах.

– А тебе нравится, а? – спросила меня Киёка со ртом, набитым рисом.

– Все в этом роде, да. Но не узнаю...

– «Диззи Чанго и Великий смеющийся мухомор», – неожиданно сказал Опп. – «Вниз от эклиптики». Хотя изначально это кавер на музыкальный дрейф Черного Таку. Таку никогда бы не пустил скрипку на передний план.

Я одарил великана странным взглядом.

– Не слушай его, – сказала мне Сильви, рассеянно почесывая под волосами. – Возьми ранних Таку и Иде – там сплошная цыганщина. Пригладились только для «Миллспортских сейшнов».

– Это не...

– Эй, Сильви! – у стола остановился молодой на вид командная голова с торчащими волосами. На левой руке балансировал поднос с чашками кофе, на правое плечо была брошена толстая бухта живого кабеля, что без конца подергивался. – Вы уже вернулись?

Сильви улыбнулась.

– Привет, Оиси. Скучал по мне?

Оиси шутливо поклонился. Поднос на его расставленных пальцах не покачнулся.

– Как обычно. Явно сильнее, чем Курумая-сан. Планиру-

есть с ним сегодня встретиться?

– А ты нет?

– Не-а, мы не выходим. Кашу вчера ночью задел какой-то антихак-выплеск, она оправится только через пару дней. Мы отдыхаем, – Оиси пожал плечами. – Все оплачено. Чрезвычайный фонд.

– Хренов *чрезвычайный* фонд? – Орр выпрямился. – Что у вас вчера было?

– А вы не знаете? – Оиси оглядел стол с круглыми глазами. – Буквально ночью. Не слышали?

– Нет, – терпеливо ответила Сильви. – Потому и спрашиваем тебя.

– А, ну да. Я думал, уже все знают. Рядом разгуливал кооперативный кластер. В Чистой Зоне. Прошлой ночью стал собирать артиллерию. Самоходка, здоровая. Корпус «Скорпион». Курумае пришлось сбивать в отряд всех, пока нас не обстреляли.

– Что-нибудь осталось? – спросил Орр.

– Они не знают. Первичных сборщиков мы сняли вместе с самоходкой, но мелкие разбежались. Дроны, вторичники, вся мелюзга. Кто-то говорит, что видел каракури.

– Да *говно крабье*, – фыркнула Киёка. Оиси снова пожал плечами.

– За что купил, за то и продаю.

– Мехкуклы? Не может быть, – Киёка села на своего конька. – Каракури не видели в ЧэЗэ больше года.

– Кооперативных машин тоже, – заметила Сильви. – Всякое бывает. Оиси, как думаешь, есть шанс, что нас назначат сегодня?

– Вас-то? – К Оиси вернулась улыбка. – Ни за что, Сильви. Только не после прошлого раза.

Сильви мрачно кивнула.

– Так и думала.

Джаз заглох на веселой ноте. Его место занял голос – хриплый, женский, настойчивый. В словах слышались архаичные переливы.

– И это была проба Диззи Чанго на тему классической песни «Вниз от эклиптики», новый взгляд на старую тему. Точно так куэллизм проливает свет на древнее беззаконие экономического строя, который мы пронесли с собой через весь темный путь с берегов Земли. Разумеется, Диззи всю жизнь был убежденным куэллистом, и, как он сам часто говорил...

Собравшиеся деКомовцы застонали.

– Ага, а еще он всю жизнь был убежденным торчком на мете, – крикнул кто-то.

Диджей-пропагандист продолжала ворковать среди насмешек. Она пела одну и ту же прошитую песенку уже столетия. Но жалобы деКомовцев были беззлобными – такая же стершаяся привычка, как наши протесты у Ватанабе. Загадка углубленного знания джаза эпохи Освоения Орра начала проясняться.

– Ладно, поскакал, – сказал Оиси. – Может, еще свидимся

в Нечистой, да?

– Может, да, – Сильви смотрела, как он уходит, потом наклонилась в сторону Лазло. – Как у нас со временем?

Водомерка залез в карман и продемонстрировал чип очереди. Номер сменился на пятьдесят два. Сильви с отвращением выдохнула.

– А что такое каракури? – спросил я.

– Механические куклы, – пренебрежительно ответила Кийка. – Не парься, здесь ты их не увидишь. Мы их вычистили еще в прошлом году.

Лазло сунул чип обратно в карман.

– Вспомогательные юниты. Всех видов и размеров. Маленькие бывают с рипвинга, только не летают. Руки и ноги. Иногда с вооружением, и они очень быстрые, – он усмехнулся. – Ничего хорошего.

Внезапное нетерпеливое напряжение Сильви. Она встала.

– Пойду переговорю с Курумаей, – объявила она. – Кажется, пора стать добровольцами на расчистку.

Хоровой протест – громче, чем тот, что вызвал диджей-пропагандист.

– ...не серьезно.

– За расчистку платят гроши, шкипер.

– Кочевать от дома к дому...

– Ребят, – она подняла руки. – Мне плевать, ясно? Если мы не проскочим очередь, нам тут куковать до завтра. А это хреново. Если вы вдруг забыли, довольно скоро у Яд появит-

ся антиобщественный запашок.

Киёка отвернулась. Лазло и Орт что-то пробормотали в остатки мисо-супа.

– Кто пойдет со мной?

Тишина и отворачивающиеся взгляды. Я осмотрелся, затем уперся и встал, купаясь в новых ощущениях без боли.

– Давай. Я схожу. Курумая ведь не кусается, да?

* * *

Но вид у него был такой, будто еще как.

На Шарии был вождь кочевников, с которым я однажды имел дело, шейх с деньгами, раскиданными по базам данных планеты, который предпочитал всю жизнь перегонять полудомашненных генетически адаптированных бизонов через степь Джахан и жить в юрте на солнечной батарее. Прямо и косвенно под его началом служила сотня тысяч степных кочевников, и когда я сидел с ним на совете в этой юрте, чувствовал, как в нем тугой пружиной сворачивалась власть.

Сигео Курумая был бледной вариацией на ту же тему. Он господствовал в командном баббле с той же энергией, командовал теми же ртом-щелкой и суровым взглядом, сидя за столом, заставленным оборудованием для наблюдения, в окружении когорты деКомовцев, стоящих в ожидании назначения. Как и Сильви, он был командной головой – волосы с

серыми и черными прядями заплетены сзади, обнажая торчащий чуб центрального кабеля в самурайском стиле, уставшем на тысячу лет.

– Спецмиссия, дорогу, – Сильви пробивала нам путь через других деКомовцев. – Дорогу. Спецмиссия. Вашу мать, пропустите. *Спецмиссия.*

Они с ворчанием расступались, и мы вышли вперед. Курумая едва отвлекся от беседы с командой из трех деКомовцев в тощих молодых оболочках, – я уже начал узнавать стандарт водомеров. Его лицо оставалось бесстрастным.

– Насколько мне известно, у тебя нет никакой специальной миссии, Осима-сан, – сказал он тихо, и деКомовцы вокруг нас взорвались в озлоблении. Курумая обвел их взглядом, пока шум не улегся.

– Как я сказал...

Сильви подняла руку в примирительном жесте.

– Я знаю, Сигео, я знаю, что у меня ее *нет*. Но я ее *хочу*. Мы с Сачками Сильви идем добровольцами в зачистку ка-ракури.

Снова поднялся ропот, но в этот раз приглушенный. Курумая нахмурился.

– Ты *просишься* на зачистку?

– Я прошу разрешения на выход. У ребят дома накопились большие долги, зарплата им нужна уже шесть часов назад. Если это значит, что надо ходить от двери к двери, – мы пойдем.

– В очередь встань, сука, – сказал кто-то позади нас. Сильви слегка напряглась, но не повернулась.

– Я догадывалась, что тебе это не понравится, Антон. То же хочешь в добровольцы? Ну, выгуливай банду от дома к дому. Только я почему-то сомневаюсь, что они тебя поблагодарят.

Я оглянулся на собравшихся деКомовцев и нашел взглядом Антона – крупный и плотный, командная грива выкрашена в полдесятка несочетающихся цветов. На глазах у него были линзы, так что зрачки напоминали стальные подшипники, а под кожей на славянских скулах виднелись разводы схем. Он слегка дернулся, но к Сильви не двинулся. Его тускло-металлические глаза переместились на Курумаю.

– Да ладно, Сигео, – Сильви ухмыльнулась. – Только не рассказывай, что здесь все выстроились в очередь на работу по зачистке. Сколько ветеранов пойдут на эту халтуру добровольцами? Ты пошлешь мальков, потому что больше за такие деньги не согласится никто. Я тебе делаю подарок, и ты сам это знаешь.

Курумая обвел ее взглядом с головы до пят, затем кивком отослал трех водомеров. Они отступили с пасмурными лицами. Голокарта моргнула и выключилась. Курумая откинулся на стуле и вперился взглядом в Сильви.

– Осима-сан, в прошлый раз, когда я разогнал тебя в расписании перед другими, ты презрела свои обязанности и исчезла на севере. Откуда мне знать, что ты не выкинешь тот

же трюк?

– Сиг, ты послал нас глазеть на *развалину*. Кто-то добрался туда раньше нас, там ничего не осталось. Я тебе уже все говорила.

– Когда наконец соизволила вернуться, да.

– О, рассуждай здраво. Как мне декомиссовать то, что и так расковыряли? Мы свалили, потому что там ни хрена не было.

– Это не ответ на мой вопрос. Как я могу тебе доверять? Сильви театрально вздохнула.

– Господи, Сиг. У тебя хвост с избыточной мощностью, ты и считай. Я предлагаю услугу за шанс быстро заработать. Иначе мне придется ждать очереди до послезавтра, а у тебя не будет никого, кроме чистильщиков-мальков, все в проигрыше. Какой, блин, смысл?

Долго никто не двигался. Затем Курумая бросил взгляд на один из приборов на столе. Над ним проснулось инфо-поле.

– Что за синт? – спросил он небрежно.

– А, – Сильви сделала жест «позвольте представить». – Новобранец. Микки Судьба. Подмога стрелка.

Курумая поднял бровь.

– С каких пор Орру требуется чья-то помощь?

– Просто пробуем. Моя идея, – Сильви ослепительно улыбнулась. – Как мне кажется, там лишней подмоги не бывает.

– Пожалуй, так, – Курумая обратил взгляд на меня. – Но

у твоего нового друга ранение.

– Всего лишь царапина, – ответил я.

У инфополя сменился цвет. Курумая скосил на нее взгляд, и у ее вершины сгустились цифры. Он пожал плечами.

– Хорошо же. Будьте у главных ворот через час, с собственной экипировкой. Получаете стандартную поденную ставку за техобслуживание плюс десять процентов за стаж. Больше ничем помочь не могу. Премия за все убийства – по таблице ММИ.

Она ответила очередной радужной улыбкой.

– Ну и замечательно. Мы будем готовы. Приятно снова иметь с тобой дело, Сигео. Пошли, Микки.

Как только мы собрались уходить, ее лицо дернулось от пришедшего сообщения. Она раздраженно развернулась к Курумае.

– Да?

Он мягко улыбнулся.

– Чтобы мы понимали друг друга, Осима-сан. Вы будете вплетены в строй с остальными. Если вновь попытаетесь ускользнуть, я узнаю. Я аннулирую ваше разрешение и верну вас назад, даже если придется отправить для этого всех чистильщиков. Хочешь, чтобы тебя арестовала кучка мальков и этапировала сюда, – рискни.

Сильви издала очередной вздох, горестно покачала головой и вышла через толпу деКомовцев в очереди. Когда мы

проходили мимо Антона, он показал зубы.

– Техобслуживание, Сильви, – съязвил он. – Похоже, ты наконец нашла свой уровень.

Вдруг он вздрогнул, глаза закатились, а лицо опустело – Сильви что-то свернула у него в голове. Он покачнулся, и ближайшему деКомовцу пришлось схватить его за руку, чтобы удержать. Он охнул, словно фрик-файтер, пропустивший на ринге тяжелый удар. Заплетающийся язык, ярость в голосе:

– Долбаная...

– Отвали, болотник, – это она бросила уже через плечо, лаконично, когда мы выходили из бабблa.

И даже не взглянула в его сторону.

Глава седьмая

Ворота – монолит из серого сплава, шесть метров брони в ширину и десять в высоту. Антиграв-подъемники с каждого края стояли на рельсах на внутренней поверхности двух двадцатиметровых башен, которые венчали роботы-стражи. Если подойти к серому металлу достаточно близко, то слышен неустанный скрежет живой колючки снаружи.

Добровольцы Курумай на зачистку стояли перед воротами тесными кучками, бормочущие разговоры перемежались вспышками громкой похвальбы. Как и предсказала Сильви, большинство были молодыми и неопытными – обе черты четко читались в неуклюжести, с которой они обращались с оборудованием и тарасились вокруг. Небольшой ассортимент их железа тоже не впечатлял. Оружие в основном выглядело так, словно было прямиком с распродаж устаревших военных излишков, а транспорта имелось всего не больше десятка штук – может быть, только для половины из пятидесяти с чем-то присутствующих деКомовцев, причем некоторые средства даже без грав-эффекта. Остальным, видимо, придется прочесывать на своих двоих.

Командные головы среди них были редкостью.

– Как все делается, – говорила Киёка благодушно. Она облокотилась на нос грав-жука, на котором сидел я, и сложила руки на груди. Маленький транспорт слегка закачался на

парковочной подушке, так что мне пришлось подкачать поле для компенсации. — Понимаешь, у большинства мальков нет нормальных денег, они приходят в игру практически слепые к системам. Зачисткой пытаются заработать на апгрейды, изредка — выполняя легкие задания на окраинах Нечистой. Если повезет, их кто-нибудь заметит. Иногда их берут к себе какие-нибудь команды с потерями.

— А если нет?

— Тогда они сами отрачивают волосы, — улыбнулся Лазло, копаясь в кофре на одном из двух других жуков. — Правильно, шкипер?

— Да, именно так, — в голосе Сильви слышалась горечь. Стоя у третьего жука с Орром, она снова пыталась представить Ядвигу живым человеком, и напряжение сказывалось. Я тоже не получал от процесса удовольствия — мы посадили мертвую деКомовку на жука, но пилотировать его было за пределами возможности Сильви, так что Яд летела пассажиркой сзади меня. Было бы странно, если бы в ожидании я слез, а она продолжала сидеть, так что мне тоже приходилось оставаться на месте. Сильви велела трупку ласково закинуть одну руку мне на плечо, а вторую положить на бедро. Время от времени Ядвига вертела головой, а ее лицо в солнечных линзах искажалось в подобии улыбки. Я пытался сохранять невозмутимый вид.

— Поменьше слушай Лаза, — посоветовала Киёка. — Разве что у одного малька из двадцати есть все данные, чтобы стать

командной башкой. Конечно, технику в голову прошить могут, но ты просто сойдешь с ума.

– Ага, как наш шкипер, – Лазло закончил с кофром, запечатал и побрел на другую сторону жука.

– Вот как бывает, – терпеливо продолжала Киёка. – Ищешь кого-нибудь, кто выдержит нагрузку, и дальше держитесь вместе. Копите деньги, пока не хватит на волосы для него плюс базовые разъемы для остальных – и пожалуйста. Готовая команда. На что уставился?

Последнее предназначалось молодому деКомовцу, который подошел завистливо таращиться на грав-жуков и оборудование. От интонации Киёки он слегка сдал назад, но голод на его лице остался.

– Модель «Дракул», да? – спросил он.

– Да, – Киёка побарабанила костяшками по корпусу жука. – Серия «Дракул 41», всего три месяца как с конвейеров Миллспорта, и *все*, что ты о них слышал, на сто процентов правда. Бесшумные движки, встроенная батарея ЭМИ и пучка частиц, система щитов со скоростной реакцией, интегрированные умные системы «Нуханович». Что не назови, все уже прикрутили.

Ядвига повернула голову в сторону молодого деКомовца, а ее мертвый рот, похоже, снова попытался улыбнуться. Рука переместилась с моего плеча на бок. Я слегка поерзал.

– Сколько стоит? – спросил наш новый фанат. За ним собиралась кучка единомышленников-технарей.

– Больше, чем ты заработаешь за весь год, – широко развела руками Киёка. – Базовый пакет стартует от ста двадцати штук. А это – *не* базовый пакет.

Молодой деКомовец сделал пару шагов поближе.

– А можно?..

Я пронзил его взглядом.

– Нет, нельзя. Я на нем сижу.

– Иди сюда, пацан, – Лазло постучал по корпусу жука, с которым возился. – Оставь наших любовничков – у них такое похмелье, что не до вежливости. Я тебе этот покажу. Чтобы было к чему стремиться в следующем сезоне.

Смех. Группка мальков пошла на приглашение. Я обменялся взглядами облегчения с Киёкой. Ядвига погладила меня по бедру и положила голову на плечо. Я обжег глазами Сильви. За нами прочистила горло система громкой связи.

– Ворота открываются через пять минут. Дамы и господа, проверьте метки.

* * *

Завывание грав-моторов, тихий скрип перекошенных рельс. Ворота рывками поднялись на все двадцать метров, и деКомовцы побежали или поехали, в зависимости от своих финансов, наружу. Живая колючка свернулась и отползла от чистых полей, освобожденных нашими метками, превратившись в беспокойную живую изгородь с человеческий рост.

Мы проехали по расчищенной тропе, стенки которой волновались, как в дурном сне от такэ.

Дальше, почуяв приближение наших меток, зашевелились блоки-пауки на множестве ножек. Когда мы приблизились, они подняли массивные многогранные туши с растрескавшегося вечного бетона и заторопились в стороны, нарушая запрограммированную функцию «блокировать и давить». Я не спускал с них глаз. Однажды ночью в Доме Хань я сидел за укреплениями дворца Кван и слушал крики, пока подобные машины стирали с лица земли целую атакующую волну техниндзя-повстанцев. Несмотря на громоздкую и слепую неповоротливость, много времени им не потребовалось.

Спустя пятнадцать минут аккуратных маневров мы прошли оборону плацдарма и беспорядочно высыпали на улицы Дравы. Дороги порта сменились замусоренными магистралями, время от времени проплывали нетронутые многоквартирки в двадцать этажей высотой. Преобладающий архитектурный стиль – утилитарный стандарт эпохи Освоения: жилье было необходимо так близко к воде для обслуживания молодого порта, так что об эстетике думали в последнюю очередь. Ряды маленьких окон в нишах близоруко таращились на море. Стены из грубого вечного бетона были рябыми от бомбардировок и затертыми от столетий забвения. Синевато-серые пятна лишайников обозначали места, где сдало антибактериальное покрытие.

Над головой через облачный покров просачивалось водя-

нистое солнце, лучи еле пробивались, освещая безмолвные улицы впереди. С устья порывами задувал ветер, словно бы подгоняя нас вперед. Я мельком оглянулся и увидел, как живая колючка и блоки-пауки сплетаются за нашими спинами, словно зарастающая рана.

– Наверно, нечего тянуть, – голос Сильви у моего плеча. Орр ехал на жуке параллельно мне, командная голова сидела за ним, озираясь, словно выискивая запах. – Хотя бы нет дождя.

Она коснулась кнопки на куртке со встроенной связью. Ее голос взлетел в тишине, отразился от безлюдных фасадов. ДеКомовцы повернулись на звук, готовые и рвущиеся в бой, как свора гончих.

– Ладно, друзья. Слушайте. Не желаю принимать на себя командование...

Она откашлялась. Прошептала:

– Но кто, если не я...

Снова закашлялась.

– Но *кто-то* должен что-то сделать. Это не очередное упражнение в... в... – она слегка тряхнула головой. Голос набрал силу, снова вернулся эхом от стен. – Мы сражаемся не за какую-то фантазию для политической мастурбации. Это факты. Власть предержавшие уже образовали свои альянсы, продемонстрировали свою преданность или ее отсутствие, сделали свой выбор. Но у нас выбор отняли. Я не хочу – *не хочу*...

Она поперхнулась. Опустила голову.

ДеКомовцы стояли молча, ждали. Ядвига обмякла на моей спине, затем стала соскальзывать с заднего сиденья. Я бросил руку назад и остановил ее. Вздрогнул, когда под мягкой серой ватой болеутоляющих вспыхнула боль.

– *Сильви!* – прошипел я. – А ну приди в себя, Сильви. Вернись в наш мир.

Она посмотрела на меня из-под спутанных волос, и на мгновение показалось, что она даже не узнает меня.

– Приди в себя, – спокойно и тихо повторил я.

Она передернулась. Выпрямилась и снова откашлялась. Небрежно махнула рукой.

– Политика, – объявила она, и ждущая толпа деКомовцев рассмеялась. Она подождала. – Мы здесь не ради *нее*, дамы и господа. Я знаю, что не единственная среди вас с волосами, но думаю, в плане опыта опережаю всех, так что тем, кто не знает, как все устроено, вот что я предлагаю следующее. Лучеобразный строй, разделяемся на каждом перекрестке, пока каждая моторизованная команда не получит себе улицу. Остальные – следуйте за кем хотите, но не советую разбиваться на группы меньше шести человек. Моторизованные команды ведут на каждой улице, те же, кому не повезло идти пешком, проверяйте здания. При обыске каждого – долгие остановки, ребята на транспорте – *не отрывайтесь* от строя, ребята в зданиях – вызывайте подмогу наездников с улицы, если увидите *что угодно*, похожее на активность миминтов.

Что угодно.

– Да, а как насчет вознаграждения? – крикнул кто-то. Поднялся заинтересованный ропот.

– Что убил – то мое, я сюда не делиться приехал, – громко согласился кто-то еще.

Сильви кивнула.

– Вы узнаете, – ее усиленный голос остановил разлад, – что у успешного деКома три стадии. Первая – снять миминта. Затем зарегистрировать, что это сделали вы. А *затем* дожить до того, чтобы вернуться на плацдарм и забрать деньги. Последние две стадии *особенно* сложные, если вы лежите на улице с выпущенными кишками и без башки. А так, скорее всего, и будет, если вы ползете в гнездо каракури без подмоги. У слова «команда» есть разные смыслы. Тем, кто хочет однажды попасть в *команду*, советую над ними поразмышлять.

Шум стих до бормотания. Труп Ядвиги за мной выпрямился, с моей руки ушла нагрузка. Сильви оглядела слушателей.

– Итак. Из-за лучеобразного строя мы довольно быстро разделимся, так что карты всегда должны быть онлайн. Отмечайте каждую улицу, когда заканчиваете, оставайтесь на связи и будьте готовы вернуться, чтобы прикрыть пропущенные места. Пространственный анализ. Помните, миминты в этом лучше нас в пятьдесят раз. Если оставите прореху – они ее найдут и используют.

– Если они вообще здесь есть, – раздался новый голос из толпы.

– Если они вообще здесь есть, – согласилась Сильви. – Могут быть, а могут и не быть. Добро пожаловать на Новый Хок. Теперь, – она встала на подножку грав-жука и огляделась. – Есть *конструктивные* мысли?

Тишина. Шарканье ног.

Сильви улыбнулась.

– Хорошо. Тогда начнем прочесывать. Лучеобразный поиск, как договорились. *Чистого скана*.

Раздался нестройный радостный хор, поднялись кулаки с железом. Какой-то идиот пальнул молнией из бластера в небо. Последовали радостные вопли и взрывной энтузиазм.

– ...надерем задницу поганым миминтам...

– Оставлю *кучу* трупов, чувак. Гребаную кучу.

– Драва, детка, мы *идем*!

Киёка подъехала ко мне с другого бока и подмигнула.

– Им все это пригодится, – сказала она. – Это и еще больше. Сам увидишь.

* * *

Через час я понял, что она имела в виду.

Это была медленная и раздражающая работа. Пройти пятьдесят метров по улице на скорости паутиной медузы, обходя обломки и сдохшие наземные машины. Следить за

сканерами. Остановиться. Подождать, пока пешие чистильщики войдут в здания по сторонам и проберутся до двадцатых этажей осторожным шагом. Слушать их искаженные стенами передачи. Следить за сканерами. Пометить, что здание чистое. Подождать, пока спустятся пешие. Следить за сканерами. Пройти дальше – еще на пятьдесят метров с задержками. Следить за сканерами. Остановиться.

Мы ничего не находили.

Солнце сражалось в безнадежной битве с облачным покровом. Через некоторое время пошел дождь.

Следить за сканерами. Пройти по улице. Остановиться.

– Не так прикольно, как в рекламе, а? – Над Киёкой висели волшеббно выглядящие брызги дождя, от которых ее закрывали невидимые экраны жука; она кивнула на пеших чистильщиков, исчезнувших в очередном доме. Они уже вымокли до нитки, и напряженное возбуждение с огнем в глазах быстро шло на убыль. – Возможности и приключения в неведомом краю Нового Хока. Прихватите зонтик.

Сидящий позади нее Лазло усмехнулся и зевнул.

– Брось ты, Ки. Всем надо с чего-то начинать.

Киёка отклонилась назад, оглянулась через плечо.

– Эй, Сильви. Сколько нам еще до...

Сильви подала знак – один из емких жестов, которые я видел в деле после перестрелки с Юкио. Чутье посланников указало мне на дрожь века Киёки, принимающей информацию от командной головы. Лазло довольно кивнул себе.

Я стукнул пальцем по рации, которую мне дали вместо прямого доступа к черепу командной головы.

– Происходит что-то, о чем мне надо знать, Сильви?

– Не, – вернулся пренебрежительный голос Орра. – Когда тебе надо будет знать, мы скажем. Да, Сильви?

Я оглянулся на нее.

– Да, Сильви?

Она немного устало улыбнулась.

– Пока рано, Микки.

Следить за сканерами. Пройти по мокрым от дождя разгромленным улицам. Экраны жуков выглядели как переливающиеся овальные зонты брызг у нас над головами; пешие чистильщики матерились и мокли.

Мы ничего не находили.

К полудню мы углубились на пару километров в город, и рабочее напряжение уступило скуке. Ближайшие команды занимали пару десятков улиц с каждой стороны. Их транспорт обозначался на картах лениво рыскающими отрядами, а если настроиться на главный канал, было слышно пеших чистильщиков, ворчащих при подъеме в зданиях, в чьих голосах не осталось и следа от прежнего убийственного энтузиазма.

– О, гляньте, – вдруг пророкотал Орр.

Поезд, на котором мы работали, вильнул вправо и тут же уперся в круглую площадь с застройкой в стиле пагод; кольцо зданий замыкал многоэтажный храм на широких колон-

нах в противоположном конце. На открытом пространстве там, где было повреждено уличное покрытие, широкими лужами скапливался дождь. Не считая огромных покосившихся останков выгоревшей пушки-скорпиона, укрытия нигде не было.

– Эту они прикончили вчера ночью? – спросил я. Лазло покачал головой.

– Не, эта тут уже много лет торчит. Кроме того, по словам Оиси, вчерашнюю так и не достроили выше корпуса, когда уже поджарили. А эта, перед тем как сдохнуть, была ходячей и говорящей самоходной миминтской скотиной.

Орр бросил на него хмурый взгляд.

– Лучше спустить мальков на землю, – сказала Киёка.

Сильви кивнула. Она поторопила по местному каналу чистильщиков из последних зданий и собрала за гравжуками. Они стирали капли дождя с лиц и с досадой смотрели на площадь. Сильви встала на подножку сзади жука и включила громкую связь на куртке.

– Ладно, слушайте, – сказала она. – Кажется, здесь безопасно, но точно знать нельзя, так что новый порядок. Жуки пройдут к дальнему концу и проверят первый этаж храма. Скажем, десять минут. Затем один жук вернется и будет стоять на стреме, пока остальные двое прочешут площадь по краям. Когда они придут в целости, идем клином, и пешие чистильщики проверят верхние этажи храма. Все поняли?

Угрюмая волна согласия вдоль шеренги. Им уже было

плевать. Сильви кивнула.

– Идет. Тогда за дело. Чистого скана.

Она развернулась на жуке и снова села за Орром. Когда она наклонилась к нему, я видел, как шевелятся грубы, но синт-оболочка ничего не могла расслышать. Бормотание движка слегка усилилось, и Орт повез их на площадь. Киёка на жуке с Лазло заняла позицию слева и последовала за ними. Я склонился над собственной приборной доской и взял на себя правый фланг.

После несколько давящих задушенных мусором улиц площадь казалась одновременно и свободнее, и опаснее. Воздух как будто стал легче, брызги на экране жука – слабее. На открытом пространстве жукам наконец довелось показать скорость. Возникло иллюзорное ощущение движения...

...и риска.

Чутье посланников зацарапало, привлекая внимание. Проблема, сразу за горизонтом восприятия. Что-то где-то рванет.

Трудно объяснить, какие именно подсознательно пойманные детали струнули ее в этот раз. Интуитивные функции посланников и в лучшие времена – способности темпераментные, а с тех пор как мы покинули плацдарм, весь город казался одной сплошной ловушкой.

Но все же это нельзя игнорировать.

Нельзя игнорировать интуицию, когда она спасала твою жизнь тысячу раз на таких разных планетах, как Шария и

Адорасьон. Когда она прошита в самую твою суть – глубже, чем воспоминания о детстве.

Мои глаза непрерывно сканировали пагоды боковым зрением. Правая рука напряженно лежала на оружейной консоли.

Приближалась пушка-скорпион.

Почти полпути.

Вот!

Вспышка аналога адреналина, такая грубая в синтсистеме. Рука легла на кнопку огня...

Нет.

Только кивающие цветы той растительной жизни, что пролезла к свету через расколотый корпус пушки. Капли дождя нежно прибивали цветки к стеблям.

Дыхание вернулось в норму. Мы прошли «Скорпион» и полпути до храма. Ощущение неминуемого контакта осталось.

– Ты в порядке, Микки? – голос Сильви в ухе.

– Да, – я покачал головой. – Ничего.

Труп Ядвиги за спиной прижался ко мне теснее.

До тени храма мы добрались без происшествий. Над нами высилась каменная стена под наклоном, который вел глаз к ее вершине, где стояли огромные статуи барабанщиков с тайко. Крутые несущие опоры, как пьяные колонны, бесшовно сливались с полом из расплавленного стекла. Из боковых вентиляционных отверстий в зал падал свет, дальше

во мраке неустанно звенели ручьи дождевой воды с крыши. Опп въехал на жуке внутрь, как мне показалось, без должной осторожности.

— Хватит, — позвала Сильви достаточно громко, чтобы в зале зазвучало эхо. Она поднялась, оперлась на плечо Оппа и легко прыгнула на пол у жука. — Давайте быстро, ребят.

Лазло соскочил с жука Киёки и походил кругом, похоже, сканируя опоры храма. Начали спешиваться Опп и Киёка.

— Что мы... — начал я и осекся из-за приглушенного ощущения в мертвой рации в ухе. Я поставил жук на тормоз, стянул рацию и уставился на нее. Затем перевел взгляд на деКомовцев и то, чем они занимались. — *Хой!* Никто не хочет объяснить, что за хрень происходит?

Киёка рассеянно улыбнулась мне на ходу. Она несла ремень со взрывчаткой, которой бы хватило, чтобы...

— Отдыхай, Микки, — сказала она легко. — Сейчас закончим.

— Тут, — говорил Лазло. — Тут. И тут. Опп?

Великан махнул с другой стороны пустого зала.

— Принято. Все, как ты думала, Сильви. Максимум на парочку больше.

Они закладывали взрывчатку.

Я поднял взгляд на своды на колоннах.

— О нет. О нет, да вы *прикалываетесь*, — я хотел слезть, но на груди крепче сжалась мертвая хватка Ядвиги. — Сильви!

Она быстро оглянулась, сидя на корточках на стеклянном

полу перед черным компьютером в кофре жука. На экране отображались пятна разноцветной информации, менявшиеся, когда она печатала на клавиатуре.

– Еще пара минут, Мик. И все.

Я ткнул большим пальцем на Ядвигу.

– Сними с меня эту хрень, пока я ее не сломал, Сильви. Она вздохнула и встала. Ядвига отпустила меня и обмякла. Я повернулся на жуке и поймал ее прежде, чем она опрокинулась на пол. В этот же момент ко мне подошла Сильви. Она кивнула.

– Ладно. Хочешь помочь?

– Хочу знать, какого хера вы творите.

– Потом. Сейчас можешь достать нож, который я дала тебе в Текитомуре, и вырезать для меня стек из позвоночника Яд. Похоже, это твой ключевой навык, и не знаю, кто из нас захочет тебя заменить.

Я опустил взгляд на мертвую женщину в руках. Она падала лицом вниз, и линзы соскользнули. Один глаз поймал слабый свет.

– Ты хочешь, чтобы я извлек его *сейчас*?

– Да, сейчас, – ее глаза поднялись к ретинальному дисплею. Время явно поджимало. – За три минуты, потому что больше у нас нет.

– На этой стороне закончил, – окликнул Опп.

Я слез с жука и опустил Ядвигу на стекло. Нож лег в руку, словно был там всегда. Я срезал одежду у затылка и снял ее,

обнажив бледную кожу. Затем включил клинок.

Все остальные в храме при этом звуке невольно подняли взгляд. Я посмотрел в ответ, и они отвернулись.

Позвоночник Яд вышел после пары ловких надрезов и быстрого выкорчевывания. Запах был неприятный. Я вытер нож о ее одежду и убрал, выпрямился, изучая позвонок в клочках мяса. Ко мне широкими шагами подошел Орд и протянул руку.

– Это возьму я.

Я пожал плечами.

– С удовольствием. Пожалуйста.

– Все готово, – у бортового компьютера Сильви сложила кулак в жесте, который кричал о безвозвратности. Она встала. – Ки, возьмешь на себя эту честь?

Киёка подошла и встала рядом со мной, глядя на изуверченный труп Яд. В ее руке было гладкое серое яйцо. Казалось, мы простояли молча долгое время.

– Время, Ки, – тихо сказал Лазло.

Очень нежно Киёка присела у головы Ядвиги и поместила гранату в место, что я вырезал под затылком. Когда она вставала, в ее лице что-то изменилось.

Орд мягко коснулся ее руки.

– Будет как новенькая, – сказал он.

Я посмотрел на Сильви.

– Может, теперь поделитесь планами?

– Конечно, – командная голова кивнула на сумку. – Лазей-

ка. Через пару минут взорвется инфомина, вырубит у всех рации и сканеры. Еще через пару минут сработает ее шумная подружка. Всюду ошметки Яд, потом рухнет здание. А мы утечем. Через заднюю дверь. С защищенными движками мы выдержим ЭМИ, а когда у мальков оживут сканеры, мы уже будем на краю доступа, невидимыми. Они найдут остатки Яд и решат, что мы наткнулись на гнездо каракури или умную бомбу и испарились при взрыве. А мы снова будем свободными агентами. Как нас и устраивает.

Я покачал головой.

– Самый идиотский план, что я слышал. А если...

– Эй, – Опп недружелюбно буравил меня взглядом. – Не нравится – можешь тут и оставаться на хрен.

– Шкипер, – снова Лазло, на этот раз довольно нервно. – Может, вместо того, чтобы болтать, просто уже *сделаем*? Вот в эти две минуты? Что скажешь?

– Ага, – Киёка бросила взгляд на раскинувшийся труп Яд-виги, затем отвернулась. – Пора сматываться. Живо.

Сильви кивнула. Сачки оседлали жуков, и мы двинулись клином на звук льющейся воды в задней части храма.

Никто не оглядывался.

Глава восьмая

Насколько нам было видно, все сработало идеально. Мы были уже в добрых пятистах метрах с другой стороны храма, когда рвануло. Приглушенная серия детонаций, затем рокот, перерастающий в рев. Я повернулся на сиденье – теперь, когда Ядвига была в кармане Орра, а не ехала сзади, обзору ничего не мешало – и в узком обрамлении улицы увидел, как все строение недраматично оседает к земле в клокочущем облаке пыли. Через минуту мы спустились в подземный туннель, и я лишился даже этого ограниченного улицей вида.

Я поравнялся с остальными жуками.

– И вы все это продумали заранее? – спросил я. – С самого начала знали, что сделаете?

Сильви мрачно кивнула в тусклом свете туннеля. В отличие от храма, здесь это было ненамеренным. Устаревшая обшивка из иллюминия над головой еще светила голубоватым на последнем издыхании, но в ночь с тройной луной и чистым небом видимость была бы лучше. На жуках тут же автоматически включились навигационные огни. Туннель свернул направо, и мы лишились остатков солнечного света от входа позади. Стало холоднее.

– Мы тут уже пятьдесят раз бывали, – объяснил Орр. – Каждый раз храм казался планом побега на блюдечке. Просто не надо было никуда убегать.

– А, ладно, спасибо, что рассказали.

Рябь смеха деКомовцев в синеватом сумраке.

– Дело в том, – сказал Лазло, – что мы не могли посвятить тебя в планы без общения вслух в реальном времени, а это неудобно. Шкип ввела нас в курс по командной сети за пятнадцать секунд. А с тобой пришлось бы разговаривать, ну знаешь, словами и ртом. И при таком количестве передового радиожелеза на базе никогда не знаешь, кто нас слушает.

– У нас не было выбора, – сказала Киёка.

– Не было выбора, – вторила Сильви. – Тела горели, и небеса кричали, и они говорили мне, я говорила себе... – она прочистила горло. – Простите, ребят. Опять гребаная утечка. Когда вернемся на юг, надо уже что-то с этим сделать.

Я кивнул туда, откуда мы вернулись.

– И скоро они снова поднимут системы сканов?

ДеКомовцы переглянулись. Сильви пожала плечами.

– Десять, пятнадцать минут, в зависимости от соф-та-предохранителя.

– Обидно будет, если в это время появятся каракури, а? Киёка фыркнула. Лазло поднял бровь.

– Ага, вот именно, – пророкотал Опп. – Обидно. Такая в Новом Хоке жизнь, привыкай.

– Да и в любом случае, – терпеливо и здраво заметила Киёка. – В Драве нет никаких сраных каракури. Они не...

Металлический лязг впереди.

Снова напряженный обмен взглядами. На всех трех жу-

ках загорелись в готовности оружейные консоли – предположительно, вмешательство командной головы Сильви, – и маленький конвой замер на месте. Опп выпрямился.

Впереди в сумраке стоял брошенный транспорт. Никакого движения. Откуда-то из-за следующего поворота туннеля донесся отчаянный грохот.

Лазло натянуто улыбнулся в полутьме.

– Так что ты там говорила, Ки?

– Эй, – ответила она слабо. – Я открыта к противоположным мнениям.

Грохот прекратился. Повторился.

– Что за хрень? – пробормотал Опп.

Лицо Сильви было непроницаемым.

– Что бы там ни было, его должна была зацепить инфомина. Лаз, может, начнешь отрабатывать оклад водомерки.

– Конечно, – Лазло подмигнул мне и соскочил с сиденья за Киёкой. Сплел пальцы и вытянул руки перед собой, чтобы они хрустнули. – Включился, здоровяк?

Опп кивнул, уже спешиваясь. Открыл багажник под подножкой жука и вытащил полуметровый лом. Лазло снова улыбнулся.

– Тогда, дамы и господа, пристегните ремни и держитесь подальше. *Чистого скана.*

И ушел, прижимаясь к изгибающейся стене туннеля, пользуясь ею как укрытием, пока не достиг разбитого транспорта, затем метнулся в сторону, показавшись в тусклом све-

те легче собственной тени. Орт брел за ним – брутальный неандерталец с ломом в левой руке. Я бросил взгляд на жука, где Сильви склонилась вперед, прикрыв глаза, с лицом, на котором было любопытное смешение одновременно присутствия и отсутствия, обозначавшее подключение к сети.

Настоящая поэзия.

Лазло схватился одной рукой за край обломков и подтянулся, как обезьяна, на крышу. Неподвижно застыл, слегка наклонив голову. Орт держался сзади, у изгиба туннеля. Сильви что-то неслышно пробормотала себе под нос, и Лазло сдвинулся. Один прыжок – и только он коснулся пола туннеля, как уже бежал. Наискосок, за поворот к чему-то, чего я уже не видел. Орт вышел на середину, расставив для равновесия руки, изготавившись и глядя в сторону, где исчез водомерка. Через долю секунды и полдесятка быстрых решительных шагов он тоже скрылся из виду.

Тянулись секунды. Мы сидели в синем полумраке и ждали.

Тянулись секунды.

И...

– ...ну и что за?..

Голос Сильви, озадаченный. Растущий в громкости – она отключалась от связи и снова давала реальному миру завладеть ее чувствами. Моргнула пару раз и искоса глянула на Киёку.

Худощавая женщина пожала плечами. Только сейчас я по-

нял, что она тоже участвовала – настроилась на балет, который я наблюдал лишь со стороны, слегка напряженный, оставшись в седле жука, пока она, как и вся команда, шла по туннелю на плечах Лазло.

– Ни хрена не поняла, Сильви.

– Ладно, – взгляд командной головы обратился ко мне. – Вроде безопасно. Давай глянем.

Мы осторожно повели жуков за поворот и спешили, чтобы рассмотреть то, что нашли Лазло и Опп.

Существо на коленях можно было назвать гуманоидом с очень большой натяжкой. У него была голова на основном каркасе, но человеческую она напоминала только потому, что что-то разорвало корпус и оставило внутреннюю хрупкую структуру частично обнаженной. На самом верху осталось широкое кольцо, напоминающее нимб, оно держалось над остатками головы на скелетной раме.

Были у него и конечности, приблизительно там же, где у людей, но в таком количестве, что на ум приходили скорее насекомые, чем млекопитающие. С одной стороны тела две из четырех рук были неподвижны и безвольно обвисли, а одна была обожженной и изжеванной. С другой стороны одну конечность оторвало напрочь, с большим ущербом корпусу, а еще две явно остались бесполезны. Они пытались сдвинуться, но с каждой попыткой из обнаженных схем дико брызгали искры, пока движение не умирало в судорогах. Вспышки света бросали на стены скачущие тени.

Было непонятно, функционируют ли четыре нижние конечности или нет, но при нашем приближении существо не пыталось подняться. Лишь удвоили усилия три еще функционирующие руки, они что-то искали во внутренностях металлического дракона, лежавшего на полу туннеля.

У машины по бокам было четыре мощных на вид ноги, кончавшихся когтями, длинная угловатая голова, забитая вспомогательным многоствольным оружием, и шипастый хвост, что мог вонзаться в землю для дополнительной стабильности. Имелись даже крылья – переплетенная рама с направленными вверх пусковыми установками для основного ракетного вооружения.

Существо было мертво.

Что-то оставило огромные параллельные раны в его левом боку, и ноги под ударом подкосились. Пусковые установки торчали в разные стороны, голова свернута набок.

– Пусковая установка «Комодо», – сказал Лазло, осторожно обходя открывшееся зрелище. – И каракури-монтер. Ты проиграла, Ки.

Киёка покачала головой.

– Бред какой-то. Что он здесь делает? И что *вообще* он делает, если уж на то пошло?

Каракури наклонил голову и взглянул на нее. Работающие конечности выползли из раны в теле дракона и зависли над корпусом в странном защитном жесте.

– Ремонт? – предположил я.

Орр хохотнул.

– Ага. Каракури – монтеры только до определенного момента. А после этого становятся мародерами. Такие раздолбанные штуки они разбирают для кооперативного кластера, чтобы построить что-нибудь новое. Но не пытаются *починить*.

– И это еще не все, – Киёка обвела рукой туннель. – Мехкуклы нечасто ходят поодиночке. Где остальные? Сильви, ты же ничего не принимаешь, да?

– Ничего, – командная голова задумчиво оглядела туннель. На серебре ее волос сверкнул голубой отблеск. – Дальше до конца пусто.

Орр взвесил лом.

– Ну, мы отключаем его или что?

– Стоит все равно смешные деньги, – проворчала Киёка. – Даже если бы мы могли оставить на него заявку, а мы не можем. Может, просто бросим малькам?

– Я не собираюсь ехать по туннелю, – сказал Лазло, – пока эта хреновина фурычит где-то в тылу. Выключай, здоровяк.

Орр вопросительно глянул на Сильви. Она пожала плечами и кивнула.

Лом опустился. Нечеловечески быстро – прямо на скорлупу головы каракури. Металл заскрежетал и разорвался. Нимб отлетел, заскакал по полу и укатился в тень. Орр вытащил лом и размахнулся еще. Поднялась одна из рук машины, защищаясь, – лом вмял ее в остатки головы. Каракури в

странном молчании пытался подняться на нижние конечности – теперь я видел, что они безнадежно исковерканы. Орт ухнул, поднял ботинок и тяжело наступил. Машина опрокинулась, мотая руками в сыром воздухе туннеля. Великан надвинулся, орудуя ломом с экономной и натренированной дикостью.

Это заняло немало времени.

Когда он закончил, когда сухие искры затухли в его ногах, Орт выпрямился и вытер лоб. Он тяжело дышал. Снова бросил взгляд на Сильви.

– Сойдет?

– Да, он выключился, – она направилась назад к их общему жуку. – Пойдем, надо торопиться.

Когда мы снова оседали транспорт, Орт заметил, как я наблюдаю за ним. Добродушно поднял брови и надул щеки.

– Ненавижу, когда приходится выключать вручную, – сказал он. – Особенно когда просадил столько кредитов на апгрейды бластера.

Я медленно кивнул.

– Да уж, непросто.

– А как доберемся до Нечистой, будет лучше, увидишь. Куча места, чтобы развернуть железо во всей красе, незачем прятать выплески. Но все-таки, – он показал на меня ломом. – Если снова будем работать руками, теперь и ты в деле. Можешь выключить следующего.

– Спасибо.

– Эй, да не за что, – он протянул лом через плечо Сильви, и она его убрала. Жук задрожал под руками Орра и двинулся вперед, мимо обломков павшего каракури. Снова поднятые брови и ухмылка. – Добро пожаловать в деКом, Микки.

Часть вторая

Это кто-то еще

*Натяни новую плоть, как чужие перчатки,
И снова сожги пальцы.*

*Граффити в Бей-сити на скамейке у Центральной
тюрьмы*

Глава девятая

Шорох помех. Общий канал был открыт нараспашку. – Слушайте, – сказала пушка-скорпион рассудительно. – В этом нет необходимости. Просто оставьте нас в покое.

Я вздохнул и переставил затекшие конечности в тесноте под утесом. В скалах завывал холодный полярный ветер, морозил лицо и руки. Небо над головой было стандартного для Нового Хока серого цвета – северный зимний свет скупого солнца уже шел на убыль. В тридцати метрах под горой, к которой я прилип, в долину сбегала длинная тропинка щебенки, к изгибу реки и горстке архаичных прямоугольных зданий из баббл-ткани, составлявших куэллистский пост прослушивания. Где мы были всего час назад. Из одной постройки, которую самоходка поразила умным снарядом, все

еще поднимался дым. Вот тебе и программные параметры.

– Оставьте нас в покое, – повторила она, – и мы поступим так же.

– Никак не можем, – пробормотала Сильви мягким и отрешенным голосом, пока приводила командную сеть в боевую готовность и прощупывала систему кооперативной артиллерии на предмет брешей. Разум набросил тончайшую сеть восприятия на окружающий ландшафт, словно шелковый платок на пол. – И ты сама это знаешь. Ты слишком опасна. Вся твоя система жизни враждебна нам.

– Ага, – к новому смеху Ядвиги еще предстояло привыкнуть. – А кроме того, мы тут жить хотим, блин.

– Суть власти, – сказал пропагандистский дрон где-то выше по течению, – в том, чтобы земля продолжала оставаться исключительно общим благом. Экономическая конституция государства...

– Это *вы* здесь агрессоры, – пушку-скорпион перебил дрон с намеком на нетерпение. Пушку запрограммировали на сильный миллспортский акцент, который чем-то напоминал мне покойного Юкио Хираясу. – Мы просим только о спокойном существовании, как в последние три века.

Киёка фыркнула.

– Да ну *хватит*.

– У нас это не так работает, – пророкотал Опп.

И с этим было трудно поспорить. За пять недель с того времени, как мы улизнули из пригородов Дравы в Нечистую,

Сачки Сильви уничтожили четыре кооперативных системы и свыше десятка отдельных автономных миминтов разных форм и размеров, не говоря уже о россыпях законсервированного железа, которое мы нашли в командном бункере, где хранилось и мое новое тело. Сильви и ее друзья накопили огромное вознаграждение. При условии, что они избежат полусформировавшихся подозрений Курумаи, временно они стали очень богаты.

А значит, в каком-то смысле и я.

— ...те, кто обогащается за счет эксплуатации этих отношений, не могут допустить эволюцию истинной представительной демократии...

Этот дрон все мозги уже продронил.

Я напряг нейрохимические глаза и осмотрел долину в поисках кооператива. Усовершенствования новой оболочки по современным стандартам были базовые – например, не имелось визуального дисплея чипа времени, какими теперь оснащаются даже самые дешевые синтоболочки, – но работала она гладко и мощно. Куэллистская база вскочила перед глазами так близко, что хоть руку протяни. Я осмотрел пространство между баббл-тентами.

— ...в борьбе, что снова и снова поднимает голову всюду, где ступает человечество, поскольку всюду находятся рудименты...

Движение.

Приземистые кучки конечностей, словно большие разум-

ные насекомые. Семенящий авангард каракури. Взламывали задние двери и окна с легкостью открывашки, проскальзывали и выскальзывали обратно. Я насчитал семерых. Где-то треть – Сильви оценила наступательную силу кооператива почти в двадцать мехкукол, а также засекала три танка-паука – два из них слеплены из запчастей, – и, конечно, центральную самоходку – пушку-скорпион.

– Тогда вы не оставляете мне выбора, – сказала пушка. – Вы вынуждаете меня нейтрализовать ваше вторжение немедленно.

– Ага, – Лазло подавил зевок. – Вынуждаем попробовать. Флаг тебе в руки, мой железный дружок.

– Я уже в процессе.

Слабая дрожь – я представил, как смертоносное оружие ползет по долине нам навстречу, пока глаза-тепловизоры ищут наши следы. Мы уже два дня выслеживали в этих горах кооператив миминтов, и внезапно стать добычей самим оказалось неприятным поворотом. Стелс-костюм с капюшоном ограничил тепловое излучение тела, а лицо и руки были щедро облиты хамелеохромным полимером примерно с тем же эффектом, но под сводом утеса над головой и двадцатиметровой пропастью под узким карнизом, где едва уместились мои ноги, трудно было не почувствовать себя прижатым к стенке.

Просто голова закружилась, Ковач. Приди в себя.

Очередная ирония в моей новой жизни, правда, сейчас у

меня даже улыбнуться не получалось. Наряду со стандартным боевым биотехом недавно обретенная оболочка – «Эйшундо Органикс», кем бы они когда-то ни были, – шла в комплекте с геном геккона в ладонях и подошвах. Я мог – если, конечно, с какого-то хрена захотел бы, – заползти на сто метров по отвесной скале с той же легкостью, с какой большинство людей поднимается по лестнице. При хорошей погоде я бы мог взобраться босиком, тем самым удвоив хватку, но и на одних руках мог провисеть сколько угодно. Миллион крошечных искусственных щетинок в ладонях крепко вошли в камень, а идеально настроенной свеженькой мускульной системе требовалась лишь иногда менять положение тела, чтобы отогнать усталость из-за долгого напряжения. Ядвига, переоблаченная в резервуаре по соседству и взбудораженная обновкой, когда обнаружила гентех, издала ликующий вопль, а потом весь день ползала по стенам и потолку бункера, как ящерица на тетрамете.

Лично я высоту не люблю.

В мире, где никто не поднимается в воздух из страха перед ангельским огнем, это обычное явление. Подготовка чрезвычайных посланников давит страх с плавной силой тяжелого гидравлического пресса, но все равно остаются миллионы усиков тревоги и неприязни, которыми мы предохраняемся от фобий каждый день. Я пробыл на скале уже с час и почти готов был сам выдать себя пушке-скорпиону, если бы перестрелка позволила поскорее спуститься.

Я перевел взгляд, присмотрелся к северной стене долины. Яд была где-то там, ждала. Я обнаружил, что почти мог ее представить. В таком же стелс-режиме, куда более грациозная, но все же без внутренней прошивки, которая бы крепко связала ее с Сильви и остальной командой. Как и я, она обходилась индукционным микрофоном и зашифрованным аудиоканалом, приклепанным к командной сети Сильви. Шансов, что миминты его взломают, было немного – они отставали в криптографии на двести лет и большую часть этого времени не имели дела с кодами человеческой речи.

Показалась пушка-скорпион. В такой же хаки-маскировке, что и каракури, но достаточно массивная, чтобы бросаться в глаза даже без усиленного зрения. Все еще в километре от базы куэллистов, но уже пересекла реку и занимала высоту на южной стороне с прямой видимостью на укрытие, которое заняла остальная команда ниже по реке. Хвост первичного орудия, из-за которого она заслужила свое название, изготовился к горизонтальному огню.

Я включил подбородком шифрованный канал и пробормотал в индукционную рацию.

– Контакт, Сильви. Либо действуем сейчас, либо отступаем.

– Полегче, Микки, – протянула она в ответ. – Я уже захожу в них. И пока что мы хорошо спрятались. Она не начнет палить по долине наугад.

– Ага, с куэллистскими установками она и не должна была

палить. Запрограммированные параметры. *Это* помнишь?

Короткая пауза. Я слышал, как на заднем фоне квохчет Ядвига, изображая цыпленка. На основном канале болботал дрон.

Сильви вздохнула.

– Ну просчиталась я с ее политической прошивкой. Знаешь, сколько здесь возилось фракций во время Отчуждения? И под конец все срались между собой, вместо того чтобы объединиться против правительственных войск. Знаешь, как трудно отличить некоторые из них на уровне риторики? Это наверняка какая-нибудь захваченная правительственная броня, которую перепрошило очередное паракуэллистское ответвление после Алабардоса. Может, Фронт Протокола Семнадцатого Ноября, или Ревизионисты Дравы. Кто их разберет?

– И кому это надо? – вторила Ядвига.

– Нам, – заметил я, – если бы час назад мы завтракали в двух бабблах левее.

Здесь я, конечно, передернул – если умный снаряд и промазал, то благодарить за это надо было только нашу командную голову. Перед глазами снова проигралась утренняя сцена во всех деталях. Сильви вдруг вскочила из-за стола с пустым лицом, улетевшим мозгом – навстречу тонкому электронному визгу снаряда, который засекала только она. Применяя вирусные передачи – ложные цели – на скорости компьютера. Только целые секунды спустя я услышал пронзи-

тельный свист параболы умного снаряда в небе над нами.

– *Корректируйся!* – прошипела она нам с пустыми глазами и голосом без выразительности, срезанным до нечеловеческой интонации. Чистый слепой рефлекс, центры речи в мозге выплюнули аналог того, чем она шпиговала снаряд на уровне передач – как у человека, который яростно жестикулирует в разговоре по аудиотелефону. – *А ну, сука, корректируй параметры.*

Снаряд взорвался.

Приглушенный хруст, когда рванула первичная система детонации, дробь легких обломков по нашей крыше, затем – ничего. Она заблокировала основной заряд, изолировала от детонатора аварийными протоколами отключения, украденными из его же рудиментарного мозга. Запечатала и убила вирусными плагинами деКома.

Мы рассеялись по долине, как семена белаводорослей из стручка. Жалкое подобие нашей заученной формации для засады – водомерки далеко друг от друга впереди, пока Сильви и Орт держатся сзади, на вершине строя, с грав-жуками. Маскируемся, прячемся и ждем, пока Сильви готовит головную артиллерию и тянется к приближающемуся врагу.

– ...наши воины выйдут из листвы их обычных жизней, чтобы сровнять с землей то здание, что многие столетия...

Теперь на противоположном берегу я разглядел первый танк-паук. Он ворочал башней влево и вправо, застыв на краю растительности у берега. По сравнению с громоздким

корпусом пушки-скорпиона они казались хлипкими машинами, даже меньше, чем пилотируемые версии, которые я уничтожал в мирах вроде Шарии или Адорасьона, но при этом были такими чуткими и внимательными, каким никогда не быть живому экипажу. Следующие десять минут я ожидал без предвкушения.

Глубоко в боевой оболочке зашевелилась, как змея, химия насилия и назвала меня лжецом.

В мягкое течение реки плавно вступил второй танк, затем третий. За ними на берег высыпали каракури.

– Поехали, народ, – пронзительный шепот, ради меня и Ядвиги. Остальные и так уже знали, получив команду по внутренней сети быстрее сознательной человеческой мысли. – Через первичные заслоны. По моему приказу.

Самоходка прошла горстку баббл-тентов. Лазло и Киёка заняли позиции ближе к реке, меньше двух километров ниже по течению от базы. Авангард каракури уже почти вышел на них. В десятке мест, где они проходили, шевелились кустарник и высокая серебристая трава. Остальные держались с машинами покрупнее.

– *Сейчас!*

Распустился огонь, бледный и внезапный, среди деревьев ниже по течению. Опп стрелял по первым мехкуклам.

– *Пошли! Пошли!*

Ведущий танк-паук слегка запнулся в воде. Я уже был в пути – вниз к скале по маршруту, который просчитал раз

десять, пока ждал под утесом. В водопаде секунд оболочка «Эйшундо» с машинной элегантностью несла меня к месту. Я прыгнул через последние два метра и попал на осыпающийся уклон. На неровной поверхности попыталась повернуться лодыжка – аварийные сервомышцы натянулись и остановили ее. Я вскочил и побежал.

Башня паука развернулась. Склон там, где я только что был, превратился в крошку. Осколки ужалили меня в затылок и поцарапали щеку.

– Эй!

– Прости, – в ее голосе звенело напряжение, как непролитые слезы. – Уже.

Следующий выстрел был заметным перелетом – наверное, целился в застрявшее в прошлом изображение того, как я слезал со скалы, которое Сильви воткнула в прицельный софт, а может, выстрел сделан вслепую в машинном эквиваленте паники. Я с облегчением хмыкнул, выхватил осколочный бластер «Ронин» из чехла на спине и сошелся с миминтами.

Что бы Сильви ни сделала с системами кооператива, это оказалось грутально и эффективно. Танки-пауки пьяно шатались, стреляя наугад в небо и верхние выступы по бокам долины. Вокруг носились каракури, словно крысы на тонущем плоту. Посреди всего торчала пушка-скорпион – видимо, парализованная; они припали к земле.

Я долетел до пушки меньше чем за минуту, доводя био-

тех оболочки до анаэробных пределов. В пятнадцати метрах от нее под ноги сунулся полуотключенный кара-кури, растерянно размахивая верхними конечностями. Я выстрелил в него из «Ронина» с левой, услышал мягкий кашель заряда и увидел, как буря мономолекулярных осколков рвет его на части. Оружие звякнуло новым патроном в каморе. Против мелких миминтов это было оружие разрушительной силы, но пушка-скорпион была в тяжелой броне, ее внутренние системы сложно повредить прямым огнем.

Я приблизился, пришлепнул ультразвуковую мину на один из высоких металлических боков, а потом попытался уйти подальше, пока не грянет взрыв.

И тут что-то пошло не так.

Пушка-скорпион дернулась вбок. Оружейные системы на хребте внезапно пробудились и развернулись. Одна из массивных ног подобралась и пнула куда-то в мою сторону. Случайно или нет, но удар задел меня по плечу, рука онемела, а сам я рухнул во весь рост в высокую траву. Из потерявших чувствительность пальцев выпал осколочный бластер.

– Блин.

Пушка снова пробудилась. Я встал на карачки и увидел краем глаза движение. На меня пыталась навести пулеметы, расположенные высоко на корпусе, вторичная башня. Я заметил бластер в траве и нырнул за ним. В мышцы вбрызнулись химикаты боевой оболочки, в онемевшую руку просочились ощущения. Пулеметная башня на корпусе самоходки

надо мной заработала, и пули разорвали траву. Я схватился за бластер и панически перекатился назад к пушке-скорпиону, чтобы уйти из-под угла огня. Пулеметный дождь следовал за мной, осыпая взметнувшейся землей и измельченной травой. Одной рукой я закрыл глаза, правой поднял «Ронин» и выстрелил вслепую на звук. Боевые навыки наверняка сами направили руку – буря пуль захлебнулась.

А ультравибрационка ожила.

Это похоже на рой осенних огнянок в припадке голодного безумия, усиленный для какой-то документалки про жизнь жуков. Истошный, верещащий звук взрыва – бомба разорвала молекулярные связи и превратила метровую сферу бронированной техники в железные опилки. Оттуда, где я прилепнул мину, фонтанировала металлическая пыль. Я пополз спиной от бока пушки, вытаскивая из сумки вторую мину. Они ненамного больше миски для рамена, которые очень напоминают видом, но если попадешь в радиус взрыва – покрошит в фарш.

Крик первой мины оборвался – ее поле схлопнулось, и она сама обратилась в пыль. Из огромного разрыва повалил дым. Я взвел детонатор на новой мине и закинул в дыру. Ноги пушки напряглись и топнули чересчур близко, но движение казалось судорожным. Миминт, похоже, потерял чувство ориентации и не понимал, откуда нападают.

– Эй, Микки, – Ядвига на секретном канале, слегка озадаченная. – Тебе помочь?

– Да нет. А тебе?

– Не, просто тебе стоит... – остальное заглушил вой новой мины. Пробитый каркас блеванул свежей пылью и фиолетовым электрическим разрядом. На основном канале пушка-скорпион издала пронзительный электронный плач, пока ультразвубационка вгрызалась ей в кишки. Я почувствовал, как от звука встали дыбом все волосы на теле.

На заднем фоне кто-то кричал. Похоже на Орра.

Во внутренностях пушки-скорпиона что-то взорвалось и, видимо, вырубилло мину, потому что ее чирикающий насекомоподобный визг почти тут же прекратился. Плач пропал, словно кровь, впитавшаяся в иссушенную землю.

– Можно повторить?

– Я сказал, – проорал Опп, – командная голова ранена. Повторяю, Сильви *ранена*. Валите оттуда на хрен.

Ощущение, словно покатилося что-то массивное...

– Легче сказать, чем сделать, Опп, – в голосе Яд слышалась натянутая и напряженная ухмылка. – Мы сейчас немножко как бы заняты.

– Поддерживаю, – проскрипел Лазло. Он пользовался аудиосвязью – вместе с Сильви, видимо, упала и командная сеть. – Тащи артиллерию сюда, здоровяк. Нам бы не поме...

Встряла Киёка:

– Яд, подож...

На краю зрения что-то вспыхнуло. Я развернулся, как раз когда на меня налетел каракури, распялив все восемь рук. В

этот раз никакой растерянной запинки, мехкукла пришла в себя и работала на полную мощность. Я убрал голову как раз вовремя, чтобы избежать серпа верхней конечности, и нажал на спусковой крючок осколочного бластера в упор. Выстрел отшвырнул развалившегося каракури с раскрошенной нижней частью. Я на всякий случай добил его верхнюю часть, затем повернулся и обошелдохлый остов пушки-скорпиона, крепко сжав «Ронин» в обеих руках.

– Яд, ты где?

– В реке, блин, – краткие, хрустящие взрывы на заднем фоне связи. – Ищи снятый танк и миллион паскудных каракури, которым не терпится его вернуть.

Я побежал.

* * *

По дороге к реке я убил еще четырех каракури – все двигались слишком быстро для поврежденных. Что бы ни достало Сильви, оно не дало ей времени закончить вторжение в их мозги.

По аудиосвязи вскрикнул и выругался Лазло. Похоже, ранение. Ядвига поливала миминтов нескончаемыми оскорблениями, которым аккомпанировал глухой треск ее осколочного бластера.

Я перескочил катящиеся обломки последней мехкуклы и помчался прямо к берегу. На краю прыгнул. Промозглость

ледяной воды на уровне паха и внезапно громкое бурление течения. Мшистые камни под ногами и ощущение, как от горячего пота, в ногах, когда гентех-щетинки инстинктивно попытались зацепиться внутри обуви. Удержать равновесие. Я чуть не упал – чуть. Выгнулся, как дерево на ветру, еле одолел собственную инерцию и остался на ногах по колено в воде. Поискал глазами танк.

Я увидел его ближе к другому берегу, упавшего в быстрый поток примерно метровой глубины. Усиленное зрение показало мне Ядвигу и Лазло, скучковавшихся у подветренной стороны развалины, и каракури, ползающих по берегу, но мнущихся и как будто не веривших, что справятся с течением реки. Парочка запрыгнула на корпус танка, но не удержалась. Ядвига стреляла с одной руки почти вслепую. Второй рукой она обхватила Лазло. На обоих была кровь.

Сотня метров – слишком далеко для эффективной стрельбы из осколочного бластера. Я вошел в реку, пока вода не достала до груди, но по-прежнему был слишком далеко. Поток пытался меня уронить.

– Да твою ж...

Я оттолкнулся и неуклюже поплыл, прижимая одной рукой «Ронин» к груди. Меня тут же потянуло течение.

– Бли-и-ин...

Вода морозила, заткнула легкие, не считаясь с потребностью дышать, кожа на лице и руках онемела. Течение казалось живым существом, настойчиво тянущим за ноги и пле-

чи, пока я барахтался. Вес осколочного бластера и сумки с ультразвуковыми минами пытался утянуть меня на дно.

И утянул.

Я замолотил руками по поверхности реки, хватая ртом воздух, но не успел вздохнуть, как опять ушел с головой.

Возьми себя в руки, Ковач.

Думай.

Возьми себя, твою мать, в руки.

Я рванулся к поверхности, заставил себя всплыть и наполнил легкие. Бросил взгляд на стремительно удаляющуюся развалину танка-паука. Затем позволил себя утащить вниз, потянулся ко дну и схватился.

Щетинки зацепились. Я нашел опору ногами, закрепился и пополз против течения по дну.

Это занимало больше времени, чем хотелось бы.

Местами камни, за которые я хватался, были мелкими или незакрепленными, и они выворачивались из ила. В других местах не нащупывали опору ботинки. Каждый раз я терял секунды и метры, уносился назад. Раз чуть не лишился осколочного бластера. Несмотря на анаэробное улучшение, каждые три-четыре минуты я всплывал за воздухом.

Но добрался.

Через целую вечность хватания и скалолазания в кусачем, злом холоде я встал в воде по пояс, выбрел на берег и вылез из реки, тяжело дыша и отряхиваясь. Пару мгновений я мог

только стоять на коленях и кашлять.

Растущий гул машины.

Я с трудом вскочил на ноги, пытаюсь хоть как-то удержать осколочный бластер в трясущихся руках. Зубы стучали, будто жевательные мышцы закоротило.

– Микки.

Орр, верхом на одном из жуков, с собственным длинноствольным «Ронином» в поднятой руке. Голый по пояс, с еще не заросшими раструбами от выстрелов на правой стороне груди, вокруг которых дрожал от жара воздух. На лице – остатки стелс-полимера и как будто горелой пыли. Из порезов от ударов каракури на груди и левой руке несильно текла кровь.

Он остановил жука и в шоке уставился на меня.

– Какого хрена с тобой случилось? Я тебя везде обыскался.

– Я, я, я, кара, кара, кара...

Он кивнул.

– Разобрались. Яд и Ки подчищают. Пауки тоже готовы, оба.

– А С-с-с-ильви?

Он отвернулся.

Глава десятая

– Как она?

Киёка пожала плечами. Натянула согревающее одеяло до шеи Сильви и стерла биосалфеткой пот с лица командной головы.

– Трудно сказать. Жар сильный, но после такой встречи это дело обычное. Больше меня беспокоит вот что.

Большой палец ткнул в медицинские мониторы у койки. На одном из приборов поднималось инфополе голо-дисплея, пронизанное фиолетовыми цветами и движением. В одном углу узнавалась грубая схема электрической активности человеческого мозга.

– Это командный софт?

– Да, – Киёка показала на экран. У кончика ее пальца бесились алый, оранжевый и ярко-серый цвета. – Это основная сцепка мозга с командной сетью. А также это место, где сидит система аварийной расцепки.

Я посмотрел на разноцветное мельтешение.

– Много активности.

– Да, слишком. После дела эта зона должна быть черной или синей. Система накачивает анальгетики, чтобы снизить отек в нервных путях, и сцепка на время практически отключается. Обычно Сильви просто спит и встает как новенькая. Но это, – она пожала плечами. – Ничего подобного я раньше

не видела.

Я сел на краю кровати и всмотрелся в лицо командной головы. В баббл-тенге было тепло, но я все еще чувствовал холод в костях после реки.

– Что сегодня пошло не так, Ки?

Она покачала головой.

– Не знаю. Если попытаться угадать – наверно, мы наткнулись на антивирь, который уже знал наши системы проникновения.

– В софте трехсотлетней давности? Да ладно.

– Сама понимаю.

– Говорят, они эволюционируют, – в дверях стоял Лазло, с бледным лицом, перевязанной рукой там, где его до кости порезал каракури. За ним склонялся к темноте день Нового Хока. – Пошли вразнос. Мы же здесь как раз из-за этого. Чтобы положить этому конец. Понимаешь, у правительства был совершенно секретный проект по выведению ИскИна...

Киёка зашипела сквозь зубы.

– Не сейчас, Лаз. Чтоб тебя. Не кажется, что нам и так есть из-за чего переживать?

– ...и он вышел из-под контроля. *Вот* о чем надо переживать, Ки. Сейчас. – Лазло вошел в баббл, показывая на инфополе. – Это софт из черной клиники, и он разъест Сильви мозг, если мы не найдем к нему чертеж. А это так себе новости, потому что создатели – *аж в сраном Миллспорте*.

– А ты, – заорала Киёка, – *несешь бред!*

– Хой! – к моему удивлению, они оба заткнулись и посмотрели на меня. – Э-э, слушайте. Лаз. Я не представляю, чтобы даже эволюционировавшее ПО так легко узнало именно нашу систему. В смысле, какова вероятность?

– Потому что это *одни и те же люди*, Мик. Ну подумай. Кто пишет для деКома? Кто разработал всю программу деКома? И кто по самое не балуй влез в разработку тайного черного нанотеха? Гребаная администрация Мексека, вот кто, – Лазло развел руками, устало взглянул на меня. – Знаешь, сколько было рапортов, сколько я знаю людей, со сколькими лично говорил, кто видел миминтов, для которых в архиве нет никаких описаний? Весь этот континент – эксперимент, чувак, а люди в нем – крысы. И наш шкипер заблудилась в лабиринте.

Еще движение у дверей – Опп и Ядвига пришли посмотреть, что у нас за крики. Великан покачал головой.

– Лаз, тебе реально пора купить себе черепашую ферму в Ньюпесте, о которой ты рассказывал. Забаррикадируйся и разговаривай с яйцами.

– Иди в жопу, Опп.

– Сам иди, Лаз. Это же серьезно.

– Она не лучше, Ки? – Ядвига подошла к монитору и положила руку на плечо Киёки. Как и моя, ее новая оболочка росла на стандартной харланской основе. Смешанное славянское и японское происхождение обусловило дико прекрасные скулы, веко-носовые складки у бледно-нефритовых глаз

и широкий разрез рта. Требования боевого биотеха придали телу спортивное и мускулистое сложение, но оригинальные гены сделали его на удивление изящным. Цвет кожи – коричневый, но выцветший из-за резервуара и пяти недель паршивой погоды Нового Хока.

Смотреть, как она пересекает комнату, было почти как пройти мимо зеркала. Мы были как брат и сестра. Физически мы и *были* братом и сестрой – банк клонов в бункере состоял из пяти разных модулей, в каждом из одного генетического стебля росло с десятков оболочек. Сильви оказалось проще всего раскочегарить один модуль.

Киёка подняла руку и взяла новые длинные пальцы Яд-виги, но это движение было нарочитым, почти неохотным. Стандартная проблема с переоблачениями. Феромоновый букет каждый раз другой, а подавляющее большинство отношений, основанных на сексе, строятся на этом.

– Ей конец, Яд. Я ничего не могу поделать. Даже не знаю, с чего начать, – Киёка снова показала на инфополе. – Просто не понимаю, что там творится.

Молчание. Все смотрели на цветную бурю.

– Ки, – я замялся, взвешивая идею. Месяц совместного деКома помог мне частично влиться в команду, но Опп по-прежнему видел во мне чужака. У остальных все зависело от настроения. Лазло, обычно легкий в общении, был склонен к внезапным приступам паранойи, из-за которой мое неизвестное прошлое вдруг казалось ему таинственным и злове-

щим. С Ядвигой отношения наладились лучше, но во многом наверняка из-за генетического сходства оболочек. А Киёка по утрам иногда была настоящей стервой. Я действительно не знал, как они все отреагируют. – Слушай, а можно как-то запустить расцепку?

– *Чего?* – Опп, предсказуемо.

Вид у Киёки был невеселый.

– У меня есть вещества, которые могут сработать, но...

– *Даже не смей отключать ее волосы.*

Я встал с кровати и повернулся к великану.

– А если то, что в них, ее убьет? Лучше, чтобы она была длинноволосая и мертвая?

– Заткни свое гнилое хлe...

– Опп, он в чем-то прав, – между нами мягко вклинилась Ядвига. – Если Сильви что-то подцепила с кооператива и ее собственный антивирус не справляется, то для того и нужна расцепка, правильно?

Лазло энергично закивал.

– Может, это ее единственная надежда.

– С ней уже такое было, – упрямо сказал Опп. – В тот раз в каньоне Иямон в прошлом году. Она отключилась на несколько часов, температура крышу пробивала, а потом встала как *прежняя*.

Я заметил, как они переглянулись. *Нет. Не совсем как прежняя.*

– Если я активирую расцепку, – сказала Киёка медленно, –

не знаю, чем для нее это обернется. Что бы там ни творилось, она целиком в процессе взаимодействия с командным ПО. Вот откуда жар – она должна отключить связь, но не отключает.

– Да. И это не просто так, – Орт обвел нас огненным взглядом. – Она боец, нахер, и она все еще там, все еще борется. Хотела бы отцепиться – уже сама бы это сделала.

– Ага, а может, то, с чем она борется, ей не позволяет, – я обернулся к кровати. – Ки, она же сохранена, да? Память никак не связана с командным софтом?

– Да, есть буфер безопасности.

– И пока она в таком состоянии, обновление памяти отключено, да?

– Э-э, да, но...

– Тогда, если даже расцепка ей навредит, на стеке она будет целой и невредимой. Какой у вас цикл обновлений?

Снова обмен взглядами. Киёка нахмурилась.

– Не знаю, что-то вроде стандартного, наверное. Скажем, каждую пару минут.

– Ну...

– Да, тебе-то это в кайф, мистер, блин, Судьба, – Орт ткнул в мою сторону пальцем. – Вырубить тело, вырезать жизнь своим ножичком. Сколько гребаных стеков памяти ты уже с собой таскаешь? На хрена они тебе? Куда ты их все денешь?

– Вопрос не в этом, – сказал я мягко. – Я только говорю,

что если расцепка повредит Сильви, то мы сможем спасти память до обновления, а потом вернуться в бункер и...

Он качнулся ко мне.

– *Ты ж ее убить хочешь.*

Его оттолкнула Ядвига.

– Он ее хочет спасти, Опп.

– А как насчет копии, которая живет и дышит прямо здесь и сейчас? Перережешь ей горло *просто потому, что у нее повреждение мозга, а у нас имеется копия получше?* Как поступил со всеми остальными, которых ты не хочешь обсуждать?

Я увидел, как Лазло моргнул и взглянул на меня с новым подозрением. Я обреченно поднял руки.

– Ладно, забудьте. Поступайте, как знаете – я только отрабатываю новую оболочку.

– Мы все равно не можем, Мик, – Киёка опять вытирала лоб Сильви. – Если повреждение слабое, нам понадобится больше пары минут, чтобы его заметить, а тогда уже будет слишком поздно, и оно загрузится в память.

«*Эту оболочку все равно можно просто убить, – не сказал я. – Обойдитесь малой кровью, перережьте горло сразу и извлеките стек...*»

Я посмотрел на Сильви и закусил язык. Как смотреть на родственный клон-оболочку Ядвиги – словно зеркало, где меня застало врасплох промелькнувшее отражение.

Может, Опп и прав.

– Одно ясно, – сказала Ядвига мрачно. – В таком состоянии нам здесь оставаться нельзя. Без Сильви у нас в Нечистой шансов выжить не больше, чем у кучки мальков. Нужно вернуть ее в Драву.

Снова тишина – все обрабатывали эту мысль.

– Ее можно передвигать? – спросил я.

Киёка скривилась.

– Придется. Яд права, нельзя рисковать и задерживаться здесь. Нужно отступить, и самое позднее – завтра утром.

– Да, и нам бы не помешало прикрытие, – пробормотал Лазло. – Все лучше, чем шестьсот километров до Дравы, не зная, на что напорешься. Яд, какие шансы найти друзей на обратный путь? Сам знаю, что это риск.

Ядвига медленно кивнула.

– Но он наверняка того стоит.

– Придется сидеть всю ночь, – сказал Лазло. – Есть мет?

– А Мици Харлан натуралка?

Она снова коснулась плеча Киёки – робкая ласка на полпути превратилась в деловое похлопывание – и ушла. За ней последовал Лазло, кинув на меня через плечо задумчивый взгляд. Орт стоял над Сильви, сложив руки на груди.

– Даже не думай ее трогать, – предупредил он меня.

* * *

Из относительной безопасности куэллистского поста про-

слушивания Ядвига и Лазло весь остаток ночи сканировали каналы, выискивая в Нечистой признаки дружелюбной жизни. Они прощупывали континент деликатными электронными усиками, сидели без сна и на веществах в свечении портативных экранов, высматривали сигналы. Мне, наблюдавшему со стороны, это сильно напоминало охоту на подводные лодки, как в старых экспериях с Аленом Мариоттом, вроде «Полярной схватки» и «Глубокой погони». Из-за природы работы деКомовцам нечасто требовалась связь на дальних дистанциях. Слишком высок риск, что перехватит артиллерийская система миминтов или свора каракури-мародеров. Электронные передачи урезались до абсолютно минимального диаметра пробоя, обычно чтобы зарегистрировать добычу. Все остальное время команды в основном молчали.

В основном.

Но опытным взглядом вокруг членов любой команды можно было заметить шепот локального сетевого трафика, робкие признаки электронной активности, которые деКомовцы носили с собой, как запах сигарет на одежде курильщика. Еще более опытным взглядом можно было отличить его от следов миминтов, а с правильными кодами – начать переговоры. Они просидели до самого рассвета, но в итоге Яд и Лазло умудрились связаться с тремя другими командами деКома, которые работали в Нечистой между нашей позицией и плацдармом в Драве. Между ними запели туда-сюда закодированные сообщения-пробои, чтобы устано-

вить личность и условия, и Ядвига откинулась с широкой тетраметовой улыбкой на лице.

– Имей сто друзей, – сказала она мне.

После краткого объяснения все три команды согласились, хотя и с разной степенью энтузиазма, прикрыть наш отход в пределах собственного операционного радиуса. Проявлять подобную щедрость – негласное правило поведения деКомовцев в Нечистой, ведь не знаешь, когда помощь понадобится тебе, но из-за соревновательного духа ремесла и конкурентной отчужденности согласие было неохотным. Позиции первых двух команд вынудили нас идти долгими крюками, и обе ворчливо отказались встречать нас или сопровождать на юг. С третьими повезло. Оиси Эминеску стоял лагерем в 250 километрах к северо-западу от Дравы с девятью тяжеловооруженными коллегами. Он тут же предложил выдвинуться навстречу и перехватить нас у радиуса прикрытия предыдущей команды, а затем довести до самого плацдарма.

* * *

– Сказать по правде, – говорил он мне, пока мы стояли посреди его стоянки и наблюдали, как из очередного усеченного зимнего дня вытекает солнечный свет, – нам самим не помешает передышка. Каша все еще не оправилась от всплеска на том форс-мажоре, с которым мы работали в Драве в ночь перед тем, как вы приехали. Она говорит, что в порядке, но

когда мы на задании, прошивкой чувствуется, что не очень. И остальные тоже устали. Плюс за последний месяц мы сделали три кластера и двадцать с чем-то автономных юнитов. С нас пока хватит. Незачем испытывать удачу.

– Как-то чересчур рационально.

Он рассмеялся.

– Не суди нас по стандартам Сильви. Не все такие фанатики.

– Я думал, это само собой разумеется. Декомиссовать по максимуму, и все дела.

– Да, есть такое, – ироничная мина. – Так рекламируют мальчикам, ну и потом, да, софт – он естественным образом склоняет к избыточной работе. Отсюда и статистика жертв. Но в конце концов это всего лишь софт. Всего лишь прошивка, сам. Если подчиняться прошивке – что ты тогда за человек?

Я всмотрелся в темнеющий горизонт.

– Не знаю.

– Надо быть умнее, сам. Надо. Она тебя прикончит, если не будешь умнее.

В сгущающихся сумерках на другой стороне баббл-тента кто-то прошел и крикнул что-то на стрип-япе. Оиси улыбнулся и крикнул в ответ. Между ними прокатился смех. Позади я почувствовал запах древесного дыма – кто-то разжег костер. Это был стандартный деКомовский лагерь – временная надутая и затвердевшая баббл-ткань из запасов, которая

так же быстро растворится, когда придет время выдвигаться. Не считая случайных ночевок в заброшенных зданиях вроде куэллистского поста прослушивания, я жил с командой Сильви в похожих условиях большую часть последних пяти недель. И все же Оиси Эминеску излучал расслабленное тепло, чем отличался от большинства деКомовцев, с которыми я до этого сталкивался. Он был без обычного конкурентного оскала.

– Давно этим занимаешься? – спросил я его.

– О, порядочно. Дольше, чем хотелось бы, но... – пожал плечами. Я кивнул.

– Но платят. Да?

Он кисло улыбнулся.

– Да. У меня младший брат учится на технаря по марсианским артефактам в Миллспорте, обоим родителям нужны новые оболочки, а денег нет. У нас сейчас такая экономика, что никакая другая работа не покроет расходы. А Мексек так обкорнал образование и пенсионную систему оболочек, что если не платишь, то так и сидишь.

– Да, с тех пор как я здесь был в последний раз, настала полная задница.

– Давно не был, а? – он не давил, в отличие от Плекса. Старомодная харлановская вежливость – он, видимо, решил, что если бы я хотел ему сказать, что отлеживал срок, то я сам бы к этому пришел. А если бы не хотел – ну, это все равно не его дело.

– Да, лет тридцать, сорок. Много перемен.

Он снова пожал плечами.

– К этому шло еще раньше. Все, что куэллисты выжали из первоначального режима Харлана, эти ребята урезали с самого начала. Мексек – просто очередной сменщик на посту.

– *Этого врага убить нельзя*, – пробормотал я. Он кивнул и закончил цитату:

– *Только загнать, побитого, в пучину, и учить детей, чтобы они следили за волнами в ожидании его возвращения.*

– Видать, кто-то невнимательно следил за волнами.

– Не в этом дело, Микки, – он смотрел на слабеющий свет на западе, сложив руки. – Просто с ее времен многое изменилось. Какой смысл свергать режим Первых Семей, здесь или еще где, если просто придет Протекторат и за все твои старания спустит на тебя чрезвычайных посланников?

– Что-то в этом есть.

Он снова усмехнулся, на этот раз без горечи.

– Сам, не *что-то*. А все. Это единственная и главная разница между сейчас и тогда. Если бы Корпус посланников существовал во времена Отчуждения, куэллизм бы не протянул дольше шести месяцев. С этими гадами сражаться невозможно.

– Они проиграли в Инненине.

– Ага, и часто они с тех пор проигрывали? Инненин – случайный сбой, глюк в системе, не более.

С ревом пронеслось воспоминание. *Джимми де Сото*

кричит и царапает остатки лица пальцами, которые уже выдрали один глаз и доберутся до второго, если я не...

Я это заблокировал.

Случайный сбой. Глюк в системе.

– Может, ты прав.

– Может, да, – тихо согласился он.

После этого мы еще молча постояли, наблюдая за приходом тьмы. Небо достаточно расчистилось, чтобы показалась убывающая Дайкоку, насаженная на северные горы, и полная, но далекая Мариканон, словно медная монета, подброшенная над нашими головами. Распухший Хотей все еще скрывался за горизонтом на западе. Позади разгорелся костер. Наши тени в мечущемся красном свечении стали плотнее.

Когда стало слишком жарко, чтобы стоять рядом, Оиси ушел под вежливым предлогом. Я потерпел жар на спине еще минуту, затем повернулся и заморгал на пламя. С другой стороны присела пара людей из команды Оиси погреть руки. Дрожащие, нечеткие фигуры в жарком воздухе и тьме. Тихие голоса. Никто не смотрел на меня. Было непонятно, то ли это старомодные приличия, как у Оиси, то ли обычная деКомовская групповщина.

Какого хрена ты тут делаешь, Ковач?

Вечно эти простые вопросы.

Я оставил костер и прошел между баббл-тентами туда, где мы поставили три своих – дипломатично в стороне от Оиси.

Легкий холод на лице и руках, когда кожа заметила внезапное отсутствие тепла. Бабблы под лунным свечением казались боттлбэками в море травы. Когда я дошел до того, где лежала Сильви, заметил из-за закрытого полога яркий свет. Остальные были темными. Рядом на свои парковочные стойки опирались под углом два жука, торча рулевым управлением и оружейными держателями в небо. Третьего не было.

Я коснулся панели звонка, поднял полог и вошел. У одной стены на спутанном постельном белье отскочили друг от друга Ядвига и Киёка. Напротив них у приглушенного иллюминационного ночника лежала трупом Сильви в спальном мешке, с аккуратно отчесанными с лица волосами. У ее ног светился портативный обогреватель. Больше никого в баббл-тенге не было.

– Где Опп?

– Не здесь, – Яд сердито поправила одежду. – Мог бы додуматься постучать, Микки.

– Так я постучал.

– Ну тогда мог бы постучать и *подождать*.

– Прости, я не подумал. Так где Опп?

Киёка махнула рукой.

– Уехал на жуке с Лазло. Вызвались патрулировать периметр. Мы решили проявить благодарность. Эти люди завтра вернут нас домой.

– Тогда почему вы не займете любой другой баббл? Ядвига взглянула на Сильви.

– Потому что здесь тоже кому-то нужно сторожить, – мягко сказала она.

– Я посторожу.

Обе неуверенно посмотрели на меня, потом друг на друга. Потом Киёка покачала головой.

– Нет. Опп нам головы оторвет.

– Оппа здесь нет.

Еще один обмен взглядами. Яд пожала плечами.

– Ладно, нахер, почему бы и нет, – она встала. – Пошли, Ки. Дозор сменится только через четыре часа. Опп ничего и не узнает.

Киёка замялась. Она наклонилась к Сильви и положила ладонь ей на лоб.

– Ну ладно, но если...

– Да-да, я вас позову. Давайте валите.

– Да, Ки, – *пошли*, – изводилась Ядвига у дверей. Когда они выходили, она помедлила и оглянулась на меня. – И, Микки. Я видела, как ты на нее пялишься. Руками не трогать, а? Сегодня без запретных плодов. Не лезь к чужому.

Я усмехнулся в ответ.

– Слушай, отсоси, Яд.

– Ага, мечтай-мечтай.

Киёка проговорила одними губами более традиционное «спасибо», и они ушли. Я сел рядом с Сильви и в тишине посмотрел на нее. Через какое-то время погладил ей лоб, повторяя жест Киёки. Она не пошевелилась. Кожа была горя-

чей и сухой, как бумага.

– Давай, Сильви. Очнись.

Нет ответа.

Я убрал руку и снова посмотрел на нее.

Какого хрена ты тут делаешь, Ковач?

Она не Сара. Сары нет. Какого хрена ты...

Ох, заткнись.

Как будто у меня есть выбор, а?

Пришли воспоминания о последних минутах в «Токийском вороне» и уничтожили эти мысли. Безопасность столика с Плексом, уютная анонимность и обещание билета на завтрашний рейс – я помнил, как встал и ушел от всего этого, словно влекомый песней сирен. С головой в кровь и ярость драки.

Если задуматься, этот момент был так перегружен различными путями переменчивой судьбы, что должен был скрипнуть, когда я через него прошел.

Но, если задуматься, они все такие.

Надо сказать, нравишься ты мне, Микки. Ее голос, заплетающийся язык от ранних часов и наркотиков. Где-то за окнами квартиры к нам подкрадывается утро. *Пальцем бы показать не смогла. Но все-таки. Нравишься.*

Это мило.

Но этого мало.

Слегка чесались ладони и пальцы, генетически запрограммированные тосковать по грубой поверхности, чтобы

хвататься и лезть. Я это уже давно заметил за оболочкой; это приходило и уходило, но в основном проявлялось во время стресса и бездеятельности. Забываемое раздражение, обычные минусы загрузки. Даже у новеньких оболочек-клонов есть свой багаж. Я пару раз сжал кулаки, сунул руку в карман и нашел стеки памяти. Они скользко стукнули в пальцах, собрались в ладони мягким весом ценных технических компонентов. Теперь в коллекцию добавились Юкио Хираюсу и его бандит.

Во время слегка маниакального пути поиска и уничтожения, который мы прорезали за последний месяц по Нечистой, я нашел время отчистить свои трофеи химикатами и скребком для схем. Когда я раскрыл ладонь под иллиуминиевым светом, они блеснули – от кости и спинной ткани не осталось и следа. Шесть блестящих металлических цилиндров, словно нарезанные лазером дольки тонкого пишущего прибора, их совершенство портил только короткий ежик микроджеков с одного конца. Стек Юкио выделялся среди других – ровно посередине его огибала желтая полоска с кодом производителя железа. Дизайнерская сборка. Как же иначе.

Остальные, включая бойца якудза, были стандартными госпродуктами. Без видимой маркировки, так что я аккуратно обернул яка черной изолентой, чтобы отличать от тех, кого я забрал в цитадели. Я не хотел их путать. Может быть, у него и нет той же товарной ценности, что у Юкио, но я

не видел смысла обречь обычного гангстера на то, что уготовил священникам. Я еще не знал, что с ним сделаю, но в последний миг что-то внутри меня поднялось против моего же предыдущего предложения Сильви выкинуть его в море Андраши.

Я вернул его с Юкио в карман, посмотрел на остальные четыре на ладони и задумался.

Что, этого хватит?

Когда-то на другой планете, у звезды, которой не разглядишь с Харлана, я встретил человека, который зарабатывал торговлей стеками памяти. Он покупал и продавал их на развес, отмеряя хранящиеся внутри жизни, как горстки специй или полудрагоценных камней, – местные политические условия сделали этот бизнес очень прибыльным. Чтобы распухать конкурентов, он изображал из себя местную версию воплощения Смерти, и, хотя он отчаянно переигрывал, воспоминание осталось со мной.

Интересно, что бы он подумал, если бы сейчас меня увидел.

Что, хватит?..

На моей руке сомкнулась ладонь.

Шок потряхнул меня, как разряд тока. Кулак сжался на стеках. Я уставился на женщину передо мной, теперь привставшую в спальнике на локте, с отчаянием, перебирающим мускулы на ее лице. В ее глазах не было узнавания. Хватка была, как у машины.

– Ты, – сказала она на японском и закашлялась. – Помоги мне. *Помоги.*

Это был не ее голос.

Глава одиннадцатая

Когда мы добрались до холмов с видом на Драву, пошел снег. Время от времени заметные шквалы, между ними – вечный кусачий холод. Улицы и крыши зданий в городе припорошило, словно отравой от насекомых, а с востока валила толстая туча, будто бы обещающая добавку. По одному из общих каналов проправительственный пропагандный дрон грозил предупреждениями о микро-метели и винил в плохой погоде куэллистов. Когда мы спустились в город и на разбомбленные улицы, всюду обнаружили иней, а лужи с дождевой водой уже подернул лед. Вместе со снежинками на землю опускалась жуткая тишина.

– С Рождеством, ёпта, – пробормотал один из команды Оиси.

Смех, но безрадостный. Тишина слишком давила, тощие кости Дравы под саваном снега – удручали.

Мы прошли мимо недавно установленной охранной системы. Ответ Курумаи на вторжение кооператива шесть недель назад – простое автоматическое оружие куда ниже порога искусственного интеллекта, разрешенного уставом де-Кома. И все же Сильви вздрагивала, когда Орт пролетал на жуке мимо присевших роботов, а когда один из них слегка привстал, второй раз с тихим чириканьем проверяя наши метки, она отвернула свой пустой взгляд и спрятала лицо за

плечом великана.

Когда она очнулась, жар не спал. Только отошел, как отлив, обнажив ее и оставив в поту. И затаился на дальнем краю, почти неслышный; все еще было видно, что об нее по-прежнему бьются волны. Все еще можно было представить тихий рев, который по-прежнему шумел в венах ее висков.

Еще ничего не конечно. И не близко.

Вниз, по спутанным, заброшенным улицам города. У плацдарма обостренные чувства моей новой оболочки уловили за холодом слабый запах моря. Смесь соли и различных органических следов, вездесущий привкус белаводорослей и острая пластмассовая вонь разлитой по поверхности устья химии. Я впервые осознал, насколько была урезана синтетическая обонятельная система – на пути из Текитомуры я ничего этого не заметил.

Оборона базы при нашем приближении зашевелилась. Блоки-пауки тяжело расползлись; живая колючка раздвинулась. Когда мы проезжали, Сильви втянула голову и мелко задрожала. Даже волосы как будто пытались врасти в череп.

«Переоблечение, – предположил медик из команды Оиси, прищуриваясь в томографический прибор, пока Сильви нетерпеливо лежала под сканером. – Ты еще не выбралась. Я бы посоветовал пару месяцев лежащего отдыха в каких-нибудь теплых и цивилизованных краях. Тот же Миллспорт. Ложись в прошивочную клинику, прогни полную проверку».

Она закипела. Пару месяцев? Сраный Миллспорт?

ДеКомовец безразлично пожал плечами.

«Или опять отрубись. Как минимум надо вернуться в Текитомуру и провериться на вирусы. В таком состоянии дальше оставаться в игре нельзя».

Остальные Сачки согласились. Несмотря на внезапное пробуждение Сильви, мы возвращаемся.

«Прожжем накопленный кредит, – улыбалась Ядвига. – Туса до утра. Ночная Тека – мы идем».

Ворота базы заползли перед нами наверх, и мы проехали на базу. В сравнении с последним разом, когда я ее видел, она казалась почти опустошенной. Между баббл-тентами бродили несколько фигур, таская на тележках оборудование. Слишком холодно для чего-то другого. На мачтах связи под ударами ветра и снега бешено полоскалась пара змеев наблюдения. Казалось, все остальное убрали в ожидании метели. Над верхушками бабблов высилась заснеженная надстройка большого хOVERлодера в доке, но краны над ней были неподвижны. В лагере стояло нежилье ощущение зимовки.

– Лучше сразу поговорить с Курумаей, – сказал Оиси, спешившись с собственного помятого одиночного жука, когда ворота опустились. Он оглядел свою команду и нашу. – Спрошу про койки. Предполагаю, свободных будет немного. Сомневаюсь, что прибывшие сегодня получат назначение до того, как прояснится. Сильви?

Сильви закуталась в куртку. Лицо у нее было изможден-

ное. С Курумаей ей разговаривать не хотелось.

– Я схожу, шкипер, – вызвался Лазло. Он неловко облокотился на мое плечо здоровой рукой и спрыгнул с нашего жука. Под его ногами хрустнул примороженный снег. – А остальные пока добудьте кофе.

– Отлично, – сказала Ядвига. – Только смотри, чтобы старик Сиг тебя не запугал, Лаз. Если ему не понравится наша история – может гулять на фиг.

– Ага, так ему и скажу, – Лазло закатил глаза. – Или нет. Эй, Микки, не хочешь присоединиться, побудешь моральной поддержкой?

Я моргнул.

– Э-э, да. Конечно. Ки, Яд? Кто-нибудь из вас возьмет жука?

Киёка соскользнула с пассажирского сиденья и легко подскочила к жуку. Лазло присоединился к Оиси и оглянулся на меня. Показал головой в центр лагеря.

– Ну пошли. Раньше начнем, раньше закончим.

* * *

Курумая – пожалуй, предсказуемо, – был не очень рад видеть членов команды Сильви. Нам вдвоем пришлось ждать в неотапливаемой внешней комнате командного бабблa, пока он занимался Оиси и расквартировывал его людей. Вдоль перегородок стопками стояли дешевые пластиковые стулья,

а на экране в углу без звука мелькали мировые новости. На низком столике светилось инфополе с открытым доступом для любителей подробностей и пепельница для идиотов. Наше дыхание слабо клубилось на воздухе.

– И о чем ты хотел со мной поговорить? – спросил я Лазло и дыхнул себе на руки.

– Чего?

– Колись. Моральная поддержка тебе нужна не больше, чем Яд и Ки – хрен. Что у тебя?

На его лице появилась улыбка.

– Ну, знаешь, я про этих двух давно уже сомневаюсь. Аж ночами не сплю.

– Лаз.

– Ладно-ладно, – он оперся на стул здоровым локтем, закинул ноги на низкий столик. – Ты был с ней, когда она очнулась, да?

– Да.

– Что она тебе сказала? На самом деле.

Я повернулся к нему всем телом.

– Как я вчера ночью и рассказал. Ничего внятного. Простила о помощи. Звала людей, которых там не было. Чепуха. В основном бредила.

– Ага, – он раскрыл ладонь и изучил ее с таким видом, будто это какая-то карта. – Понимаешь, Микки, я водомерка. Ведущий водомерка. Я выживаю, потому что все вижу краем глаза. И сейчас я краем глаза заметил, что ты смотришь на

Сильви не так, как раньше.

– Неужели? – мой тон остался разговорным.

– Ужели. До прошлого вечера ты смотрел на нее так, будто ты голодный, а она вкусная. А теперь, – он посмотрел мне в глаза, – ты что-то потерял аппетит.

– Ей нехорошо, Лаз. Больные меня не привлекают. Он покачал головой.

– Не сканируется. Она была больной с самого случая на poste прослушки, а голод у тебя не унимался. Может, утих, но оставался. А теперь ты смотришь на нее так, словно чего-то ждешь.словно она бомба какая-то.

– Я за нее переживаю. Как и все.

А под словами, словно термоклин, протекла мысль. *«Значит, ты выживаешь, потому что хорошо видишь, Лаз? Чтобы ты знал, если об этом говорить, то можно и погибнуть. В других обстоятельствах со мной ты был бы уже мертв».*

Мы посидели бок о бок в коротком молчании. Он кивнул.

– Значит, не расскажешь, а?

– Нечего рассказывать, Лаз.

Опять тишина. На экране разворачивались последние новости. Несчастный случай со смертельным исходом (и восстановлением по стеку) какого-то второстепенного наследника Харланов в районе верфей Миллспорта, растущий ураган в Кошутском заливе, Мексек к концу года секвестрирует расходы на здравоохранение.

– Слушай, Микки, – Лазло помялся. – Я не говорю, что доверяю тебе, – потому что не доверяю. Но я не Опп. Я не ревную из-за Сильви. Для меня она, понимаешь, просто шкипер, и все. И ее я тебе доверяю.

– Спасибо, – сухо ответил я. – И чем я заслужил эту честь?

– А, ну она рассказала, как вы познакомились. Про Бородатых, и все дела. Достаточно, чтобы догадаться...

Дверь сложилась, и показался Оиси. Он улыбнулся и ткнул большим пальцем туда, откуда пришел.

– Он весь ваш. Встретимся в баре.

Мы зашли. Я так и не узнал, о чем догадался Лазло или как далеко от правды он был.

Сигео Курумая сидел за столом. Он смотрел, как мы входим, не поднявшись, с нечитаемым лицом и таким застывшим телом, что передавали его злость похлеще, чем крик. Старая школа. Голо за спиной создавала иллюзию алькова, где вокруг едва видимой спирали ползали тени и лунный свет. На столе у его локтя простаивало инфополе, бросая бурные узоры цветного света на чистую рабочую поверхность.

– Осима больна? – спросил он без эмоций.

– Да, что-то подцепила у кооперативного кластера на высокогорье, – Лазло почесал за ухом и оглядел пустое помещение. – А у вас все тихо, да? Закрылись на микро-метель?

– Высокогорье. – Курумая было не сбить с мысли. – Почти в семистах километрах к северу от места, где вы согласи-

лись работать. Где вы должны были заниматься расчисткой по *контракту*.

Лазло пожал плечами.

– Ну, слушай, так уж шкипер решила. Ты пойми...

– У вас был контракт. И куда важнее – обязательства. Вы должны гири базе и мне.

– Мы были под огнем, Курумая-сан, – ложь далась легко, как всем посланникам. Нахлынуло удовольствие, когда в дело вступил навык доминирования – давно я к нему не прибегал. – После засады в храме наш командный софт оказался скомпрометирован, мы понесли тяжелый органический ущерб – я и еще один член команды. Мы действовали вслепую.

После моих слов зазвенела тишина. Позади порывался что-то сказать Лазло. Я пригвоздил его предупреждающим взглядом, и он закрыл рот. Глаза командира плацдарма бегали между нами, наконец остановились на моем лице.

– Ты Судьба?

– Да.

– Новобранец. Ты теперь переговорщик?

Отметить болевую точку – и не останавливаться.

– Я в этих обстоятельствах тоже должен гири, Курумая-сан. Без помощи моих напарников я бы погиб и был бы расчленен каракури в Драве. Но они меня вынесли и нашли мне новое тело.

– Да. Я вижу, – Курумая кратко глянул на стол, затем сно-

ва на меня. — Хорошо. Пока что ты рассказал мне не больше рапорта вашей команды из Нечистой, а он был чрезвычайно краток. Будь любезен объяснить, почему во время бегства вслепую вы предпочли не возвращаться на базу.

Это уже проще. Мы обсуждали это у костров в Нечистой больше месяца, оттачивая ложь.

— Наши системы полетели, но частично функционировали. Они обозначили активность миминтов, отрезавших пути отхода позади нас.

— А следовательно, угрожавших чистильщикам, которых вы взяли обязательство защищать. И все же вы ничего не предприняли, чтобы помочь им.

— Господи, Сиг, мы же *ослепили* к херам.

Командир базы взглянул на Лазло.

— Я не просил твоей версии событий. Помолчи.

— Но...

— Мы отступили на северо-восток, — сказал я, бросив еще один предупреждающий взгляд на водомерку. — Насколько мы понимали, там была безопасная зона. И мы двигались, пока командный софт не вернулся в строй. К этому времени мы почти покинули город, а я истекал кровью. От Ядвиги остался только стек памяти. По очевидным причинам мы приняли решение войти в Нечистую и найти ранее отмеченный бункер с банком клонов и мощностями для облачения. Как вам известно из рапорта.

— Мы? Ты участвовал в принятии решения?

– Я истекал кровью, – повторил я.

Взгляд Курумай снова опустился.

– Вам будет интересно знать, что после засады, о которой вы сообщаете, в этом районе активности миминтов обнаружено не было.

– Ага, это потому, что мы на них целый дом уронили, – сорвался Лазло. – Раскопайте храм, найдете обломки. Еще пару пришлось вырубать вручную в туннеле на выходе.

И снова Курумая удостоил водомерку холодным взглядом.

– На раскопки не было ни времени, ни возможностей. Дистанционное прощупывание показало в руинах следы техники, но ваш взрыв удобным образом уничтожил бóльшую часть нижнего этажа сооружения. Если там и...

– *Если? Если*, вашу мать?

– ...были миминты, как вы заявляете, от них не осталось и следа. Двое в туннеле были обнаружены и как будто подтверждают историю, которую вы транслировали, когда безопасно переправились в Нечистую. Тем временем, к вашему сведению, чистильщики, которых вы оставили, *нашли* гнезда каракури через несколько часов в двух километрах к западу. Во время подавления погибло двадцать семь человек. Девять из них – настоящей смертью, без возможности восстановления.

– Это трагедия, – сказал я ровно. – Но мы не смогли бы ее предотвратить. Если бы мы вернулись с нашими ранения-

ми и поврежденными командными системами, мы бы только мешали. В данных обстоятельствах мы решили как можно быстрее вернуться к полной оперативной мощности.

– Да. И это тоже было в вашем рапорте.

Несколько секунд он размышлял. Я еще раз взглянул на Лазло на случай, если он снова собирался открыть рот. Курумая поднял глаза на меня.

– Хорошо же. Пока что будете располагаться с командой Эминеску. Я пришлю софт-медика для осмотра Осимы, за что вам предъявят счет. Когда ее состояние будет стабильным, мы проведем полное расследование инцидента в храме, как только позволит погода.

– Что? – Лазло сделал шаг вперед. – Ты думаешь, что мы будем ошиваться тут, пока вы там копаетесь? Ни хрена, блин. Мы уходим. Обратно в Теку прямо на том ховере.

– Лаз...

– Я не *думаю*, что вы останетесь в Драве, нет. Я приказываю. Здесь есть субординация, нравится вам или нет. Если вы попытаетесь сесть на «Рассвет Дайкоку», вас задержат, – Курумая нахмурился. – Я бы не хотел прибегать к таким мерам, но, если вы меня вынудите, я прикажу вас арестовать.

– Арестовать? – пару секунд казалось, будто Лазло никогда не слышал это слово и ждал, когда командная голова его объяснит. – *Арестовать*, на хрен? Мы за последний месяц сняли пять кооперативов, больше десятка автономных миниментов, обезопасили целый бункер с опасным железом – и

это благодарность?

Тут он вскрикнул и отшатнулся, прижимая ладонь к глазу, будто Курумая ткнул его пальцем. Командная голова встал из-за стола. Его голос стал громовым от гнева.

– Нет. Это то, что происходит, когда я больше не доверяю команде, за которую отвечаю. – Он пронзил меня взглядом. – Ты. Судьба. Забери его отсюда и передай мои указания напарникам. Повторять я не собираюсь. На выход, оба.

Лазло все еще держался за глаз. Я положил ему руку на плечо, чтобы вывести, но он зло ее стряхнул. Бормоча под нос, он поднял дрожащий палец на Курумаю, затем как будто передумал и развернулся на каблуке. Мигом выскочил за дверь.

Я последовал за ним. В проеме я оглянулся на командную голову. По его напряженному лицу невозможно было понять эмоции, но мне показалось, что я все равно уловил их привкус: гнев из-за неповиновения, еще больше – сожаление из-за неспособности удержать под контролем и ситуацию, и себя. Отвращение из-за того, во что все вылилось, здесь и сейчас, в командном баббл-тенте, а может, и на всем буйном рынке Инициативы Мексека. А может, отвращение вообще ко всему, куда скатывается чертова планета.

Старая школа.

В баре я купил Лазу выпить и послушал, как он кроет Курумаю матом за его высокомерие, потом пошел искать остальных. Его я оставил в хорошей компании – заведение было забито злыми деКомовцами с «Рассвета Дайкоку», которые громко жаловались на погоду и запрет на операции. Подходящим фоном для нытья был резкий, древний скорострельный джаз, к счастью, лишенный диджейской пропаганды, с которой он стал у меня ассоциироваться за последний месяц. Баббл до краев заполнили дым и шум.

Ядвигу и Киёку я нашел в углу, потерявшихся друг у друга в глазах и в таком разговоре, к которому было неудобно присоединяться. Яд нетерпеливо ответила мне, что Опп остался в жилом баббл-тенте с Сильви, а Оиси где-то тут, может, у стойки, с кем-нибудь там беседует, когда она последний раз его... Короче, где-то там, в направлении ее небрежно отмахнувшейся руки. Я понял многочисленные намеки и оставил их наедине.

На самом деле Оиси не было в направлении, куда махнула Ядвига, но он действительно находился у стойки и болтал с парой деКомовцев, из которых только в одном я узнал его подчиненного. Командная голова поприветствовал меня улыбкой и поднятым стаканом. Голос прорезал царивший шум.

– Попал под раздачу, да?

– Что-то в этом роде, – я поднял руку, чтобы привлечь внимание бармена. – Я так понял, что Сачки Сильви давно уже напрашивались. Тебе взять?

Оиси придирчиво всмотрелся в уровень своего напитка.

– Не, мне нормально. Напрашивались – мягко сказано. Не самые командные игроки в округе, конечно. И все же чаще всех первые в рейтингах. Из-за этого многое сходит с рук, даже у таких, как Курумая.

– Работай на репутацию, потом репутация будет работать на тебя.

– Ага, и кстати о репутации, напомнил. Тут тебя искали.

– М-м? – когда он это говорил, смотрел мне в глаза. Я подавил реакцию и поднял бровь в тон искусно небрежному интересу в голосе. Заказал миллспортский односолодовый у бармена и повернулся к Оиси. – Спросил, кто?

– Разговаривали не со мной, – командная голова кивнул на человека не из его команды. – Это Сими, ведущий водомерка у Перехватчиков. Сими, тот мужик, который расспрашивал про Сильви и ее новобранца, запомнил его имя?

Сими на миг прищурился в сторону, наморщился. Потом его лицо разгладилось, и он щелкнул пальцами.

– Ага, есть. Ковач. Сказал, его звать Ковач.

Глава двенадцатая

Все как будто остановилось.

Словно весь шум в баре вдруг примерз к ушам арктической шугой. Дым не двигался; прижимающиеся к стойке люди казались далекими. Такой шоковой реакции в оболочке «Эйшундо» я еще не испытывал, даже в ближнем бою с минтами. В сонной тишине я видел, как за мной внимательно следит Оиси, и на автопилоте поднял стакан к губам. Односолодовый виски обжег глотку, а когда тепло плеснулось в желудке, мир уже снова ожил так же внезапно, как перед этим замер. Музыка, гвалт, человеческие жернова вокруг.

– Ковач, – сказал я. – Серьезно?

– Знаешь его? – спросил Сими.

– Слышал, – серьезней врать не имело смысла. Особенно при том, как Оиси не спускал глаз с моего лица. Я снова отпил. – Сказал, что ему нужно?

– Не-а, – Сими покачал головой, очевидно, без интереса. – Просто спрашивал, где ты, уехал ли с Сачками. Это было пару дней назад, так что я сказал ему, что да, ты по уши в Нечистой. Ему...

– А он... – я осекся. – Прости, что ты говорил?

– Ему как будто очень не терпелось с тобой поговорить. Убедил кого-то – кажется, Антона с Бандой Черепа, – взять его с собой в Нечистую, поискать. Значит, ты его знаешь, да?

Будут проблемы?

– Возможно, это не тот Ковач, которого знаешь *ты*, – тихо сказал Оиси. – Имя довольно распространенное.

– Есть такое дело, – признался я.

– Но ты сомневаешься?

Я изобразил пожатие плечами.

– Вряд ли. Он ищет меня. Я о нем слышал. Самое вероятное – у нас с ним какие-то дела.

Коллега Оиси и Сими пренебрежительно и пьяно кивнули. Оиси же казался заинтригованным.

– И что ты о нем слышал, об этом Коваче?

В этот раз пожать плечами было проще.

– Ничего хорошего.

– Ага, – энергично поддакнул Сими, – вот именно. Мне показалось, реально суровый психованный засранец.

– Он был один? – спросил я.

– Не, с целой бандой крепких мужиков. Четверо-пятеро. С миллспортским акцентом.

Ну ясно. Значит, это не местные проблемы. Танаседа исполнил свое обещание. *Я выпущу глобальный приказ на вашу поимку.* И они где-то раскопали...

Ты этого не знаешь. Пока не знаешь.

Да ладно. Как иначе. Зачем еще называть имя? Что это за чувство юмора?

Только если...

– Сими, слушай. А меня он по имени не спрашивал? Сими

моргнул.

– Хрен знает, а как тебя зовут?

– Ладно. Забей.

– Он спрашивал про Сильви, – объяснил Оиси. – Ее имя он знал. Похоже, знал и Сачков. Но больше всего интересовался новобранцем, который может быть в команде Сильви. И его имени он уже не знал. Правильно, Сими?

– Как-то так, да, – Сими уставился в пустой стакан. Я махнул бармену и повторил для всех.

– Итак. Миллспортские ребята. Еще видел их поблизости? Сими поджал губы.

– Может, да. Не знаю, я не видел, как уходила Банда Черепа, кого они с собой брали.

– Но это логично, – мягко заметил Оиси. – Если этот Ковач изучил вопрос, он знает, как трудно отследить передвижения в Нечистой. Логично оставить пару ребят на случай, если ты вернешься, – он помолчал, наблюдая за моим лицом. – И послать пробоем сообщение в таком случае.

– Ага, – я осушил стакан, и меня слегка передернуло. Встал. – Похоже, надо поговорить с напарниками. Прошу простить, господа.

Я пробился через толпу, пока опять не вышел к столику Ядвиги и Киёки. Они сплелись в страстном поцелуе, не замечая ничего вокруг. Я сел рядом и постучал Ядвигу по плечу.

– Ну-ка, прекратите. У нас проблемы.

– Ну, – пророкотал Опп, – мне кажется, ты брешь.

– Правда? – я с трудом держал себя в руках, желая просто перейти к убеждению методами посланников на полную мощь, а не доверять принятию решения своим коллегам из деКома. – Мы говорим о якудза.

– Ты ничего не знаешь наверняка.

– А ты сам прикинь. Шесть недель назад мы понесли коллективную ответственность за смерть сына высокопоставленного якудза и двух его помощников. А теперь нас кто-то ищет.

– Нет. Кто-то ищет *тебя*. А ищут ли нас – это еще вопрос.

– Слушайте. Все. – Я пристально оглядел каморку без окон, которую нашли для Сильви. Спартанская площадь на одного, встроенные шкафчики в стенах, стул в углу. Со свернувшейся на койке командной головой и выстроившимися вокруг людьми пространство стало тесным и напряженным. – Они знают Сильви, они связали ее со мной. Приятель Оиси это сказал прямо.

– Чувак, мы вычистили комнату лучше, чем...

– Знаю, Яд, но этого оказалось мало. У них есть свидетели, которые видели нас двоих, может, периферийное видео, может, что-то еще. Суть в том, что я знаю этого Ковача, и поверьте, если мы будем его дожидаться, вы узнаете, что не

важно, меня он ищет, Сильви или нас обоих. Это бывший чрезвычайный посланник. Он уберет всех в этой комнате, просто чтобы не заморачиваться.

Старая страшилка про Корпус – Сильви спала, отключившись из-за восстановительной химии и чистой усталости, а Опп слишком распалился из-за спора, но остальные вздрогнули. Несмотря на броню деКомовской невозмутимости, они росли на жутких байках про Адорасьон и Шарию, как и все остальные. Посланники придут и разорвут твой мир. Конечно, на деле не все так просто: правда куда сложнее и в итоге куда страшнее. Но кому в нашей вселенной нужна правда?

– А может, будем действовать на опережение? – спросила Ядвига. – Найдем шухер Ковача на базе и заткнем их раньше, чем они передадут сигнал.

– Наверное, уже поздно, Яд, – Лазло покачал головой. – Мы здесь уже пару часов. Все, кто хотел про нас знать, уже знают.

Мысль росла, как снежный ком. Я молчал и смотрел, как он катится в нужную мне сторону. Высказалась хмурая Киёка.

– Мы в любом случае не сможем найти этих ублюдков. Миллспортский акцент и морда кирпичом – это же весь здешний планктон. Как минимум придется взломать стек данных плацдарма, а мы... – она показала на свернувшуюся Сильви, – не в состоянии.

– Даже если бы Сильви была онлайн, это было бы непро-

сто, – мрачно отозвался Лазло. – Курумая сейчас так на нас зол, что набросится, даже если мы почистим зубы не с тем напряжением у щетки. Надеюсь, эта штука защищена от взлома.

Он кивнул на компактный резонансный шифратор на стуле. Киёка кивнула в ответ – мне показалось, слегка устало.

– Передовые технологии, Лаз. Seriously. Купила у Рейко перед тем, как мы отбыли. Микки, суть в том, что мы буквально под колпаком. Ты говоришь, за нами идет этот Ковач. Что ты предлагаешь?

Другое дело.

– Предлагаю мне убраться отсюда сегодня ночью на «Расвете Дайкоку», и предлагаю забрать Сильви с собой.

Комнату охватила тишина. Я следил за взглядами, оценивал эмоции, прикидывал, к чему все идет.

Орр размял шею, как фрик-файтер на ринге.

– Ты, – сказал он отчетливо, – можешь пойти в жопу.

– Орр... – начала Киёка.

– Ни хрена, Ки. Ни *хрена* он ее не заберет. Не в мою смену.

Ядвига сощурила глаза.

– А как же мы, Микки? Что делать нам, когда придет злой Ковач?

– Прячьтесь, – ответил я. – Влезайте в долги, скройтесь из виду где-нибудь на хOVERлодере или в Нечистой с чужой командой, если сможете кого-то убедить. Блин, можно даже попроситься, чтобы Курумая вас арестовал, если верите, что

у него вы будете в безопасности.

– Эй, мудила, мы это можем сделать, и не сдавая Сильви те...

– Можете, Опп? – я посмотрел в глаза великану. – *Можете?* Можете умчать в Нечистую с Сильви в таком состоянии? Кто ее потащит? Какая команда? Какая команда может позволить себе балласт?

– Он прав, Опп, – Лазло пожал плечами. – Даже Оиси не вернется туда с мертвым грузом на руках.

Опп огляделся, явно загнанный в угол.

– Спрячем ее здесь, на...

– Опп, ты не слушаешь. Ковач здесь все перевернет, чтобы добраться до нас. *Я его знаю.*

– Курумая...

– Забудь. Если понадобится, он сметет Курумаю, как ангельский огонь. Опп, его остановит только одно – информация, что мы с Сильви давно сбежали. Потому что тогда у него не будет лишнего времени, чтобы просрать его на ваши поиски. Когда мы прибудем в Теку, сделаем так, чтобы новости дошли до Курумаи, и когда Ковач вернется, уже весь плацдарм будет говорить о том, как мы смылись. Этого будет достаточно, чтобы он заскочил на следующий же ховер.

Снова тишина, в этот раз – словно отсчет. Я смотрел, как они сдаются – один за другим.

– Разумно, Опп, – Киёка хлопнула великана по плечу. – Звучит так себе, зато сканируется.

– Так хотя бы выведем шкипера из-под огня.

Орр вскинулся.

– Я ушам своим не верю. Да вы что, не врубаетесь, что он вас *запугивает*?

– Ну, *меня* запугать у него получилось, – обозлился Лазло. – Сильви вышла из строя. Если якудза нанимают убийц из посланников, мы серьезно уступаем.

– Ее нужно сберечь, Орр, – Ядвига так буравила пол взглядом, словно хотела прокопать туннель к спасению. – А здесь у нас ничего не получится.

– Тогда я тоже еду.

– Боюсь, это невозможно, – тихо сказал я. – Думаю, Лазло поможет нам попасть в пусковой отсек спасательного плота, как он поднялся на борт в Теке. Но с твоим железом и источником энергии при проникновении через корпус без допуска ты запустишь все сигнализации на «Рассвете Дайкоку», какие есть.

Это была шальная догадка, прыжок вслепую с насоро возведенных лесов интуиции Корпуса, но, похоже, я попал. Сачки переглянулись, и Лазло наконец кивнул.

– Он прав, Орр. Тебе никак не влезть по-тихому. Великан-стрелок, кажется, очень долго смотрел на меня. Наконец отвернулся – и посмотрел на женщину на койке.

– Если ты причинишь ей хоть какой-то вред...

Я вздохнул.

– Лучший способ причинить ей вред, Орр, – это оставить

ее здесь. А я этого не планирую. Так что побереги гнев для Ковача.

– Да, – сумрачно подтвердила Ядвига. – Это мы гарантируем. Как только Сильви будет онлайн, мы возьмем эту сволочь и...

– Достойно уважения, – согласился я. – Но пока рановато. Спланируете возмездие попозже, ладно? А сейчас сосредоточимся на выживании.

* * *

Конечно, все было не так просто.

Под давлением Лазло признал, что охрана пирсов в Комптё была халатной на грани смехотворности. На базе Дравы, при постоянной угрозе атаки миминтов, доки намертво защиты контрмерами против электронного вторжения.

– Так, – я пытался сохранить терпение и спокойствие. – Значит, ты никогда не лазил в этот самый люк спасплота в Драве?

– Ну, один раз было, – Лазло почесал за ухом. – Но мне малость помогла со взломом Суки Баюк.

Ядвига фыркнула.

– Мелкая лахудра.

– Эй, не завидуй. Она охренительная командная деКомовка. Даже под кайфом вздрючила коды доступа, как...

– Я слышала, в те выходные она дрючила не только коды.

– Блин, только потому, что она не из ваших...

– Она *здесь*? – спросил я громко. – Сейчас, на плацдарме? Лазло снова принялся чесать ухо.

– Не знаю. Можно поискать, наверное, но...

– Это займет вечность, – предсказала Киёка. – А кроме того, она может оказаться не в настроении опять дрючить коды, когда узнает, в чем дело. Помочь тебе развлечься – это одно, Лаз. Послать Курумаю с его запретами – уже не так привлекательно, понимаешь?

– Ей не обязательно знать все, – сказала Ядвига.

– Не надо быть такой сукой, Яд, я не собираюсь подставлять Суки без...

Я прочистил горло.

– А что насчет Оиси?

Все посмотрели на меня. Лоб Орра пошел складками.

– Пожалуй. Они с Сильви давно друг друга знают. Оба нанимались мальками.

Ядвига улыбнулась.

– Ну конечно, он согласится. Если попросит Микки.

– Что?

Теперь, кажется, улыбки появились на лицах у всех. Долгожданный выход накопившегося напряжения. Киёка хихикнула в ладонь у лица. Лазло демонстративно разглядывал потолок. Еле сдерживаемые смешки. Только Орр слишком злился, чтобы присоединиться к веселью.

– Ты *ничего* не заметил за последние пару дней, Микки? –

Ядвига растягивала шутку до последнего. – Ты нравишься Оиси. В смысле, *реально* нравишься.

Я огляделся в тесной каморке и попытался сравниться с Орром отсутствием чувства юмора. В основном я злился на себя. Я *не* заметил, или, по крайней мере, не узнал, в чем именно, по словам Ядвиги, выражалось его внимание. Для посланника упустить полезное преимущество – непрости-тельный провал.

Бывшего посланника.

Ага, спасибо.

– Неплохо, – сказал я ровным тоном. – Тогда лучше пойду и поговорю с ним.

– Ага, – выдавила Ядвига с каменным лицом. – Попроси его взломать черный ход.

Взрыв смеха, громогласный в замкнутом пространстве. На мое лицо заползла нежеланная улыбка.

– Засранцы.

Не помогло. Веселье только усилилось. На койке из-за шума заворочалась и открыла глаза Сильви. Она привстала на локте и мучительно закашлялась. Смех улетучился из комнаты так же быстро, как появился.

– Микки? – ее голос показался слабым и заржавевшим.

Я повернулся к кровати. Поймал краем глаза ядовитый взгляд, который метнул в меня Орт. Наклонился к ней.

– Да, Сильви. Я здесь.

– Над чем вы смеетесь?

Я покачал головой.

– Очень хороший вопрос.

Она схватилась за мою руку с той же силой, что и в ночь на стоянке Оиси. Я приготовился к тому, что она могла сказать дальше. Но она просто дрожала и смотрела на собственные пальцы, вцепившиеся в рукав моей куртки.

– Я, – пробормотала она. – Оно меня *знало*. Оно. Как старый друг. Как...

– Отстань от нее, Микки, – Опп попытался меня оттеснить, но хватка Сильви оказалась упрямей. Она непонимающе уставилась на него.

– Что происходит? – с мольбой спросила она.

Я бросил взгляд исподлобья на великана.

– Ты ей расскажешь?

Глава тринадцатая

Ночь упала на Драву обрывками заснеженного мрака, легла, как истлевшее одеяло, на сгрудившиеся баббл-тенты ба-зы и высокие угловатые руины самого города. С ветром пришел и ушел фронт микрометели, неся с собой толстые плюхи снега, что замазывали лицо и лезли за шиворот, а потом уносились, истончаясь почти до пустоты, и снова возвращались танцевать в воронках света, идущего от ламп Ангьера. Видимость колебалась, то падала до пятидесяти метров, то расчищалась, то опять падала. Погода, чтобы носа не казать из дома.

Присев в тени забытого грузового контейнера в конце верфи, я на миг задумался, что поделывает второй Ковач, в Нечистой. Как и у меня, у него стандартная для уроженца Ньюпеста нелюбовь к холоду, как и я, он...

Ты этого не знаешь, ты не знаешь, кто он...

Ага, конечно.

Слушай, где, по-твоему, якудза надывают лишнюю копию личности бывшего чрезвычайного посланника? И на хрена им рисковать? Под всем напускным закосом под предков со Старой Земли они всего лишь бандиты. И они не могут...

Ага, конечно.

С этим зудом живем мы все – цена современности. А что, если? Что, если в какой-то безымянный момент жизни те-

бя скопировали. Что, если ты хранишься в брюхе какого-нибудь компьютера, где обитаешь в бог знает какой параллельной виртуальной реальности или просто спишь, ожидая, когда тебя выпустят в реальный мир.

Или уже выпустили, и теперь ты где-то там. Живешь. Это видишь в эксперии, об этом слышишь в городских легендах о друзьях друзей – которые по какой-нибудь случайной компьютерной ошибке встретили сами себя в виртуальности или – реже – в реальности. Или страшилки про заговоры в духе Лазло об армейских множественных облачениях. Слышишь и экзистенциальные мурашки бегут по коже. И однажды тебе рассказывают такую правдоподобную историю, что можно и поверить.

Однажды я встретил и убил человека с двумя оболочками.

Однажды я встретил самого себя, и кончилось это плохо.

Я не торопился повторять.

И мне без того хватало поводов для беспокойства.

В пятидесяти метрах дальше по доку среди метели темнел «Рассвет Дайкоку». Он был больше «Пушек для Гевары» – судя по виду, бывший торговый хOVER, расконсервированный и переделанный под нужды деКома. Судно излучало старомодную помпезность. Свет уютно горел в иллюминаторах и скапливался в холодные белые и красные созвездия на надстройке. Недавно на трапах плыли целеустремленные ручейки силуэтов отбывающих деКомовцев и горел свет у пирсов погрузки, но теперь люки были закрыты, а хOVERлодер

стоял, одинокий, на ветрах ночи Нового Хока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.